

94 $\frac{8}{205}$

1832 $\frac{7}{4}$ ✓

~~ПРОВЕРЕНО~~

СКРИЖДАЛЬ

СБОРНИКЪ
ПЕРВЫЙ

С-45,5.

~~ЧИТАЛЬНЯ~~

~~ЧИТАЛЬНЯ~~

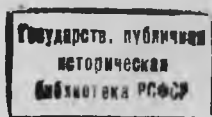
~~МОСКОВСКОЕ ВЪСРЕДНЕОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
ЧИТАЛЬНЯ~~

~~Проверено 1933 г.~~

~ 1918. ~

11053. - F

1343662 M

*Каждая книга — скрижаль,
заповедь Жизни — пророка...*

ИВ. БУНИНЪ
КОНЕЦЪ

К О Н Е Ц Ъ.

Князь умеръ передъ вечеромъ двадцать девятого августа. Умеръ, какъ жилъ, — въ полномъ одиночествѣ.

Солнце, золотясь передъ закатомъ, не разъ заходило въ легкія смуглыя тучки, островами раскинутыя надъ дальними полями на западѣ. Вечеръ былъ простой, спокойный. На широкомъ дворѣ усадьбы было пусто, въ домѣ, какъ будто еще болѣе обветшавшемъ за лѣто, очень тихо.

Нищіе, бродившіе по деревнѣ, раньше всѣхъ узнали о смерти князя. Они появились возлѣ разрушенныхъ каменныхъ столбовъ при вѣздѣ въ усадьбу и вдругъ нестройно, разными голосами запѣли древній духовный стихъ про исходъ души изъ тѣла. Ихъ было трое: рябой парень въ лазоревой рубахѣ съ укороченными рукавами, старикъ, очень прямой и высокій, и загорѣлая дѣвочка, лѣтъ пятнадцати, но уже мать. Она стояла съ соннымъ ребенкомъ на рукахъ, державшимъ во рту сосокъ ея маленькой груди и пѣла звонко и безстрастно. Мужики были оба слѣпы, съ бѣльмами; у нея глаза были чистые, темные.

Въ домѣ хлопали двери. Наташа выскочила на парадное крыльцо и вихремъ понеслась черезъ дворъ къ люд-

ской избѣ; изъ раствореннаго дома слышно было, какъ стѣнные часы медлительно и спокойно пробили шесть. А черезъ минуту по двору уже бѣжалъ и на бѣгу попадалъ въ рукавъ армяка работникъ — сѣдлатъ лошадь, скакать на деревню за старухами. Гостившая въ усадьбѣ Анюта, похожая своей стриженной головой на мальчика, высунулась въ окошечко людской и, захлопавъ въ ладоши, что-то закричала ему вслѣдъ—тупо, косноязычно и восторженно.

Когда молодой Бестужевъ вошелъ къ умершему, онъ лежалъ навзничъ, на старинной кровати орѣховаго дерева, подъ старымъ одѣяломъ изъ краснаго атласа, съ разстегнутымъ воротомъ ночной рубашки, полузакрывъ неподвижные, какъ бы хмѣльные глаза и откинувъ на подушку темное, поблѣднѣвшее, давно не бритое лицо съ большими сѣдьющими усами. Ставни въ этой комнатѣ были по его желанію закрыты почти все лѣто,—теперь ихъ открывали. На комодѣ возлѣ кровати желто горѣла свѣча. Склонивъ къ плечу голову, съ бьющимся сердцемъ, Бестужевъ жадно всматривался въ то странное, уже холодѣвшее, что тонуло въ постели и что еще называлось княземъ.

Ставни раскрывались одна за другою. Въ окна, сквозь темныя вѣтви стараго хвойнаго палисадника, вдругъ глянулъ далекій закатъ, оранжево догоравшій въ тучкахъ. Бестужевъ, отойдя отъ умершаго, распахнулъ одно изъ этихъ оконъ. Въ комнату, въ застоявшійся, сложный запахъ лекарствъ, ощутительно потянуло чистымъ воздухомъ. Вошла заплаканная Наташа и стала выносить вонъ все то, что князь, съ недѣлю тому назадъ, внезапно охваченный какой-то тревожной жадностью, приказалъ перетаскать къ нему и разложить передъ его глазами на столахъ и креслахъ: старое казачье сѣдло, уздечки, ружья, мѣдный охотничій рогъ, собачьи смычки, патронташъ. Уже не стѣсняясь стучать, звенѣть удилами и стремя о стремя, она дѣлала дѣло съ твердымъ и строгимъ лицомъ, сильно дунула, проходя мимо комода, на свѣчу... Князь былъ неподвиженъ и неподвижны были его полуприкрытые, какъ бы слегка косившіе глаза. Вечернее сухое тепло, смѣшанное со свѣжестью отъ рѣки, наполняло комнату. Солнце потухло, все поблекло. Хвоя палисадника сухо темнѣла на прозрачномъ, сверху зеленоватомъ, ниже шафранномъ морѣ далекаго

запада. Щebetала за окномъ какая-то птичка, и щебетъ ея казался очень рѣзокъ.

— Чего жалѣть, — серьезно сказала Наташа, опять входи и отодвигая ящикъ комода, вынимая оттуда чистое бѣлье, простыню и наволочку на подушку. — Умерли смирно, всѣмъ такъ дай Богъ. А жалѣть ихъ некому, никого послѣ себя не оставили, — прибавила она и опять вышла.

Бестужевъ, присѣвъ на подоконникъ, все глядѣлъ въ темный уголь, на постель, гдѣ лежалъ умершій. Онъ все старался что-то понять, собрать мысли, ужаснуться. Но ужаса не было. Было только ощущение удивленности, невозможности осмыслить, охватить происшедшее. Неужели тотъ, кто лежитъ тамъ, въ этомъ углу, уже ничего не видитъ, ничего не слышитъ? Неужели все разрѣшилось и теперь можно говорить въ этой спальнѣ такъ свободно, какъ говорить Наташа? Впрочемъ, подумаль Бестужевъ, она говорила о князѣ съ той же свободой, — какъ о человѣкѣ, уже вышедшемъ изъ круга живыхъ, — и раньше, весь послѣдній мѣсяць.

Со двора, изъ сумрака, слабо и необыкновенно пріятно пахло дымомъ. Это успокаивало, говорило о землѣ, о продолжающейся, простой человѣческой жизни. Въ стемнѣвшихъ лугахъ, на рѣкѣ, ровно шумѣла водяная мельница... Недѣлю тому назадъ князь сидѣлъ возлѣ ея воротъ, на старомъ жерновѣ, — въ шапкѣ, въ лисьей поддевкѣ, худой и темноликій, согнувшись и упершись руками въ сѣрый поздраватый камень. Старикъ, который привезъ смолоть нѣсколько мѣръ нѣвины, щурясь, исподлобья посмотрѣлъ на него, развертывая веретѣе. — „А ужъ и худъ ты! — холодно и пренебрежительно сказалъ онъ князю, хотя прежде всегда говорилъ съ нимъ почтительно. — Прямо никуда! Нѣтъ, теперь тебѣ житья немного. Тебѣ лѣтъ семьдесятъ будетъ?“ — „Пятьдесятъ первый, — сказалъ князь. — Да что ты, не знаешь меня развѣ?“ — „Пятьдесятъ первый! — насмѣшливо сказалъ старикъ, возясь съ веретѣемъ. — Не можетъ того быть, — твердо сказалъ онъ, — ты на много старше меня“. — „Вотъ дуракъ, — усмѣхнувшись, сказалъ князь, — да вѣдь мы росли вмѣстѣ“. — Ну, росли, не росли, а житья тебѣ теперь немного“ — сказалъ старикъ, натуживаясь, и, приподнявъ и прижимая къ груди тяжелую, полную рожью мѣру, по-

спѣшно, присѣдая, пошелъ въ шумящую, бѣлую отъ муки мельницу...

— Теперь уходите, барчукъ, — безстрастно, но значительно сказала Наташа, входя съ ведромъ горячей воды.

И отъ этого ведра, отъ этихъ словъ Бестужеву вдругъ стало страшно. Онъ поднялся съ подоконника и, не глядя на Наташу, вышелъ черезъ прихожую, прилегавшую къ комнатѣ покойнаго, на черное крыльцо. Въ сумракѣ возлѣ крыльца мыли руки пріѣхавшія съ деревни старухи, Евгенія и Агафья; одна поливала, другая, согнувшись, захвативъ въ колѣни подолъ темнаго платья, мыла и крѣпко отжимала, встряхивала пальцы. Это было еще страшнѣе. Бестужевъ быстрыми шагами прошелъ мимо нихъ, въ сухой, уже порѣдѣвшій къ осени, садъ, таинственно освѣщенный по низамъ только что показавшимся среди дальнихъ стволовъ круглымъ, огромнымъ, зеркальнымъ мѣсяцемъ...

Въ девятомъ часу въ комнатѣ, гдѣ умеръ князь, все пришло въ порядокъ, было прибрано, тепло пахло вымытыми полами. На столахъ, поставленныхъ наискось въ передній уголъ, подъ старинные образа, возлѣ окна, верхнее стекло котораго серебрилось отъ мѣсячнаго свѣта, возвышалось подъ простыней тѣло, казавшееся очень большимъ. Три толстыхъ свѣчи въ церковныхъ высокихъ подвѣсникахъ горѣли въ головахъ его прозрачно, дрожали хрустальнымъ чадомъ. Тишка, сынъ церковнаго сторожа Семена, умытый, причесанный на косою рядъ, въ новой поддевкѣ, звонко и поспѣшно читалъ псалтырь. — „Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ, — читалъ онъ звонко и жалостно, подражая кому-то. — Хвалите Его, всѣ ангелы Его, хвалите Его, всѣ воинства Его...“ Темно и чадно дрожали на толстыхъ желтыхъ свѣчахъ прозрачныя копыя пламени, золотыя, съ ярко-синимъ основаніемъ.

Въ домѣ огонь былъ только въ лакейской. Тамъ, подъ окномъ стоялъ столъ, на столѣ кипѣлъ самоваръ. Блѣдная и серьезная, въ черномъ платочкѣ, Наташа, Евгенія, похожая на смерть, и печально-скромная Агафья, плотникъ Григорій, уже начавшій въ сараѣ дѣлать гробъ, и церковный сторожъ Семень, худой старикъ съ тусклыми свинцовыми глазами, испорченными постояннымъ чтеніемъ при дрожащемъ свѣтѣ, по покойникамъ, пили чай. Семень, ко-

торый долженъ былъ смѣнить сына, принесъ съ собой свою собственную книгу, очень старую, въ грубой, какъ бы деревянной кожѣ бураго цвѣта, закапанную воскомъ, съ обожженными кое-гдѣ углами страницъ.

— А какъ ни плохо живешь, все будетъ трудно съ бѣлымъ свѣтомъ разставаться,—печально говорила Агафья, наливая изъ чашки въ блюдечко.

— Извѣстно, трудно,—сказалъ Григорій.—Кабы зналъ, и жилъ бы не такъ, все бы имущество истребилъ. А то боимся имѣніе свое распустить, все думаешь, подъ старость дѣться будетъ некуда... А глядишь — и до старости не дожилъ!

— Наша жизнь какъ волна бѣжить,—сказалъ Семень.— Смерть, ее, сказано, надо встрѣчать съ радостью и трепетомъ.

— Съ трепетомъ, не съ трепетомъ, а умирать никому не хочется, — сказалъ Григорій. — Всякая козявка, и та смерти боится. Тоже, значить, и у нихъ души есть.

— Не души, батюшка, а дуси,—наставительно сказала Евгенія.

Кончивъ послѣднюю чашку, Семень мотнулъ головой, откидывая со лба вспотѣвшіе темносѣрые волосы, всталъ, перекрестился, захватилъ псалтырь и на ципочкахъ пошелъ черезъ темный залъ, черезъ темную гостиную къ покойнику.

— Ступай, ступай, дорогой, — сказалъ ему вслѣдъ Евгенія. — Да поприлежнѣй читай. Когда кто хорошо читаетъ, грѣхи съ грѣшника какъ листья съ сухого дерева валятся.

Смѣняя Тишку, Семень надѣлъ очки и, строго глядя черезъ нихъ, мягко обобралъ пальцами воскъ съ оплывшихъ свѣчей, потомъ развернулъ на аналоѣ свою книгу, крѣпко уперся ладонью лѣвой руки въ край стола подъ покойникомъ и сталъ читать негромко, съ ласковой и грустной убѣдительностью, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предостерегающе повышая голосъ.

Дверь въ прихожую возлѣ чернаго крыльца была открыта. Читая, Семень слышалъ, какъ на крыльцѣ кто-то затопалъ ногами: пришли поглядѣть на покойника двѣ дѣвки, обѣ наряженныя, въ новыхъ крѣпкихъ башмакахъ. Онѣ вступили

въ комнату робко и радостно, шопотомъ переговариваясь. Крестьясь и стараясь ступать нетвердо, одна изъ нихъ, дрожа грудью подь новой розовой кофточкой, подошла къ столу, отвернула простыню съ лица князя. Блескъ свѣчей упалъ на кофточку, испуганное лицо дѣвки стало въ этомъ блескѣ блѣдно и красиво, а мертвое лицо князя засіяло какъ косяное. Большіе сѣдьющіе усы, разросшіеся за болѣзнь, уже сквозили, въ глазахъ, не совсѣмъ закрытыхъ, темнѣла какая-то жидкость...

Тишка жадно курилъ въ сѣняхъ, поджидая выхода дѣвокъ. Онѣ проскользнули мимо него, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ его. Одна сбѣжала съ крыльца, другую, въ розовой кофточкѣ, онъ успѣлъ поймать. Она рванулась, зашептала:

— Ай ты угорѣлъ? Пусти! А то отцу скажу...

Тишка выпустилъ ее. Она побѣжала къ саду. Мѣсяцъ, уже небольшой, бѣлый, ясный, высоко стоялъ надъ темнымъ садомъ, и золотисто блестяло въ его свѣтѣ старое, сухое желѣзо на крышѣ бани. Въ тѣни отъ сада дѣвка обернулась и, взглянувъ на небо, сказала:

— Ночь-то какая, — батюшки!

И очаровательно, съ радостной иѣжностью, прозвучалъ въ ночномъ тихомъ воздухѣ ея счастливый голосъ.

Бестужевъ ходилъ изъ конца въ конецъ по двору. Со двора, пустого, широкаго, освѣщеннаго мѣсяцемъ, онъ глядѣлъ на огоньки въ деревнѣ за рѣкою, на свѣтлыя огна людской, гдѣ слышались голоса ужинающихъ. Въ сараѣ были раскрыты ворота, горѣлъ разбитый фонарь, поставленный на козлы тарантаса. Григорій, наклонившись и оставивъ одну ногу, шмыгалъ фуганкомъ по тесинѣ, заправленной въ старый верстакъ князя. Отъ его движеній огонь въ фонарь дрожалъ, дрожали тѣни въ сумрачномъ сараѣ... Когда Бестужевъ на минуту пріостановился у воротъ сарая, Григорій поднялъ возбужденное лицо и весело, съ оттѣнкомъ ласковой гордости сказалъ, кивая на стоявшій возлѣ его ногъ длинный бѣлый ящикъ:

— Крышку ужъ додѣлываю...

Потомъ Бестужевъ постоялъ, облокотясь на раскрытое окно людской. Кухарка собирала со стола, надъ которымъ висѣла лампочка, остатки ужина, стирала съ него ветошкой.

Пастухи, подростки, укладывались спать: Митька, разутый, молился, стоя на парахъ, устланныхъ свѣжей соломой, Ванька — среди избы. Рыжій лохматый печникъ, широкоплечій и очень маленькій ростомъ, въ черной рубахѣ съ крапинками известки на ней, пришедшій съ деревни изъ-за рѣпки, чтобы пачать завтра поправлять стѣны внутри обваливагося княжескаго склепа, вертѣль, сидя на лавкѣ, цигарку.

Анюта тупо, восторженно и косноязычно говорила съ печки:

— Вотъ и померъ, ваше сіятельство, въ головѣ ничего не положилъ... Такъ и не далъ мнѣ ничего... Нѣту да нѣту, погоди да погоди... Вотъ теперь и годи... Вотъ и годи! Годи теперь! Погодилъ, милый? Въ голова себѣ много положилъ? Понялъ теперь, что у тебя въ головахъ, глупый? А чтобы такъ-то дать рублика два, прикрыть мое тѣло! Я убогая, урода. Никого у меня нѣту. Ишь грудь-то!

И она распахнула кофту и показала голую грудь:

— Голая вся. Такъ-то, глушій! А я тебя въ старые годы любила, я объ тебѣ скучала, ты красивый былъ, веселый, ласковый, чистая барышня! Ты всю свою младость объ своей Людмилочкѣ убивался, а она тебя, глупый, только терзала, мучила да съ другимъ подъ вѣнецъ стала. Ты изъ-за пей весь свой вѣкъ сгубилъ, пьяницей сталъ, а я одна тебя вѣрно любила, да про то только моя думка знала! Я убогая, урода, а душа-то у меня, можетъ, ангельская-архангельская, я одна тебя любила, одна сижу радуюсь о твоей кончинѣ смертной...

И она радостно и дико засмѣялась и заплакала.

— Пойдемъ, Анюта, псалтырь читать, — громко сказалъ печникъ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми, съ дураками. — Пойдешь, не боишься?

— Дуракъ! Кабы ноги были цѣлы и пошла бы, ай плохо? — крикнула Анюта сквозь слезы. — Ихъ грѣхъ, покойниковъ-то, бояться. Они святые, пречистые!

— Я и не боюсь, — съ преувеличенной развязностью сказалъ печникъ, закуривая цигарку, загорѣвшуюся зеленымъ огнемъ. — Я съ тобой хоть на цѣльную почъ въ фамильный склепъ ляжу. А псалтырь читать, это, братъ, всякій пойдетъ. Водки сколько хочешь, харчи отличные... Самое первое удовольствіе, по моему счету!

Анюта, не слушая его, восторженно рыдала, утираясь кофтой. Не нарушая свѣтлаго и прекраснаго царства ночи, а только дѣлая его еще болѣе прекраснымъ, пали на дворъ легкія тѣни отъ шедшихъ на мѣсяцъ бѣлыхъ тучекъ, и мѣсяцъ, сіяя, катился и катился на нихъ въ глубинѣ чистаго неба, надъ блестящей крышей темнаго стараго дома, гдѣ свѣтилось только одно крайнее окно — у изголовья почившаго князя.

И. Бунинъ.

АННА АХМАТОВА
ПОСЛѢДНЕЕ
ПИСЬМО

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО.

О спутникъ мой неосторожный,
Мой другъ ревнивый и тревожный,
Ты не пришелъ за мной сюда.
Сентябрь печаль и холода,
А возвращенье невозможно
Въ таинственные города—
Шхъ два, одинъ другому равень
Суровой красотой своей
И памятью священной славень.
Улыбкой освященъ твоей,
Несносень ты и своенравень,
Но почему то всёхъ милѣй.
Мнѣ нестерпимо здѣсь томиться,
По четкамъ костянымъ молиться
И точно знать, что на обѣдъ
Ко мнѣ прѣдетъ мой сосѣдъ.
Подумай, день идетъ за днемъ,
Снѣгъ выпалъ, къ вечеру растаетъ.
И за послѣднимъ журавлемъ
Моя надежда улетаетъ.
Къ моей тоскѣ сосѣдъ приучень
И часто самъ вздыхаетъ онъ:
«Простите, грустенъ я и скучень».
А въ самомъ дѣлѣ онъ влюбленъ.
Въ саду подъ шумъ березъ корельскихъ,
О дняхъ мечтаю царкосельскихъ,
О долгихъ спорахъ, о стихахъ
И о плѣнительныхъ губахъ.
Но чувствую у локтя руку
Идушаго меня домой

И снова слышу, что со мной
Нельзя перенести разлуку;
Какою страшною виной,
И заслужила эту скуку.
Когда каминъ въ гостиной топятъ
И гость мой стройный не торопитъ
Свою калеску подавать,
А словно что-то вспоминая,
Глядитъ на пламя не мигая
И я люблю припоминать...
Уже, друзья, мою божицу
Устали видѣть вы пустой
И каждый новую царшу
Подводитъ къ двери золотой.
А ты, конечно, всѣхъ проворнѣй,
Твоя избранница покорнѣй
Другихъ; и скоро фиміамъ
Волной прильнетъ къ ея ногамъ...
Тогда припомни часъ единый,
Вечерній удаленный часъ
И крикъ печали лебединой
И взоръ моихъ прощальныхъ глазъ.
Мнѣ больше ничего не надо—
Мнѣ это вѣрная ограда.

1913. Осень. Слышено.

К. БАЛЪМОНТЪ

**ОКОНЦЕ
—
ТРОПИНКИ
ОГНЯ**

О К О Н Ц Е.

Я смотрю на волю снова,
Изъ оконца слюдяного.
Непрозрачная среда,
Все же небо сверху, звѣздно,
Свѣтитъ ночью многогрозно.
II Вечерняя Звѣзда
Мнѣ является богатой,
Увеличенно—косматой,—
Словно все кругомъ—вода,
Я жъ, водою тѣсно сжатый,
Вверхъ смотрю со дна пруда.

Нѣтъ, конечно я не рыба,
Не уютно жить въ пруду.
Но, пока весь міръ въ бреду,
Здѣсь я съ грезой рѣчь веду.
Снѣгъ и ледъ. За глыбой глыба.
Отъ излома, отъ изгиба,
Въ сердце жаждущее мое
Свѣтомъ входитъ остріе.
Пляска ломкихъ алыхъ граней
Держитъ мысль въ цвѣтномъ туманѣ.
Греза—жизнь. Вступи въ нее.

Радость—быть, въ своихъ основахъ,
Каплей въ бѣшенствѣ зыбей.
Въ дальихъ днѣй доледниковыхъ,
Позабытыхъ, вѣчно-новыхъ,
Смѣну красокъ, все скорѣй,
Видѣть въ зоряхъ лютарей.
Въ томъ свершающемся чудѣ,
Гдѣ лишь послѣ будутъ люди,
И смотрю на бѣгъ слоновъ.
И люблюсь, съ мастодонтомъ,
Безпреграднымъ горизонтомъ,
Въ ревахъ близкихъ облаковъ.

Въ довременной я Сибири,
Гдѣ и вѣгеръ, въ бѣлой ширѣ,
Устаетъ порою летать.
Упадетъ, и надъ безпутнымъ,
Взрывнымъ, вспѣвнымъ, помпнутымъ,
Чуть смущая тишь и гладь,
Буря спитъ, ворчунья—мать,
Вѣтеръ—съ вѣтромъ. Вонь ихъ стая,
А червоннаго Алтая,
Зацѣпились за скалу,
И въ пещерахъ тѣшатъ меду.
Снѣгъ растаялъ. Орхидеи,
Раскрывая емкость чашъ,
Воздухъ пьютъ. И мыслять змѣи:—
«Полночь—наша. Полдень—нашъ».
Мамонтъ шествуетъ мохнатый,
Пышношерстный носорогъ.
И громовые раскаты,
На скрещенн ихъ дорогъ,
Въ бубень бьютъ и трубятъ въ рогъ.

Мѣсяцъ съ Солнцемъ заглянули
Въ глубь разверстную горы.
Камень къ небу воспринулъ въ гуль.
Часъ вулкана. Часъ игры.
Часъ, что любятъ все мiры.
Золотая крѣпнетъ жила.
Солнцезернь. Цвѣтеть. Пора.
II Луна посторожила,
Чтобъ содружно шла игра
Блѣдныхъ блескокъ серебра.
Хоть травинки запредѣльной
Въ глубь укрылась, въ изумрудъ.
III среди скалистыхъ грудъ
Огнецвѣтъ, какъ зовъ свирѣлый,
Брызнулъ сказкой тамъ и тутъ:—
Жуть измѣны влилъ въ опалы,
Тѣни всехъ часовъ—въ агаты,
II поджогъ желанья, алыи,
Влилъ въ рубинъ, вшешнулъ въ гранаты.
Въ страсть вошелъ,—нельзя назадъ.
Кто полюбитъ, тотъ безбреженъ,
Онъ ведомъ лучомъ звѣзды,
Хоть сидитъ онъ, тихъ и нѣженъ,
У оконца изъ слюды.

ТРОИЦЫ ОГНЯ.

И съ спицей,
Съ огонькомъ,
Надъ криницей
Тѣшу громъ.

Между впадинъ,
Въ срывахъ скалъ,
Тайну градинъ
И искалъ.

Тайну грома
Я нашель,
Мнѣ знакомо
Шѣнье пчель.

Надъ криницей
И молчу,
Съ быстрой птицей
Полечу.

Утромъ рано
Я воскресь.
Изъ тумана
Вышелъ лѣсъ.

За горами
Рѣчь веду.
Въ волчьей ямѣ
Кладь найду.

Съ дикой кручи
Взвѣяль тьму.
Самъ я тучи
Разойму.

Капли влаги
Ткаль ковромъ,
Пьянь отъ браги
Грянуль громъ.

Все есть сказка,
Все душа.
Огнепласка
Хороша.

Снова Солнце
Льетъ огни.
Веретенце,
Отдохни.

АД ВОЗНЕСЕНСКІЙ
IUS PRIMAE NOCTIS

ДРАМА ВЪ 1 ДѢЙСТВІИ

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Баронъ Луи-Филиберъ д'Эмери.

Отецъ Каппо, выгнанный изъ ордена іезуитъ, теперь кастелянъ замка.

Клодъ Марнакъ, одинъ изъ виллановъ въ окрестностяхъ замка д'Эмери, близъ Вервена.

Элиза, его жена.

Слуга.

Годъ дѣйствія 1570-й.

(Вечеръ. Столовая въ дѣспомѣ охотничьемъ замкѣ барона д'Эмери. Освѣщена свѣчами въ высокихъ, столбикъ по угламъ, канделябрахъ. При поднятіи занавѣса зрителю представляется нѣсколько страшная сцена. У входной, дубовой съ рѣзными украшеніями, двери стоитъ, перебирая шанку въ рукахъ, коренастый и грубоватый на видъ, но слегка принаряженный крестьянинъ Клодъ Марнасъ, а рядомъ,—полупрячась за его рукавомъ,—жена его Элиза; и ихъ обокъ, снисходительно уговаривая и даже трогая дружески Клода за плечо, проситъ къ столу кастелянъ замка отецъ Каппо, старичокъ сухой и бритый).

К а с т е л ь я н ь.

Прошу-же, Клодъ, прошу... Бери свою красотку, какъ видѣлъ—у господъ, когда ведутъ къ столу...

(Улыбаясь шамкающими губами, налаживаетъ руку Элизы подъ руку мужа).

Вотъ такъ, теперь идемъ. Смѣлѣе-же! Вы — гости барона д'Эмери, а я — его слуга...

Нашъ господинъ всегда наказывалъ мнѣ строго, чтобъ гости были сыты...

(Усадивъ на стулья Клода и Элизу, суетливо придвигаетъ имъ сѣдь. Затѣмъ панюкаетъ виномъ ихъ бокалы).

Сыты... это что!

А, главное, чтобъ въ замкѣ весело имъ было! Пей, пей, Элиза. Чокнись съ мужемъ. Такъ! А ты, нашъ добрый Клодъ, почаще подливай въ бокалы ей и себѣ: хозяинъ щедръ...

К л о д ъ

(робко, но со скрытымъ смысломъ :

Мы знаемъ ихъ!

Благодаренье имъ!

КАСТЕЛЯНЬ.

А гроздя винограда,
вѣдь, ad maiorem Dei gloriam цвѣтуть!

(Крестьянинъ, не понявъ, угодливо улыбается. Увлекаясь, ѣсть все усерднѣе, заливаетъ виномъ и подталкиваетъ легонько жену, чтобы и она пробовала вкусныя яства. Юная крестьянка вяло исполняетъ его желаніе, какъ вяло пьетъ она и вино, поданное ей кастеляномъ. Взоръ ея — изъ подъ приспущеннаго чепца — пристально устремляется иногда на мужа: еще молодой, но спокойный въ движеніяхъ, съ хитрыми разсудительными глазами и широкимъ рыбымъ лицомъ — онъ кажется хозяйственнымъ и степеннымъ. Оба молчать, каждый по своему, чувствуя необычность положенія и, каждый по своему, стараясь этого не показать).

КАСТЕЛЯНЬ

(дѣлая, въ свою очередь, видъ, что и wirимъ почитать крестьянъ за гостей, которыхъ надобно занимать пріятными разговорами, становится позади ихъ стульевъ и, просунувъ голову между мужемъ и женой, обращается то къ одному, то къ другой):

Ты на отличнѣйшемъ счету, Марнакъ... Недавно баронъ, перечисляя молодыхъ крестьянъ, исправныхъ и послушныхъ, называлъ изъ первыхъ... нѣтъ, первымъ называлъ тебя! — На старый лугъ, что позади гороховаго поля, будетъ ближайшимъ кандидатомъ мой Марнакъ!.. Да, такъ сказалъ на дняхъ баронъ.

(Похлопываетъ Клода по спинѣ).

Хе, хе, не удивляюсь,
что умница Элиза выбрала тебя!
Не даромъ годъ жила въ монастырѣ — я знаю! —
и грамотой ее Всевышній просвѣтилъ...
У фрапта чубъ большой, за то онъ въ праздникъ съ
рынка
не привезетъ женѣ коралловыхъ серегъ...
А женщинѣ — о, самой набожной и честной! —
никакъ нельзя безъ нихъ...

(Поворачиваетъ голову къ Элизѣ и, незамѣтно для мужа, смотритъ на нее заискивающе-притворно).

А завелось одно,
нельзя и безъ другого: хочется колечка,
и пояска съ персидскимъ серебромъ...

(Осторожно указывая ей пальцемъ на себя):

Все есть!

Ad libitum!

(Поворачивается къ Клоду).

У мужа, говорю... И молодъ,
и недурень собой, мужчина... Вотъ и взялъ
красотку *brevi manu*! Будетъ счастливъ парень!
Господь его выискалъ, и выщеть господинъ.
Такихъ дѣтей, какъ ты, всегда равно балуютъ
и небо, и земля...

(Престыявши все известныя сіять; и отъ похвалъ и отъ вѣна. Кастелянъ, у котораго два совершенно непохожихъ другъ на друга лица, опять поворачиваетъ второе свое лицо къ Элизѣ).

Покорность старшимъ! Вотъ!

А старшіе не только, что мудрѣй, — пріятнѣй,
ласковѣ младшихъ... слаще...

(Къ мужу):

Для души!

И вразумляю юную супругу... слышишь?

(Къ Элизѣ):

Пей, пей, красотка. Скука дьяволу пужна,
а Богъ веселыхъ любить...

(тихо и касается округлаго ея плеча)

...добренъкихъ...

(чувствуя, что она хочетъ что-то сказать,
прикрываетъ ей ротъ рукою)

...и тихихъ!

(Протяжннй трубный звукъ).

Баронъ! Я не замѣтилъ сроку... Эй, вставай:
довольно. парень, ѣсть! И ты, крикунья. Слѣдомъ
за мной идите.

(Пошатывающемуся Клоду):

Не царапай пола. Вотъ

сюда, въ мою каморку. И сидите смѣрно,
пока не позову.

(Подъ лѣстницей, у входа въ свою каморку,
стучитъ въ висѣщій топчъ. Показавшемуся у ду-
бовой двери слугѣ):

Перемѣни!

(Крестьянамъ):

Впередъ!

(Пропускаетъ ихъ въ открытую имъ подъ
лѣстницей низенькую дверь и захлопываетъ ее за
ними. Торопливо выходитъ навстрѣчу барону.
Слуга брезгливо и сѣбно убираетъ остатки послѣ
крестьянъ и мѣняетъ посуду и напитки. Потомъ
удаляется, низко кланяясь въ дверяхъ входящему
барону).

Баронъ

(услужливо семенящему за нимъ кастеляну):

А этотъ плутъ Балли тогда за нею слѣдомъ
и выстрѣлилъ...

Кастелянъ

(съ нарочитымъ восторгомъ изумленія).

И выстрѣлилъ!

Баронъ.

И уложилъ

на мѣстѣ.

Кастелянъ.

Уложилъ на мѣстѣ!

Баронъ,

(разстегивая у ворота платье).

И, однако,

усталь... Здѣсь кто-то изъ виллановъ, ты сказалъ?

Кастелянъ

(умиленнымъ шоп-тономъ):

Привель! Красавица... Сегодня обвѣнчался!

БАРОНЪ.

Ты говорилъ ему? Онъ знаетъ про эдиктъ?
про то, что не обязанъ...

КАСТЕЛЯНЪ.

Знаетъ! Вѣрно, знаетъ!
Народъ хитерь. А здѣшніе такъ всѣхъ хитрѣй.
Они изъ норъ своихъ пронохаютъ, какъ крысы,
когда имъ льгота новая выходитъ. Но —
какъ рыбы глохнуть, если выйдетъ имъ повинность!

БАРОНЪ.

А кто такой?

КАСТЕЛЯНЪ.

Смирнѣйшій... Жена его
еще смиреннѣе, голубка... Онъ — съ разсудкомъ!
И самъ явился къ вашей милости, блюдя
обычай старины, и... *do ut des*, понятно!..
И обѣщаль ему — уже шестому! — лугъ
за огородомъ. Напоилъ его... Ну, словомъ,
онъ гордъ и счастливъ. А зовутъ его Марнакъ.

БАРОНЪ.

Не знаю...

(Садится къ столу и сонно закусываетъ).

Утомилъ меня сегодня герцогъ.

Спать хочется.

(Наливаетъ себѣ вина и хохочетъ).

Вчера мы съ герцогиней Риль
съ полуночи и до зари все поджидали
въ одной изъ башенъ возвращенья въ Ланеделль
любезнаго супруга изъ Парижа... Милость
его величества потребовала жертвъ!
Вернулся герцогъ утромъ! И на брачномъ ложѣ
нашелъ невинную подругу. На конѣ
нашелъ меня. Ну, а на лбу широкомъ, лысомъ,
нашелъ-ли, я не знаю, — но найти онъ могъ
почтенные рога!..

КАСТЕЛЯНЪ

(хихикаетъ).

Еще-бы! До разсвѣта...

тамъ, въ башнѣ... съ герцогиней...

БАРОНЪ,

(вдругъ нахмурившись).

Те-с! Не болгать, отецъ!

КАСТЕЛЯНЪ.

Помилуйте!.. Такъ вашей милости угодно,
чтобъ я сейчасъ позвалъ ихъ?

БАРОНЪ.

Онъ не нуженъ мнѣ.

Да и она...

(Зѣваетъ).

...я сплю... И эти поселанки!

съ ихъ ароматами...

(Фыркаетъ).

КАСТЕЛЯНЪ.

Нѣтъ, ваша милость, нѣтъ.

Она совсѣмъ другого сорта... поглядите!

Такая бѣленькая, чистенькая... я

такъ прямо засмотрѣлся... Свѣтлый локонъ вьется
изъ-подъ наковки, а глаза, глаза...

БАРОНЪ.

Да ты

потомъ сталь, отецъ Кацпо!

(Смѣется).

Ухъ, ухъ! Смотри мнѣ!

Я про тебя все знаю...

КАСТЕЛЯНЪ

(съ угодливой улыбкой опускаетъ глаза).

Грѣшень, ваша милость!..

БАРОНЪ,

(допивая вино).

Смирна? Робѣеть?

КАСТЕЛЯНЪ.

Вся дрожить отъ страха. Мужъ наговорилъ de illustrissimo, какъ видно, такихъ вещей!.. Рукой коснулся я ея... нечаянно... такъ чуть не закричала! Жутко ей предъ мужчиною!..

БАРОНЪ

(прыскаетъ со смѣху).

Ты льстишь себѣ, старикъ! Ну, хорошо... Мнѣ надѣли страсти и распутство и женъ чужихъ, и собственныхъ подругъ. А такъ... забавно иногда: испуганная кротость, стыдъ дѣвичій... и вмѣстѣ первый знакъ въ глазахъ съвозъ темный страхъ пробившагося любопытства... Забавно!.. Убери его, отецъ Каппо, а ей... я возвращусь сюда, переодѣвшись.

(Поднимается по лѣстницѣ).

КАСТЕЛЯНЪ.

Я вашу милость тотчасъ догоню.

(Вѣжливѣе кь своей каморкѣ и отворяетъ дверь).

Иди,

Марнакъ, и радуйся... Нашъ господинъ согласенъ оставить здѣсь Элизу... не надолго... Онъ съ ней побесѣдуетъ и доброму научить... Баронъ не любитъ всякихъ! Д'Эмери — не то, что прочіе... И только для тебя, Марнака, любимаго виллана своего, онъ далъ соизволенье... Ну, поди-ка, Клодъ, въ сторожку, поспи... жена тебя разбудитъ скоро... Самъ я приведу ее къ тебѣ... и рах vobiscum!

(Скрывается по лѣстницѣ — вверхъ).

К л о д ъ,

(глядя сконфуженно свою шанку, съ нарочитымъ, покрывающимъ эту неловкость, зазоромъ).

Ну, что-жь... посиплю!.. Я спать всегда гораздъ!..

(Женѣ, съ дѣланнымъ спокойствіемъ).

Таъ ты
меня разбудишь?

Э л и з а

молча киваетъ опущенной головою).

К л о д ъ

(медлить. Потомъ, опять покрывая тономъ неловкость, неожиданно - грубо):

Что же ты молчишь? Барона боишься? съѣсть тебя?

(Еще помедливъ, мягче):

Все будетъ хорошо.

Поди сюда!

(Приближаетъ жену и, косолано обнявъ голову ея, цѣлуетъ въ щеку. Она еще ниже наклоняетъ лицо. Онъ — по своему, любовно):

Я—мужъ. И жить со мною будешь въ ладу, да въ мирѣ. Я-жь тебя люблю!

(Снова зычно цѣлуетъ жену — въ другую щеку; и, неуклюже цѣпляясь за барскую мебель и подобострастно отстраняясь отъ нея, выходитъ).

Э л и з а

(впервые приподнимаетъ голову и озирается. Когда затихли шаги мужа):

О, гадъ!

(Видитъ круглый блестящій шлемъ на стѣнѣ и быстро бросается къ нему: оправляетъ голову и станъ передъ зеркальной его гладью. Прислушивается; снова, легкими шагами отбѣжавъ, становится подъ лѣстницей, у двери. И снова, какъ прежде, опущены долу ея глаза):

Б А Р О Н Ъ,

(сбѣвившій въѣздной костюмъ и охотничьи сапоги на удобный домашній камзолъ и туфли, спускается по лѣстницѣ, снисходительно положивъ руку на плечо посѣвшающаго рядомъ вастеляна).

А если утромъ посланный отъ герцогини опять прискачетъ, ты его, отецъ Капно, сумѣешь... ты, вѣдь, мастеръ...

К А С Т Е Л Я Н Ъ.

Я сумѣю. Живо спроважу... Значить, въ полдень ваша милость быть желаетъ въ замкъ Турено?

(Спустившись, жестомъ показываетъ Элизѣ, чтобы она выступила изъ-подъ лѣстницы впередъ).

Б А Р О Н Ъ.

Когда-бъ ты видѣлъ его сестру, ты понялъ-бы...

(Обернувшись и замѣтивъ Элизу, дѣлаетъ вастеляну отпускаящій знакъ):

Пока!

К А С Т Е Л Я Н Ъ.

Иду,

иду...

(Бочкомъ пробирается подъ лѣстницу и скрывается за своей дверью).

Э л и з а

(отвѣшиваетъ низкій поклонъ и остается на томъ-же мѣстѣ).

Б А Р О Н Ъ

(стоитъ у стола, подперевъ руками талию. Послѣ небольшого молчаливаго разглядыванія, съ улыбкой):

Зачѣмъ-же такъ далеко?

Элиза

(сдѣлаетъ шагъ впередъ).

Баронъ.

А поближе?

Элиза.

(дѣлаетъ еще маленькій шагъ).

Баронъ

(со свойственной его походкѣ и движеніямъ порывистостью беретъ со стола трехсвѣчникъ и, приблизившись къ Элизѣ, подноситъ къ самому ея лицу. Остается доволенъ. Отходя и ставя обратно трехсвѣчникъ):

Зовутъ?

Элиза.

Элиза.

Баронъ

Да... прелестна... право!

(Снова стремительно приблизившись, беретъ Элизу за руку и приводитъ на середину комнаты. Самъ садится напротивъ нея на низкой широкой, застланной звѣриными шкурами, скамьѣ. Приосминая):

Я

тебя... какъ будто видѣлъ мелькомъ?...

Элиза.

Да, видали.

Баронъ.

Гдѣ?

Элиза.

Въ замокъ убирать я приходила.

Баронъ

(удивленно):

Ты?

Элиза.

Предъ свѣтлымъ праздникомъ.

Баронъ.

Зачѣмъ? Тутъ развѣ мало
своихъ есть слугъ?

Элиза

(молчитъ).

Баронъ.

Ну, хорошо!.. Сними свою
наколку...

Элиза

(застѣнчивымъ движеніемъ руки освобождаетъ
голову отъ чепца. Тяжелый вѣнецъ волосъ скай-
мляетъ ивѣнный контуръ лица и шею ея волни-
стымъ золотомъ цвѣта темнаго орѣха).

Баронъ,

(любуясь):

Мужа любишь?

Элиза.

(твердо):

Нѣтъ.

Баронъ.

Другого любишь?

Элиза

(молчитъ).

Баронъ

(удовлетворенно):

Еще и не умѣешь, вѣрно!.. Но придетъ:
полюбишь!

(Встаетъ и, обходя одинъ уголь за другимъ
небрежнымъ движеніемъ платка тушитъ въ кан,
делярахъ свѣчи).

А пока мечтаешь... и тоскуешь
ночами тихими подъ серебромъ луны!..

Э л и з а

(вдругъ — печально и просто):

Я васъ люблю.

Б а р о н ъ,

(занесшій уже платокъ надъ послѣднимъ
трехсвѣчникомъ, стоящимъ на столѣ, не тушитъ
этихъ свѣчъ и съ досадливымъ чувствомъ обра-
чивается къ Элизѣ).

Ахъ, этого не падо!

(Бросаетъ платокъ и недовольно дѣлаетъ по
комнатѣ нѣсколько шаговъ).

Всѣ вы

одно и то-же говорите господамъ!

Не знаю, кто васъ учитъ этому... мужья?
мать? сестры?.. Не люблю! Оставь. Со мной не надо
притворства.

Э л и з а

(вся словно опадаетъ. Стоитъ, опять не под-
нимающая глазъ).

Б а р о н ъ,

(сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, успокаи-
вается. Взглянулъ на нее; ему стало ей жаль.
Сѣлъ снова на скамью и взялъ ея руку. Любуется).

Ну, не обижайся. Не виню
тебя: наука старшихъ!..

(Мягкимъ движеніемъ привлечь ея, полюб-
ившая ея стань).

Ты зачѣмъ-же вышла
за этого... Марнака, кажется... коль онъ
тебѣ не миль?

Э л и з а

(снова печально и просто):

Зачѣмъ, что знала только
его, единственнаго, кто теперь жену
по доброй волѣ въ замокъ отведеть.

Баронъ,

(сразу опустивъ руку).

Ты что-же!

Не въ шутку, вижу, хочешь разыграть...

Элиза,

(растерянно качая головой, умоляюще наклоняется и быстро цѣлуетъ руку барона, лежащую на спинкѣ скамьи).

Нѣтъ... нѣтъ...

мой господинъ!.. повѣрьте!.. Только не умѣю сказать, чтобъ вы повѣрили...

(Безпомощно замолкаетъ, не отрывая лица отъ руки барона, которую прижала въ шею).

Баронъ

(опять смягчается, залюбовавшись кроткимъ волненіемъ ея. Снисходительно смѣется и другой рукой поглаживаетъ голову Элизы).

Ну, можетъ быть, и впрямь... въ своихъ мечтаньяхъ робкихъ... Некрасивы и грубы ваши женихи... И грязь въ домахъ, и дурно пахнетъ. Можетъ быть, для грезъ невинныхъ, дѣвическихъ, и тамъ... въ какомъ-нибудь хлѣву... потребна сказка, и баропъ... и замокъ... Въ замокъ ты убирать ходила, чтобъ видѣть заль, оружіе... и мраморъ... и цвѣты?

Элиза.

Ходила

лишь для того, чтобъ видѣть ваше ложе.

Баронъ.

Что?

Элиза.

Я убирала тамъ...

(указываетъ на лѣстницу — вверхъ)

...въ покоехъ вашихъ, чтобъ одинъ лишь разъ самой увидѣть... на яву... мой вѣчный сонъ: мое и ваше ложе...

Б А Р О Н Ъ .

Странно!

наивность и...

(Снимая руку съ головы Элизы, нечаянно задѣваетъ косы, и золотыя змѣи тяжело падаютъ на плечи ея. Любуется, уже утомленный. Послѣ короткаго раздумья, вяло указывая на трехствѣчникъ):

Поди-ка, погаси...

(Зѣваетъ).

Мнѣ часъ

идти въ опочивальню... спать...

(Бросаетъ къ изголовью скамьи бѣлый мягкій мѣхъ и облакачивается на него, подумежа).

Ты что-же медлишь?

Э л и з а ,

(выслушавъ его приказаніе, выпрямилась, но стоять неподвижно. И лишь на вопросъ его отвѣчаетъ, волнуясь):

Мой господинъ! прошу тебя: возьми меня туда... въ опочивальню! Я тебѣ женою... женою буду... только въ эту ночь! Женой, но настоящей!..

Б А Р О Н Ъ .

Это даже перестало быть любопытнымъ... стало скучнымъ! Приласкать тебя готовъ былъ... Что-же это: бредъ дѣвчонки?.. безуміе?..

Э л и з а .

Любовь, мой господинъ, любовь! Нѣтъ, не мечтаю о тебѣ я тихими ночами и на луну я не гляжу... Сгораю! Мнѣ не нужно сказокъ... Ты! живой!.. О, только вмѣстѣ съ тобою, какъ женѣ, дозволи мнѣ провести срокъ брачной ночи... Освяти меня объятіемъ мужчины, мужа, а потомъ усни въ моихъ рукахъ, чтобъ я глядѣла ввысь, на Вождю Матерь, и съ торжествомъ шептала: только Твой и мой!..

БАРОНЪ

(сердито поднимается со скимы и направляется къ столу).

Съ такими бреднями подь черепомъ ты можешь
и безъ меня воображать себя со мной,
и съ Пресвятой шептаться...

Элиза,

(бросаясь къ нему).

Пѣтъ, твоей я плоти
и крови, зажигающей мою и плоть
и кровь, хочу! Потомъ я стану прахомъ
на-вѣки! Мужу... мужу - продавцу взаимнѣ
жены—я горстку пепла принесу на ложе!

(У его колѣнъ).

Возьми меня съ собой... Я видѣла твой взоръ,
когда упали волосы мои... онъ вспыхнулъ!
О, я укутаю тебя—ты видишь ихъ?—
своими волосами... къ сердцу сердце тѣсно
я приложу на мигъ... на мигъ...

(Распуская волны своихъ волосъ; взмываетъ
ихъ въ мольбѣ вмѣстѣ съ вытянутыми руками).

Возьми туда!

Позволь съ тобою справить первый и послѣдній
мой женскій пиръ... Единственный, но—до конца,
до усталы, до сомкнутыхъ рѣсницъ, и пальцевъ,
и устъ!.. Согрѣй меня, желанный! мужъ мой!

Баронъ.

„Ты“ —

уже я для нея и „мужъ“... Иди, Элиза!
Ты не нужна мнѣ больше...

Элиза,

(почти ползал, удерживаясь его).

Богъ! Богъ! Богъ! Сойди!
не допусти! Ты, мнѣ его дарившій годы
во всякомъ шорохѣ, на каждомъ лепесткѣ,
всегда, во всемъ...—не отнимай въ одно мгновенье!

я не могу!.. безуміе!.. Потомъ приму
червя на ложе!.. смерть приму!.. Но пусть онъ раньше
войдетъ ко мнѣ, единственный мой мужъ!

Б А Р О Н Ъ,

(съ брезгливостью отталкивая ее):

Поди
ты прочь! Ты мнѣ противна... Смерды! Видѣлъ многихъ—
такихъ, какъ ты!.. Но наши женщины въ своемъ
распутствѣ все-жъ прелестны, въ грѣшной страсти
заманчивы, таинственны и горды... Смердь
всегда есть смердь!

(Взявъ трехсвѣчникъ, быстро направляется
къ голгу и издаетъ рѣзкій ударъ. Дверь подъ
лѣстницей тотчасъ-же распахивается, и появ-
ляется кастелянъ. Баронъ—къ нему, съ кривой
усмѣшкой):

Я вѣрилъ—недотрога... бѣлой
стыдливой лиліи цвѣтокъ... Довольно! Спать
давно уже пора, а мы... Скорѣе къ мужу
супругу честную веди: онъ, вѣрно, ждетъ
и будетъ радъ на ложѣ брачномъ вмѣсто пепла—
узрѣть костеръ пылающій!..

К а с т е л я н ъ,

(вдругъ, по своему уразумѣвъ происшедшее,
съ ретивымъ шопотомъ подбѣгаетъ къ барону.
Слышны разрозненные—униженные, захлебываю-
щіеся—слова):

...и въ старину...
probabile... передовѣрить... lucrum cessans...
забавить старичка, хе, хе...

Б А Р О Н Ъ,

пожавъ въ знакъ согласія плечами):

Бери!

(Уходитъ наверхъ, унося трехсвѣчникъ. Ком-
ната освѣщается лишь робкимъ свѣтомъ, падаю-
щимъ изъ каморки кастеляна).

КАСТЕЛЯНЪ,

(подходя къ застывшей на полу, зарывшейся
въ ворохъ волосъ своихъ, Элизѣ):

Идемъ...

ЭЛИЗА,

(словно очнувшись и вѣща глазами барона):

Куда?

КАСТЕЛЯНЪ

(тянетъ ее за руку):

На лѣстницу, подъ лѣстницу... Не все-ли
равно! Что рѣшено безъ насъ—перерѣшать
не намъ... Довныѣ были небеса надъ нами,
и будутъ!.. Главное—я добрый старичокъ.
Для ласковыхъ всегда припасено колечко,
и поясокъ съ персидскимъ серебромъ... А тамъ
и къ мужу отведу... и къ мужу...

(Зловѣще-ласковой скороговоркой словно убаю-
кивая ее, медленно увлекаетъ за собою, въ свою
каморку... Она плетется, полу-закрытая покровомъ
золотыхъ волосъ. Лицо ея искажено неподвижностью,
глаза прикованы къ ступенямъ, уходящимъ
ввысь, шагъ—неизбѣженъ и покорень...)

Конецъ.

А БЛОКЪ
ВОЗМЕЗДІЕ

1927

ВОЗМЕЗДИЕ.

I.

Въ тѣ годы дальніе, глухіе
Въ сердцахъ царили сонъ и мгла:
Побѣдоносцевъ надъ Россіей
Простеръ совѣщанья крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только—тѣнь огромныхъ крылъ;
Онъ дивнымъ кругомъ очертилъ
Россію, заглянувъ ей въ очи
Стекляннымъ взоромъ колдуна;
Подъ умный говоръ сказки чудной
Уснутъ красавицѣ не трудно,—
И затуманилась она,
Заснавъ надежды, думы, страсти...
Но и подъ шномъ темныхъ чаръ
Даниты красилъ ей загаръ:
И у волшебника во власти
Она казалась полною силой,
Которыя рукой желѣзной
Зажаты въ узелъ бесполезный. .
Колдунъ одной рукой кадилъ,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росиный ладакъ... Но—
Онъ клалъ другою рукой костлявой
Живыя души подъ сукно.

II.

Въ тѣ незапамятные годы
Быль Петербургъ еще грознѣй,
Хоть не тяжело, не сѣрѣй
Подъ крѣпостью катила воды
Необозримая Нева...
Штыкъ свѣтилъ, плакали куранты,
И тѣ же барыни и франты
Летѣли здѣсь на острова.
И также конь чуть слышнымъ смѣхомъ,
Коню навстрѣчу отвѣчалъ,
И червыи усь, мѣшаясь съ мѣхомъ,
Глаза и губы щекоталь...
Я помню, такъ и я, бывало,
Леталъ съ тобой, забывъ весь свѣтъ,
Но... право, проку въ этомъ нѣтъ,
Мой другъ, и счастья въ этомъ мало...

III.

Востока страшная заря
Въ тѣ годы чуть еще алѣла...
Чернь Петербургская глазѣла
Подобострастно на царя...
Народъ толпился въ самомъ дѣлѣ,
Въ медаляхъ кучерь у дверей
Тяжелыхъ горячили коней,
Городовые на панели
Сгоняли публику... «ура».
Заводить кто-то голосистый,
И царь, огромный, воднистый,
Съ семействомъ ѣдетъ со двора...

Весна, но солнце свѣтитъ глупо,
До Пасхи—цѣлыхъ семь недѣль,
А съ крышъ холодная капель
Уже за воротникъ мой туно
Сползаетъ, спину холода...
Куда ни повернись, все вѣтеръ...
«Какъ тошно жить на бѣломъ свѣтѣ»,
Бормочешь, лужу обходя;
Собака подъ ноги суется,
Калоши сыщика блестятъ,
Вонь кислая съ дворовъ несется,
И «князь» оретъ: «Халать, халать».
И, встрѣтившись лицомъ съ прохожамъ,
Ему бы въ рожу наплевать,
Когда бъ желанія того же
Въ его глазахъ не прочиталь...

IV.

Но передъ майскими ночами
Весь городъ погружался въ сонъ,
И расширился небосклонъ;
Огромный мѣсяцъ за плечами
Таинственно румянилъ ликъ
Передъ зарей необозримой...
О, городъ мой неуловимый,
Зачѣмъ надъ бездной ты возникъ...
Ты помнишь: выйди ночью бѣлой
Туда, гдѣ въ море сфинксъ глядитъ,
И на обтесанный гранитъ
Склонись главой отяжелѣлой,
Ты слышать могъ: вдали, вдали,
Какъ будто съ моря, звукъ тревожный,
Для Божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
Провидѣль ты всю даль, какъ ангель
На щиплѣ кружостномъ; и вотъ—

(Сонъ, или явь) чудесный флотъ,
Широко развернувшии фланги,
Внезапно заградилъ Неву...
И Самъ Державный Основатель
Стоитъ на головномъ фрегатѣ...
Такъ снилось многимъ наяву...
Какіе жъ сны тебѣ, Россія,
Какія бури суждены...
Но въ эти времена глухіи
Не всѣмъ, конечно, снились сны...
Да и народу не бывало
На площади въ сей дивный мигъ
(Одинъ любовникъ запоздалый
Сибириль, поднявши воротникъ)...
Но въ алыхъ струйкахъ за кормами
Уже грядущій день сіялъ,
И дремлющими вымпелами
Ужъ вѣтеръ утренній игралъ,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Гроза Артуромъ и Цусимой,
Гроза девятымъ января...

1911.

АНДРЕЙ БЪАЫЙ

КЪ АНТРОПОСОФІИ.

Итакъ, братія, ревнуйте о томъ,
чтобы пророчествовать: но не запреща-
йте говорить и языкамъ.

(Ап. Павелъ. Къ кор. Глава 15,
ст. 40).

I.

Изъ родниковъ проговорившей ночи
Въ моемъ огнѣ
Нежданныя, мерцающія очи
Восходятъ мнѣ.

Блится лучъ изъ звѣздной рукояти,
Какъ рѣзвѣй мечъ;
Мой бѣдный умъ къ ногамъ смущенныхъ братій
Слетаетъ съ плечъ.

Я—обезглавленъ къ набѣжавшему свѣтѣ
Лучистыхъ глазъ.
Межъ нами—Онъ, Неузнанный и Третій;
Не бойтесь насъ.

Мы вспыхнули, но для земли—погасли.
Мы—тихий стихъ.
Мы образуемъ солнечныя ясли—
Младенецъ въ нихъ.

Слѣбую мглу бунтующей стихіи
Преобрази.
Я—не боюсь: влекутъ Христософія,
Твои—стези.

Ты сплалась мнѣ, свѣтись... когда тѣ, гдѣ то,
Сестра моя.
Люблю тебя... Ты персикова цвѣта
Цвѣтущая заря.

Какъ вѣшній вихрь, гласятъ неодолимо,—
Гласятъ въ Голубизнѣ,—
Твои слова, пронесшіяся мимо,
Но сказанныи—мнѣ.

Въ твои глаза—святля синероды—
Меня возьми;
Минувшіе, глаголющія годы
Мои—уйми.

Въ твоихъ глазахъ—блещаютъ воды, супи;
Бросаюсь въ нихъ.
Изъ глазъ Твоихъ я просіяю въ души,
Какъ тихій стихъ.

И сердце—обезумѣвшая птица—
Въ пѣмой мольбѣ
Пусть изъ груди—разорванной темницы,—
Летитъ: къ Тебѣ.

Одѣнемся, мы—вспыхнувшіи дѣти—
Въ сквозной атласъ...
Межъ нами—Огъ, Неузнанный и Третій...
Не бойтесь насъ.

1918.

II.

Пришла... И въ печаемый часъ
Мнѣ будишь, зметая напасти,
Огнями блистательныхъ глазъ
Алмазныя, ясныя страсти.

Глаза золотые твои
Во мнѣ огневьютъ, какъ свѣчи...
Люблю:—изыванья мои,
Твои поцѣлуйныя плечи.

1916.

А С Ъ.

Въ безгнѣвномъ снѣ, въ гнетуще-грустной нѣгѣ
Растворена такъ странно страсть моя —
Пробьетъ прибой на бѣлопѣнномъ брегѣ,
Плеснетъ въ утесъ соленая струя...

Вотъ небеса, наполнись, какъ слезами,
Благоуханнымъ блескомъ вечеровъ,—
Влаженными блистаютъ бирюзами
И маревомъ моргающихъ міровъ.

И снова въ ночь чернѣютъ мнѣ чинары:
Я прошлымъ сномъ страданье утолю...
Сицилія... И страстныя гитары...
Палермо... Монреаль... Радесь... Люблю.

1917.

М. ГОРЬКІЙ
ВСЕ ТО ЖЕ

П О В Ъ С Т Ъ .

Въ началѣ октября, раннимъ утромъ, по дорогѣ къ городу Мямлину, лѣнливо виляла по выбоинамъ колесъ деревенская телѣга, на ней, между двухъ чемодановъ, качался скорчившись и подремывая молодой человекъ, въ сѣромъ пальто, измятой шляпѣ; бокомъ къ нему сидѣлъ растрепанный мужикъ, въ дырявомъ полушубкѣ, и тоже дремалъ, вздрагивая на толчкахъ, тихо понукая лошадей:

— Ну, тт-ы, у-ть!

Въ сѣромъ воздухѣ надъ холодной землей неподвижно висѣло осеннее безмолвіе.

Маленькая шарпавая лошаденка втащила телѣгу по мерзлой грязи на вершину холма, уперлась дрожащими ногами въ землю, посоленную инеемъ утренника, тяжело задышала и окуталась паромъ. Ея встрепанный хозяинъ соскочилъ на землю, прихрамывая зашелъ впередъ, вытеръ полою армяка пѣну съ морды лошади, поглядѣлъ вдаль, внизъ и глухо сказалъ, протягивая туда чугунную руку:

— Вотъ онъ, Мямлинъ...

Въ котловинѣ, ограниченной лѣсомъ, среди сѣдыхъ покосовъ, зеленыхъ клочьевъ озими и темныхъ пашенъ, тѣсно скучились вокругъ трехъ церковей приземистые домики, и по ихъ бугристой массѣ, какъ по грязной кожѣ нищаго, красными и желтыми нарывами поднимались пятна каменныхъ домовъ. Курилась синеватая рѣка, окружая городъ полукольцомъ, и уходила по лугамъ въ лѣсъ, скупо расцвѣченный желтыми пятнами ольховника и осины.

Съ перваго взгляда все это не понравилось проезжему, но, чтобы не обидѣть возницу молчаніемъ, онъ сказалъ вполголоса:

— Просторно!

Мужикъ, постукивая кнутовищемъ по спинѣ передняго колеса, спокойно возразилъ:

— Видимость; издала просторно, а поживи — не покажется!

Сгоняя дрѣму, проѣзжіи тряхнулъ головой, — слова мужика показались ему неприятно знакомыми.

Подыргивая по кочкамъ межколесицы, телѣга покати-лась съ холма, возница отрывисто говорилъ о тѣснотѣ жизни, — молодой человекъ, прищуривъ сѣрые глаза, смотрѣлъ, какъ растетъ городъ, освѣщенный холоднымъ солнцемъ осенняго утра, и безпокойно думалъ:

— Откуда я знаю это? Читалъ, что-ли похोजее?

Неясно вспоминался рассказъ о человекѣ, который, послѣ долгой жизни въ столицѣ, возвращался въ родной городъ съ добрыми намѣреніями и тоже слушалъ рассказы ямщика о тѣснотѣ, о бѣдности, — слушалъ сочувственно. Другихъ воспоминаній не нашлось; самъ онъ никогда не жилъ въ уѣздныхъ городахъ и впервые подѣзжалъ къ городу вотъ такъ — осеннимъ утромъ, въ деревенской телѣгѣ. А ощущение знакомства съ тѣмъ, что онъ видѣлъ первый разъ, все разросталось, тихонько насыщая сердце грустью. Снявъ шапку, крестясь тяжелыми движеніями руки, возница недоумѣнно проговорилъ:

— Будни, а звонять. Знать богатый номеръ. Но что въ городъ?

— По дѣлу, — отвѣтилъ сѣдокъ, потомъ прибавилъ: — На службу. Зейделя знаете?

— Лѣсопилку? Какъ не знать. Его на сто верстъ кругомъ народъ знаетъ.

— Хорошій человекъ?

— Онъ-то? Хорошій, богатый человекъ!

Пыльные султаны розовато-сѣраго дыма поднимались изъ трубы въ низенькое небо, въ куполь его, густо замазанный пепельными облаками; въ холодной тишинѣ охаль и гудѣлъ колоколь, на пашнѣ трещала сорока. Встали съ земли маленькіе домики окраины города, вытаращивъ на дорогу мутныя окна, недоувѣрчиво разсматривая приѣзжаго. Онъ тоже внимательно приглядывался голубоватыми глазами къ неровной линіи домовъ, связанныхъ плетнями и заборами.

Въ маленькой рожицѣ квѣлыхъ березъ раздался сухой

костяной трескъ. Съдокъ, недоумѣнно прищуривъ глаза, посмотрѣлъ въ сторону звука.

— Что это трещить?

— Сорока, — сказалъ мужикъ, тоже немного удивленный, — али не узналъ?

— Не узналъ, — повторилъ съдокъ, сконфуженно улыбаясь: я вѣдь городской. Очень городской... въ деревняхъ не жилъ!

— На постоянный ѣхать, али къ Цыганову?

— Къ Цыганову, — повторилъ съдокъ послѣднее слово, заглядывая впередъ по кривой улицѣ.

— Ладно. А ты изъ какихъ будешь?

Съдокъ усмѣхнулся и сказалъ не сразу, какъ будто смутясь:

— Зовутъ меня Павелъ Николаевичъ Смагинъ...

— Изъ духовныхъ? — спросилъ мужикъ, но, не дождавшись отвѣта, свистнулъ и, ударивъ лошадь вожжами, пустилъ ее вскачь.

Картинно шла женщина съ ведрами воды на расписномъ коромыслѣ; новенькія ведра равномерно покачивались, бѣлая жезть сіяла на солнцѣ серебромъ. Женщина шла легко, какъ по воздуху, по черной землѣ, прослоенной тонкимъ льдомъ замерзшихъ лужъ. Несмотря на холодъ утра, она была одѣта въ старенькую ситцевую кофту, бѣлую съ толстымъ узоромъ и коричневую измятую юбку. Была она большая, стройная; съ ея круглаго розоваго лица ласково смотрѣли синеватые глаза; замѣтивъ, что проѣзжіи любятъ ея, она перевела коромысло съ плеча на плечо, маленькій дѣтскій ротъ ея расцвѣлъ улыбкой, она потупилась и, ускоривъ шагъ, свернула за уголъ, — точно послѣдній день лѣта прошелъ по улицѣ, а Смагинъ почувствовалъ, что его охватило веселой бодростью.

— Надежная, — сказалъ возница, обернувшись и подмигивая Смагину. — Бабы тутъ — первый сортъ, останешься доволенъ...

Крякнулъ и помолчавъ добавилъ:

— Заботливая, на ключъ ходила по воду, это, значить, — для чаю... Колодезная вода не скусна здѣсь.

Смагинъ вздохнулъ и, улыбаясь мягко, проговорилъ не громко;

— Очень красивая. Настоящая русская красота.

По избитой улицѣ, среди вывороченнаго булыжника, въѣхали на площадь и остановились передъ двухъэтажнымъ домомъ, окрашеннымъ ржавой краской; въ верхнемъ этажѣ—восемь оконъ, въ нижнемъ—шесть, а посрединѣ ихъ—крыльцо съ перилами.

— Съ прїѣздомъ!—сказалъ возница, крестясь на церковь.

Съ крыльца сошелъ не торопясь толстый, кривой человекъ, въ передникѣ изъ мучного мѣшка, въ опоркахъ, отхаркнулъ, плюнулъ подъ ноги лошади и, взявъ два чемадана, неохотно сказалъ прїѣзжему:

— Пожалуйте!

Смагинъ выбралъ себѣ маленькую угловую комнату съ двумя окнами на площадь и въ садъ, густо засыпанный осеннимъ листомъ; раздѣлся и умываясь спросилъ служащаго:

— Васъ какъ звать?

Протирая концомъ передника стекло зеркала, выпачканное киселемъ или соусомъ, тотъ поглядѣлъ на Смагина и спросилъ обиженнымъ голосомъ:

— Думаете, я хозяинъ?

— Нѣтъ, я просто хочу знать, какъ васъ зовутъ?

— Макарь Петровъ. Да, что—имя? И о полдень разсчитаюсь, уйду отсюда,—все такъ же обиженно и уныло говорилъ кривой, поплеывая въ зеркало.

— Такъ вотъ, Макарь Петровичъ, давайте мнѣ ча ,—весело попросилъ Смагинъ.

— Начпортъ падо,—напомнилъ Макарь уходя.

Открывъ окно, Смагинъ выглянулъ на площадь; въ оградѣ, на бѣломъ фонѣ церкви, три большихъ клена протягивали другъ другу полуголые сучья; лапчатые золотисторыжіе листья падали на землю; въ холодномъ высокомъ небѣ быстро двигались бѣлыя облака съ розовыми краями, они были такъ прозрачны, что сквозь нихъ просвѣчивала голубая глубина неба. Изогнутая линія домовъ за церковью вспыхивала яркими красками, напоминая Смагину картины столичныхъ выставокъ, всегда нѣсколько смущавшія его своею нестротой.

Теперь, разглядывая цвѣтисто выкрашенные дома, крыши, пятна выѣсокъ, отблески солнца на стеклахъ оконъ, Смагинъ подумалъ:

Вотъ почему городъ показался мнѣ знакомымъ!

На одномъ изъ бѣлыхъ столбцовъ церковной ограды, желтая афиша извѣщала, что: „По желанію публики повторяется тяжелая драма изъ современной жизни“. Смагинъ невольно усмѣхнулся, вспоминая женщину съ ведрами:

— Тоже, вѣроятно, ходить смотрѣть тяжелой драмы...

Тишина висѣла надъ площадью и городомъ. Мимо гостиницы осторожно шагала бородастый мужикъ въ лаптяхъ, съ котомкой за спиною; онъ оледивался, точно заплутавшійся въ лѣсу, подъ ногами его мягко хрустѣлъ осенній ледокъ. Макаръ внесъ дурно кипѣвшій самоваръ и, разставляя посуду, держа голову на бокъ, заговорилъ:

— Это самолучшій померъ, въ немъ даже Маймачинскій стоитъ, когда изъ дому убѣгаетъ...

— Какъ же это онъ стоитъ, когда убѣгаетъ?—пошутить Смагинъ, но Макаръ, поглядывая одинокимъ глазомъ на свое отраженіе въ тускломъ зеркалѣ, продолжалъ медленно и неохотно, какъ бы исполняя скучную обязанность:

— Побранится съ женой и убѣжитъ. Озорной онъ. Это вотъ онъ самый, каклетой въ зеркало.

— Кто же онъ такой?—спросилъ Смагинъ и предложилъ кривому:—Вы бы присѣли?

Кривой недовѣрчиво отодвинулся отъ стола, ухмыляясь прикрывъ тусклый глазъ:

— Благодарствуйте, я—не хозяинъ...

— А вы садитесь, давайте чай пить—весело настаивалъ Смагинъ... Но Макаръ не соглашался.

— Я пилъ. Я постою, ничего. Вамъ, конечно, какъ въ чужой, все интересно, ну, я могу стоя сказать. Меня всѣ спрашиваютъ, такая должность,—кончилъ онъ, вздохнувъ.

Когда, наконецъ, Смагину удалось усадить его къ столу, онъ вздохнулъ еще болѣе глубоко.

— Да, такъ что же этотъ Маймачинскій-то?

— Чадить.

— Чудить, вы хотите сказать?—поправилъ Смагинъ, но кривой повторилъ:

— Чадить, озоруетъ; обиженный онъ, ну и самъ обижать привыкъ...

— Вотъ какъ?

Да. Судья онъ, что-ли, по должности своей, только его отставили ото всѣхъ дѣлъ. Жена у него здѣшняя, — Богомолыхъ, купчиха и придурковата, а онъ — въ чинахъ. Ну, — стыдится жены, не можетъ въ столицахъ жить съ ней, прибыль сюда.

Сонное, шаршавое лицо Макара освѣтилось улыбкой, онъ погладил ладонью рѣдкую, неровно остриженную бороду и заговорилъ оживленнѣе.

— Домъ выстроилъ на Людской и придѣлалъ на крышѣ высокій шестъ съ веревочкой. Ежели самъ дома находится, велитъ дворнику поднимать на шестъ сапоги, чтобы всякій видѣлъ — Маймачинскій дома! Мѣтко придумалъ: господа на улицу безъ сапогъ не ходятъ...

— Это вы серьезно? — спросилъ Смагинъ улыбаясь.

— А зачѣмъ шутить? Съ меня требуется правда. Ему бы только хохотать, а падъ чѣмъ, — это все едино... Онъ тутъ одну женщину масляной краской окрасилъ въ аранку...

Въ коридорѣ задребезжалъ звонокъ. Макаръ вытеръ губы ребромъ ладони, и ушелъ, напомнивъ виновато:

— Пачпорткокъ приготовьте, съ меня спросятъ...

Смагинъ оглянулся; маленькая комната, недавно оклеенная желтыми обоями, казалась нежилой, сѣрое одѣяло на узкой желѣзной кровати напоминало больницу. Захотѣлось выйти на волю. Облака разошлись, не таяли; въ голубой чашѣ неба ослѣпительно цвѣло бѣловатое солнце, разжигая пестрыя краски города, чисто вымытаго дождями. Въ садахъ, въ огородахъ сверкали коралловыя гроздья рябины, рѣзко видныя въ прозрачномъ воздухѣ. Отовсюду бросалась въ глаза золотая ржавчина осени; красныя и зеленыя крыши, синія ставни, и надъ этой пестрою жирно таяли въ небѣ золотыя луковицы церковныхъ головъ. Хороши были темныя деревья безъ листьевъ, — они казались нарисованными неумѣлой рукой ребенка и сквозь ихъ незатѣйливый узоръ такъ славно просвѣчивало красное, зеленое, рыжее.

Городокъ напоминалъ Смагину лавки торговцевъ восточнымъ шелкомъ на ярмаркѣ въ Нижнемъ, — въ этихъ лавкахъ вотъ такъ же ослѣпительно, красочно. Привыкшій къ темнымъ тонамъ каменной столицы, всегда окутанной дымомъ или облаками гнилого тумана, Смагинъ, внутренно улы-

баясь, любовался веселой порою осеняго утра, прозрачностью далей; въ немъ росло чувство бодрости, умиленія, хотѣлось остановить кого-либо изъ горожанъ и сказать:

— Красивъ, вашъ городъ!

Вспомнились какіе-то трогательные стихи и думалось, какъ хорошо будетъ узнавать жизнь города, понимать ее, причащаться къ ней.

Прохожіе встрѣчались рѣдко. Выскакивали изъ воротъ и крестясь бѣжали на базаръ пожилыя, желтолицыя женщины, кутаясь въ сѣрыя шали.

Сѣрый, голодный мямлинецъ сметалъ измызанной метлою грязь съ тротуара, беззаботно обрызгивая ноги прохожихъ; они поругиваютъ его, но не очень злобно, какъ будто убѣждены, что этотъ человекъ имѣетъ право пачкать имъ сапоги и платье. Человекъ, занятый своимъ дѣломъ, нѣмъ, глухъ и самъ обрызганъ грязью до колѣнъ. Идетъ въ школу унылый мальчикъ, — мямлинецъ нарочито шаркаетъ метлою по его сапогамъ.

— Сволочь, — безгнѣвно, но увѣренно говоритъ мальчикъ убѣгая; мямлинецъ гонится за нимъ, разъяренно взмахивая метлою.

Посвистывая тихонько, глубоко вдыхая воздухъ, насыщенный запахомъ осеняго листа и сыростью, напоминавшей о грибахъ, Смагинъ повернулъ за уголъ и очутился въ неглубокомъ тупикѣ, передъ одноэтажнымъ домомъ въ пять оконъ, съ мезониномъ въ два окна; на крышѣ мезонина торчалъ полосатый — синій съ краснымъ и бѣлымъ, щестъ, а на концѣ его неподвижно висѣла пара рваныхъ сапогъ.

— Ага, здѣсь живетъ этотъ — Маймачинскій, — сообразилъ Смагинъ, нервѣшительно усмѣхаясь.

— Остроумно это чудачество, забавно? — спросилъ онъ себя и не смѣлъ отвѣтить.

Во дворѣ дома негромко ржала лошадь, и что-то шаркало. Одно окошко мезонина было закрыто сплошной зеленой ставней, въ другомъ выпучилось мутно-красное, какъ будто мезонинъ, закрывъ одинъ глазъ, другимъ разсматривалъ прїѣзжаго. За домомъ, на высокихъ вязахъ черными шайками торчали вороньи гнѣзда, изъ-за крыши сарая высунулась зеленая скворешница.

Мимо Смагина прошелъ пошатываясь и безцеремонно заглянувъ ему въ лицо высокій человекъ, въ сѣромъ старенькомъ пальто, съ широкимъ хлястикомъ на поясицѣ, въ измятой каскеткѣ; прошелъ, остановился въ пяти шагахъ и, воротаясь, снявъ каскетку дрожащей рукой, любезно спросилъ:

— Не можете понять?

На головѣ у него росли во всѣ стороны сѣрые жесткіе вихры, среди удлиненнаго лица торчалъ большой дряблый носъ, пьяные глаза добродушно улыбались.

— Приѣзжіи, — догадываюсь? Костюмъ выдаетъ. Позвольте рекомендоваться — портной Щукпнъ, Иванъ Савельевъ...

Почесалъ мизинцемъ бровь и спросилъ, указывая на крышу:

— Какъ вы понимаете этотъ фокусъ?

— Забавно, — сказала Смагинъ.

— Несколько, — воскликнулъ портной, спотыкаясь и толкнувъ Смагина. — Ни на пяточекъ не забачно, а просто—знакъ презрѣнія ко всѣмъ людямъ города и ко мнѣ, въ томъ числѣ...

Шли рядомъ по гнилымъ доскамъ узенькой панели, толкая другъ друга, а портной все говорилъ теноркомъ:

— Господинъ Маймачинскій, знаете, великій самобытникъ. Здѣсь таковыхъ—многоество. Имъ бы только самимъ было хорошо, а всѣ другіе хоть въ болотѣ утопнсь...

Свѣтлая тишина стояла надъ городомъ, въ улицѣ тоже было тихо и пустынно; изъ подъ воротни высунулась рыжая собака съ мордой лисы, понохала слѣды прохожихъ и скучно зѣвнула.

— А гдѣ здѣсь полицейское управленіе, — спросилъ Смагинъ, — портной откачнулся отъ него, остановился и сказалъ:

— Вотъ—за угломъ.

— Мнѣ нужно зайти туда, — сообщилъ Смагинъ, снявъ шляпу.

Портной, не подавая ему руки, быстро повернулъ назадъ, но остановился, съ размаха ударилъ себя въ грудь, крикнулъ:

— Раскаиваюсь! Ошибся...

И зашагалъ еще быстрѣй, качаясь, какъ тонкая жердь подь вѣтромъ. Смагинъ недоумѣнно пожалъ плечами и пошелъ въ полицію.

Въ грязной комнатѣ, густо оклеенной пожелтѣвшими квадратами циркуляровъ и объявленій, его встрѣтилъ удивленнымъ взглядомъ круглыхъ глазъ низенькій широкоплечій человекъ съ большою головою въ сѣдой щетинѣ. Сидя въ одной рубахѣ, онъ пришивалъ къ пиджаку оторванный рукавъ, предъ нимъ стоялъ графинъ кваса. Приподнявъ брови, онъ пошевелилъ большими ушами и спросилъ строго:

— Что вамъ угодно?

— Вы—сторожъ?

— Писарь.

— Извините.

— Ничего.

Смагинъ подаль ему проходное свидѣтельство, писарь заглянулъ въ бумагу однимъ глазомъ, а другимъ ощущалъ лицо Смагина и пробормоталъ:

— Ага... Порядокъ знаете?

Въ нечистыя стекла оконъ отчаянно бились синія мухи, опоздавъ умереть; въ теплоемъ углу стоялъ на колѣняхъ тоненькій стриженный мальчикъ, безшумно складывая въ стойку исписанныя бумаги. Писарь какъ будто задремалъ, прикрывъ свидѣтельствомъ печеловѣчье лицо, но вдругъ отрывисто зѣвнулъ и сказалъ рѣшительно, громко:

— Дайте мнѣ пять цѣлковыхъ, я васъ избавлю отъ всѣхъ хлопотъ!

— Пожалуйста,—торопливо согласился Смагинъ, нѣсколько смущенный и въ то же время благодарно улыбаясь.

— Ну, вотъ, — принявъ деньги сказалъ писарь и добавилъ, разсматривая бумажку на свѣтъ. — Это и вамъ удобнѣе и мнѣ полезно. Представляюсь: Финюгоновъ, Константиинъ Матвѣевъ, человекъ дешевый, но могу пригодиться, въ случаѣ нужды. Руку протягиваете? Весьма польщенъ...

Онъ усмѣхнулся неприятно, мягко пожалъ руку Смагина толстыми пальцами, вздернувъ верхнюю губу, ощутивъ нижнюю. Усы у него были подстрижены, на подбородкѣ густо торчалъ толстый серебряный волосъ.

— Симпатичное лицо у васъ, — вдругъ объявилъ онъ. Позвольте узнать, вы—законнорожденный?

Смагинъ удивленно взглянулъ въ круглые, точно у филина, какъ студень дрожащія, глаза неуловимаго цвѣта и сказалъ суховато:

— Да, законпорожденный. А почему это нужно знать вамъ?

— Это—мой вопросъ, персонально интересуюсь. Желаю хорошо устроиться!

Когда Смагинъ подошелъ къ двери, писарь всталъ на ноги, говоря:

— Если не сняли квартиру,—посмотрите у Коштева.

Онъ подробно разъяснилъ, какъ найти домъ Коштева.

— Изволили усвоить?

— Благодарю васъ!

— Радъ служить!

— Какой неприятный человекъ,—думалъ Смагинъ, идя по улицѣ.—Циникъ, должно быть. Странное лицо...

Подуль свѣжій вѣтеръ, въ небѣ явились облака, тѣни ихъ, точно старья тряпки, упрямо стирали краски города, ползли черезъ улицу, влачили по растаявшимъ лужамъ.

На пологой крышѣ сарая стоялъ бородатый мужчина, босой, въ жилетѣ поверхъ розовой рубахи и оглушительно свистѣлъ, размахивая длиннымъ помеломъ. Надъ нимъ неохотно летала стая голубей, поднимаясь кругами все выше, сверкая серебристой бѣлизной крыльевъ. Гдѣ-то гулко выбивали коверъ или шубу, точильщикъ точилъ ножи.

Пьяный кузнецъ въ кожаномъ передникѣ вышелъ со двора, спустился въ лужу, зачерпнувъ опоркомъ грязи и громко крикнулъ:

— Ладно-же!

Сѣлъ на тумбу, вылилъ изъ опорка воду и сталъ пальцемъ выбирать изъ него грязь, сбрасывая ее съ пальца на ворота дома.

Было уже около полудня, но человекъ, привыкшему жить въ неутомимой суетѣ столицы, казалось, что городъ еще не проснулся. Звуки жизни рождались неохотно, жили не слитно; прозвучить крикъ, растаетъ въ тишинѣ, подобно облаку, и снова тишина будитъ желаніе услышать еще что-то. Это желаніе, новое для Смагина, было пріятно ему, но иногда промежутки между звуками были такъ длительны, что онъ испытывалъ удивленіе.

Вспоминался непрерывный шумъ большого города, бодрый шумъ, возбуждающій мысль, шумъ большого безконечнаго дѣла.

— Тихо живутъ люди...

Онъ повернулъ въ узенькій проулокъ, взползавшій между заборовъ на бугоръ, покрытый жухлой, протоптанной травой.

На вершинѣ бугра стоялъ маленькій сѣрый домикъ, съ голубыми рѣшеткой, ставнями на трехъ окнахъ,—Смагину вспомнилось, что еще утромъ, въѣзжая въ городъ, онъ замѣтилъ этотъ чистенькій домикъ съ большимъ садомъ за высокимъ, крѣпкимъ заборомъ.

Онъ нарочито громко стукнулъ колючимъ калитки и вошелъ во дворъ,—среди двора, у колодца стоялъ съ метлою въ рукахъ тощій, остробородый человекъ, лѣтъ пятидесяти и вопросительно, не здороваясь, смотрѣлъ въ лицо Смагина, сдвинувъ золотистыя брови надъ горбатымъ носомъ.

— Тоже птичье лицо, — невольно отмѣтилъ Смагинъ, вспомнивъ писаря.—Здравствуйте! Это домъ Коптева?

— На воротахъ написано чей, — отвѣтилъ человекъ недружелюбно.

— Здѣсь сдается комната?

— Кто сказалъ?—спросилъ человекъ, вскинувъ голову, выгибая острый красный кадыкъ.

— Писарь въ полиціи.

— А! Сдается. Мезонинъ.

— Вы сами г. Коптевъ?

— Я самъ, — гордо подтвердилъ хозяинъ. Аккуратно приставивъ метелку къ обрубѣ колодца, онъ пошелъ къ дому, четко говоря:

— Хорошая комната, шкатулочка! Четыре цѣлковыхъ въ мѣсяць, не дешевле.

Смагину понравилась свѣтлая комната; двойное окно ея смотрѣло въ луга, за рѣку.

— Весной здѣсь, должно быть, великолѣпно, — вслухъ подумалъ онъ.

— И зимой хорошо будетъ, — сказалъ хозяинъ, безцеремонно разглядывая Смагина.—Тепло. Чѣмъ занимаетесь?

— Буду работать у инженера здѣсь.

— Ага, это у Зейделя, болото сушить...

— Въ нахлѣбники не возьмете?

— Въ пахлѣбники?

Коптевъ задумался, все разглядывая нанимателя. Глаза у него были странные,—въ сѣровой массѣ выпуклыхъ бѣлковъ купались и точно таяли залотистые зрачки. И голова его тоже казалась позолоченной,—рыжеватые, негустые, но волнистые волосы отливали металлическимъ блескомъ шелка; въ бородѣ и усахъ они были еще свѣтлѣе. Не дождавшись его отвѣта, Смагинъ сказалъ:

— Долженъ предупредить васъ,—я высланъ административно изъ Петербурга...

Коптевъ спросилъ, ухмыляясь:

— За политику?

И еще разъ усмѣхнулся, говоря:

— Это не боязно,—не прежняя пора. И, вотъ, думаю, сколько взять за хлѣбъ, чтобы и мнѣ и вамъ безобидно было...

Договорились быстро и, видимо, Смагинъ понравился хозяину,—проводжая его за ворота, Коптевъ отечески сказалъ:

— Видать, вы не больно дѣловитъ человекъ, такъ я посоветую: кривому на чай—двугривенникъ, извозчику сюда—четвертакъ. Это—за глаза!

Закрывъ калитку, онъ крикнулъ:

— Тапся!

Женскій голосъ невнятно отвѣтилъ откуда-то изъ сада.

— О...

— Ступай, придержи мезонинъ...

— Дочь или жена?—лѣниво подумалъ Смагинъ, по-матривая какъ надъ крышами города качаются черныя вѣтви деревьевъ.

На встрѣчу ему поднимался, чмокая копытами, большой козель, вотъ, онъ остановился, умираясь передними ногами въ цѣпкую землю, косо поглядѣлъ на человека старымъ, выпуклымъ глазомъ, сердито встряхнулъ грязной бородой и, боднувъ воздухъ, отскочилъ въ сторону къ забору.

Смагинъ снялъ шляпу, поклонился козлу и сказалъ:

— Вы очень любезны!

Онъ чувствовалъ себя мальчишески весело, ему хотѣлось шутливо разговаривать, а память настойчиво подсказывала задумчивую пѣсню:

— Размахнулись зеленны поля

Черезъ рѣки, да скрозь темны лѣса.

Эхъ, пойду я, малъ-спротка, по полямъ,

Поиду я доли-счастья для себя...

— Ну, счастья здѣсь—не найдешь, а отдохнуть можно,—
рѣшили онъ.

Въ гостиницѣ, уложили вещи, онъ далъ Макару полтинникъ, — кривой внимательно осмотрѣлъ монету темнымъ глазомъ и, опустивъ ее въ карманъ штановъ, раздумчиво поблагодарилъ:

— Спасибо за милость. А вы — куда теперь?

— Вамъ надо знать это? — шутя спросилъ Смагинъ.

— Надо-бы, спросить меня.

— Кто?

— Полиція. Обязанъ я знать, кто куда...

— Да — ну? — воскликнулъ Смагинъ, любопытно осматривая его тяжелое, сонное тѣло. — А если я не скажу, куда переѣзжаю?

— Они сами узнаютъ, — равнодушно заявилъ кривой. — Тутъ люди — наперечеть, какъ цыплята въ рѣшетѣ.

— Такъ? Ну, доложите, что я снялъ квартиру у Коптева.

— Вонъ какъ, — почтительно пробормоталъ Макаръ. — Коптевъ у насъ человѣкъ видный...

— Я самъ — тоже видный человѣкъ! — шутить Смагинъ; кривой, наклоня голову на бокъ, внимательно осмотрѣлъ его и согласился:

— Это — точно, вы, господинъ надолго, крѣпкой масти...

Потомъ, держа себя за мочку уха, предложилъ:

— Ежели что понадобится по женской части, такъ я могу исполнить, я тутъ знаю, которыя женщины...

— А — грѣхъ? — испуганно воскликнулъ Смагинъ, едва скрывъ улыбку, но кривой все такъ же равнодушно утѣшилъ его:

— Не всякая зря грѣшнить, иная, вѣдь, по бѣдности...

Смагинъ удивленно взглянулъ на него и уже серьезно спросилъ:

— А по бѣдности можно грѣшнить?

— Первый способъ, — сказалъ кривой. — Отъ бѣдности все намъ нахальство. Вотъ онъ, извозчикъ...

Уложивъ въ пролетку чемоданъ Смагина, онъ поклонился ему, говоря:

— Счастливо! Будьте при себѣ!

— Это хорошо сказано, — думалъ Смагинъ, покачиваясь и подпрыгивая въ пролеткѣ. — Будьте при себѣ! Значительно. И про бѣдность — хорошо! Мыслимо разсматривая шаршавое, деревянное лицо кривого, онъ вздохнулъ:

— Странно, — человекъ, съ виду, мертвый, а говоритъ такимъ языкомъ...

Когда онъ вошелъ во дворъ Коптева, — на крыльцѣ его встрѣтила та самая женщина, которую онъ видѣлъ, въѣзжая въ городъ.

— Пожалуйте, — звучно сказала она, протягивая къ его чемодану по локоть голую, красную руку; отъ этой руки исходилъ паръ и тошнотворный запахъ сѣраго мыла. Другую руку, тоже влажную, она отерла о мокрый фартукъ, въ то же время одергивая его высоко, подобранную юбку.

— Вотъ странный случай! — мелькнуло въ головѣ Смагина.

Онъ выпустилъ изъ руки тяжелый чемоданъ съ книгами и растерянно улыбаясь, смотрѣлъ въ синеглазое хорошее лицо; женщина, тоже узнавъ его, покраснѣла до плечъ, опустивъ глаза, и повторила тише:

— Пожалуйте! Мужъ — въ городъ, онъ скоро пріѣдетъ.

— Да мнѣ его не нужно, — сказалъ Смагинъ.

Мелкій потъ блестѣлъ на лбу женщины и на вискахъ; она была въ рубашкѣ деревенскаго холста, собранной складками на полной бѣлой шеѣ и завязанной красной тесьмой; глубокая прорѣха на груди раскрылась, обнажая розовое тѣло.

— Вы — хозяйка? — протянувъ ей руку, спросилъ онъ. Познакомитесь: Павель Николаевъ Смагинъ.

Она не приняла его руку, а только поклонилась, тихо сказавъ:

— Благодарствуйте...

И, легко поднявъ чемоданъ, пошла по лѣстницѣ на чердакъ.

— Позвольте, я самъ, — бросился за нею Смагинъ, но она отстранила его лѣвой рукою.

— Какъ можно, что вы?

— Онъ пошелъ къ воротамъ за другимъ чемоданомъ, спрашивая себя:

— Это чему же я обрадовался? Глупо. И страннаго

ничего нѣтъ въ этой встрѣчѣ; сказано: — какъ цыплята въ рѣшетѣ...

Но все-таки ему было весело и пріятно.

Онъ снова встрѣтилъ ее на серединѣ лѣстницы, женщина посторонилась, пропуская его, спрятала руки за спину, грудь ея подавалась впередъ, замѣтивъ это, она тотчасъ-же легко и быстро снова пошла вверхъ.

— Вѣдь, я уже видѣлъ васъ, — вы узнали меня? — спросилъ Смагинъ, — къ его удивленію, она сказала, оставаясь наверху лѣстницы:

— Нѣтъ, я васъ не знаю...

— А, помните, — утормъ?: Вы несли воду, а я — ѣхаль, и вы еще улыбнулись мнѣ?

— Что это вы, господинъ! — негромко и обиженно сказала она. — Какъ же я могу улыбаться незнакомому? Ея густыя, темныя брови сошлись надъ переносьемъ, губы, вероятно дрогнувъ, вытянулись въ ниточку.

— Вы при мужѣ не скажите такого, срамъ будетъ мнѣ, — договорила она строго.

— Ахъ, вотъ что, — сообразилъ Смагинъ и весело солгалъ: — Ну, значитъ, я ошибся...

Она улыбнулась нервѣжительной улыбкой, ея синіе глаза влажно потемнѣли, а маленькій ротъ расцвѣлъ еще болѣе красиво, чѣмъ утормъ.

— Устраивайтесь, какъ лучше, — сказала она, снова кланаясь ему съ порога, и ушла, плотно прикрывъ дверь, обитую войлокомъ и клеенкой.

Смагинъ щелкнулъ языкомъ, думая вслухъ:

— Ну, и—хороша-же! Однако, Павель—будь при себѣ...

Недѣли двѣ, день и ночь, шли упрямые дожди, неизякаемо посылая землю ртутной пылью, неутомимо шурша по желѣзу крыши, шаркая по стекламъ окна. Мокрыя деревья, точно стекломъ облились, на улицахъ стояли рябыя лужи, лѣниво текли ручьи, безуспѣшно смывая грязь.

Перестанетъ дождь на часъ, на два, посвѣтлѣетъ небо, — за рѣкою надъ лугами встанетъ сѣрая паморха, скрывая отъ глаза лѣсныя дали, сжавъ землю въ небольшой кругъ; мокрый городъ въ центрѣ его плотно прибитъ непогодой къ

раскисшей землѣ и немощно, жалобно тихъ. Земля покрыта, какъ свинцовой крышею, безконечнымъ облакомъ, съ каждымъ днемъ оно становилось все плотнѣй, опускалось все ниже, выдавливая свѣтъ, сокращая часы дня, грозя навѣки покрыть городъ сѣрой, влажной ночью, безъ луны и звѣздъ.

Въ столицѣ жизнь, не считаясь съ погодой, безъ усталости течетъ по широкимъ каналамъ улицъ; яркій огонь, пойманный человѣкомъ, широкими пятнами ложится на панели, изливаясь изъ оконъ, изъ витринъ магазиновъ; тамъ, подъ неукротимымъ дождемъ, въ густотѣ тумана, радужно цвѣтутъ призрачные шары фонарей, вспыхиваютъ синія молніи трамваевъ, неустанно бѣгутъ, мелькаютъ разноцвѣтные огни,— въ большихъ городахъ человѣкъ всегда видитъ себя, чувствуетъ вокругъ неизсякаемый запасъ свѣта, созданнаго имъ, служащаго ему покорно и радостно.

Здѣсь, возвращаясь вечеромъ съ работы, Смагинъ привыкшій ходить быстро, шагаль во тьмѣ по избитымъ тротуарамъ съ великой осторожностью, задѣвая зоптомъ за невидимые заборы; расчетливо переходилъ улицы, освѣщая дорогу ручнымъ фонаремъ, а все-таки являлся домой грязный, съ мокрыми ногами и раздраженный, несмотря на свое гибкое добродушіе.

Было и досадно, и обидно шагать мимо оконъ, плотно закрытыхъ ставнями, въ окруженіи мокрой тьмы; эта тьма, хлопотная грязь, ворчливое теченіе ручьевъ, сердитый плескъ лужъ, возбужденныхъ его ногами,—все возмущало Смагина, и тѣмъ, что было такъ побѣдоносно, и тѣмъ, что отнимало много времени, которое онъ привыкъ цѣнить.

За вечернимъ чаемъ или за ужиномъ онъ говорилъ хозяйини:

— Вѣдь, это—пустяки, грязь, и темнота; это—легко устранить, а вы—подчиняетесь пустякамъ!

Золотистые зрачки Контева насмѣшливо поблескивали, около поздрей ястребинаго носа дрожали тонкія морщинки.

— Вѣрно, — пустяки, — соглашался онъ.—Но—жители мы бѣдные, а фонари—денегъ стоятъ. Разъ. Зря ходить другъ къ другу—мы не охочи,—два. А, въ-третьихъ, касается грязи,—видимо, намъ, что и столицы грязью богаты, совокупно со всѣмъ прочимъ вавилонствомъ.

Съ первыхъ же дней Смагинъ почувствовалъ, что этотъ

сухонькій, жилистый человекъ относится къ нему свысока, покровительственно и насмѣшливо. Приглашая его къ столу, онъ говорилъ:

— Купать пожалуйста, господинъ столичный политикъ!

А за обѣдомъ спрашивалъ:

— По вкусу-ли уѣздная пища наша?

Пища была отменно жирна и обильна, — Смагинъ шутить въ тонъ хозяину.

— При такомъ питаніи, уважаемый Степанъ Ильичъ, надо бы работать часовъ двѣнадцать въ сутки.

— Вотъ, какъ? А мы—поѣдимъ, да—спать. Особенно пельмени да пироги ко сну гонятъ, и сонъ отъ нихъ тоже особый: всегда снится что-нибудь круглое—бочки, колеса, гири. А, однава, слонъ приснился мнѣ; и видѣлъ то я его на картинкахъ только, а въ живѣ—на ярмаркахъ, въ циркѣ одинъ разъ всего. Пришелъ ко мнѣ этотъ слонъ дергаетъ хоботомъ за ухо и говоритъ: Ильичъ,—у тебя въ саду мальчишки яблоки обиваютъ, бѣги скорѣй! А было это великимъ постомъ. Вотъ, и—вѣрь снамъ...

Онъ усмѣхнулся, оцѣпивъ жесткіе, аккуратно подстриженные усы, показавъ мышиные зубы.

Смагинъ узналъ, что Коптевъ почти три года былъ председателемъ мѣстнаго союза „истинно-русскихъ людей“, но—отказался отъ этой почетной должности.

— Можно спросить—почему?

— Можно, сказалъ Коптевъ.—Секрета нѣтъ. Я, сударь, мой, свѣжее личко, только что снесено, тепленькое; на какой хошь огонь смотри меня—ни пятнушка! А ушелъ я единственно потому, что народъ у насъ не надеженъ: до полудня честенъ, а къ вечеру—воръ!

Вскочивъ со стула, онъ обѣими руками одернулъ внизъ теплый жилетъ, надѣтый поверхъ ситцевой рубахи, подтянулъ штаны и зашагалъ по комнатѣ, мягко шаркая пестрыми туфлями цвѣтныхъ шерстей.

— Предложили намъ отечество къ порядку приспособить, буйство погасить, а мы сейчасъ, давай, съ казны портки снимать, — говорилъ онъ, сердито усмѣхаясь. — Ну, я не политикъ, я человекъ честный, бездѣтный, — воровать мнѣ не для кого. Я сказалъ имъ, что слѣдовало и — шабашъ.

Коснувшись лѣвой рукой праваго плеча, онъ рѣзкимъ движеніемъ по горизонту отскъль, срубилъ что-то и гордо указалъ на окно, выходящее въ садъ.

— Я сытъ, кормилецъ мой — вотъ онъ! Дѣдомъ посажень, отца кормилъ и меня хорошо кормитъ. Знающіе люди хорошо оцѣнили, что ранеть Коптева — самолучшее яблоко!

Онъ ткнулъ пальцемъ въ стѣну, тамъ, за стекломъ, въ рамкѣ чернаго бархата висѣла серебряная медаль „за трудолюбіе и искусство“, потомъ онъ указалъ кивкомъ головы на подзеркальничъ, гдѣ въ рамѣ золотого багета красовался дипломъ на званіе почетнаго члена, выданный обществомъ садоводовъ.

— Такъ-то, вотъ! — добавилъ онъ.

Говоря спокойно, Коптевъ постепенно понижалъ голосъ почти до шопота и чѣмъ тише, тѣмъ болѣе увѣренно и четко выговаривалъ слова. А волнуясь, онъ одергивалъ жилетъ, подтягивалъ брюки и, вообще, дергалъ самъ себя, точно желая сорвать съ тѣла все, надѣтое на немъ, и говорилъ торопливо, беспорядочно наизывая слово на слово, взвизгивая, не слѣдя за своей мыслью. Въ эти минуты онъ какъ-то трещалъ и брызгалъ, напоминая печь, въ которой горять сухія, но не жаркія еловыя дрова.

Другимъ вечеромъ, когда дождь садилъ въ ставни оконъ мелкую дробь, а въ кухнѣ угрюмо гудѣлъ самоваръ и гремѣла посудой Таисья, Коптевъ, крикнувъ ей:

— Затвори дверь! — обернулся и вдругъ заговорилъ, глядя въ лицо нахлѣбника исподлобья, острымъ взглядомъ:

— Вы, конечно, о черной сотнѣ по лѣвымъ газетинкамъ судите, а сами насъ, черносотенцевъ, въ глаза не видали, такъ вотъ, поглядите! Лѣваки эти въ русскомъ народѣ столь же мало понимаютъ, какъ волки въ ягодахъ...

— А правые? — спросилъ Смагинъ.

— Хозяинъ подошелъ къ нему и сказалъ, искренно удивляясь, сожалѣя:

— Неужто вы, не изъ политики, а въ самомъ дѣлѣ, не видите, что правые и есть самый корень народа, настоящій народъ? Вы бы поняли простую суть: ежели народъ въ Бога вѣруетъ, власть нездѣшную надъ собой признаетъ, — онъ и здѣшную власть можетъ отрицать только по временному неразумію. Нашъ народъ по душѣ не властенъ

и своевластія не понимаетъ. А что и дерзко, и смѣшно — ставить человѣчье хотѣніе противъ Божія закона, — это онъ понимаетъ!

Онъ повторилъ убѣжденно:

— Понимаетъ, да!

И добавилъ, спокойнѣе:

— Конечно, противъ васъ — мы люди необразованные, однако-жь, хотя и въ невѣжествѣ и безъ ума живемъ, но за совѣсть!

Смагинъ не ощущалъ потребности возражать ему, а только мягко выспрашивалъ, стараясь понять ходъ мысли, игру неясныхъ ему чувствованій хозяина. Но на этотъ разъ онъ напомнилъ Коптеву:

— Вы недавно сказали, что народъ не надеженъ: до полудня честенъ, къ вечеру — воръ! Какъ же это примиряется съ совѣстью?

Коптевъ ударилъ себя ладонью въ грудь, противъ сердца, и крикнулъ:

— Здѣсь все примиряется! Вѣдь кто сказалъ бы про народъ зазорно? Я, черная сотня! Не со стороны сказано, а изъ сердца. Сердце, сокрушенно и смиренно, вотъ это малоумное русское сердце, — неугасимая лампада совѣсти! Такъ-то съ! Чему насъ Христосъ учить? Онъ учить жить по совѣсти, а не по разуму. Гдѣ сказано въ Евангеліи, что разумъ руководствуетъ жизнью? Нигдѣ этого не сказано и не этому учить Церковь наша, а мы всѣ церковно живемъ, церковно думаемъ...

Танся внесла самоваръ, и Коптевъ почему-то сразу остылъ. Смагинъ видѣлъ, что почти ежедневно послѣ обѣда хозяинъ читаетъ столичную реакціонную газету, но прячетъ ее отъ нахлѣбника.

— Не хочеть, чтобы я пилъ мудрость изъ одного источника съ нимъ, — соображалъ Смагинъ, внутренне усмѣхаясь.

Кромѣ газеты хозяинъ читалъ историческіе романы; въ углу комнаты, на полкѣ лежала стопка потрепанныхъ книгъ, среди ихъ были: „Князь Серебряный“, „Кудеяръ“, толстый романъ Казанцева: „Противъ теченія“, книги Салиаса.

— А „Войну и миръ“ не читали? — спросилъ Смагинъ.

— Это — графа Толстова, Льва? Не читалъ.

— Почему же?

— Не довелось. Да и не охота. Знаю я его мысли!

— Может быть не всё?

— Всѣхъ листьевъ на большомъ деревѣ не сосчитать, это вѣрно! Да зачѣмъ же мнѣ чужія-то мысли? Отъ своихъ, иной разъ, покою нѣтъ,—сказала Коптева, пытливо поглядывая въ лицо нахлѣбника.

Смагинъ чувствовалъ, что хозяйинъ хочетъ заставить его разговориться и думалъ:

— Подожди, старикъ!

Пощипывая бѣлокुरые усы, онъ оглядывалъ маленькую, въ два окна комнату, съ большимъ зеркаломъ въ простѣвкѣ, тѣсно заставленную сборной мебелью. Въ этой комнатѣ все блестѣло, точно смазанное масломъ, и всегда стоялъ запахъ кухни. Тяжелый стеклянный шкафъ былъ тѣсно набитъ чайной посудой, множествомъ пасхальныхъ яицъ изъ сахара, серебряными ложками; рядомъ съ нимъ не торопясь и осторожно тикали круглые часы, подъ ними—медалъ и ломберный столъ на изогнутыхъ ножкахъ; казалось, что онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше подгибаетъ ихъ и скоро сядетъ на полъ, какъ садятся верблюжата на землю. Вокругъ стола собрались тяжелые стулья со спинками лирой и малиноватыми сидѣньями. Изразцовая печь блестѣла такъ холодно, что думалось—ее никогда и ничѣмъ нельзя нагрѣть. Всѣ вещи хвастливо лѣзли въ глаза, безокая своею несхожестью, но все было крѣпко и точно вросло въ крашенный рыжій полъ. Среди этой пестрой тѣсноты, безмолвно и ловко, точно большая рыба, извивалась хозяйка, прикрывъ длинными рѣсницами свои чудесные глаза, не замѣчая нахлѣбника и часто ласково улыбаясь печкѣ, шкафу, иконамъ въ переднемъ углу, черному зелено-глазому коту на лежанкѣ.

Мужъ отнесся къ ней странно, — казалось, что онъ едва терпитъ ея присутствіе. Говорилъ онъ съ нею мало, кратко, ея дѣловыя рѣчи о хозяйствѣ выслушивалъ молча и часто, не дослушавъ, прерывалъ ихъ отталкивающимъ движеніемъ руки или краткими возгласами:

— Ладно! Знаю! Ступай!

Иногда послѣ ужина хозяйинъ и нахлѣбникъ сидѣли за столомъ часъ, два, щупая другъ друга словами или взглядами; Смагину очень нравилось это.

Таисья, убравшись въ кухню, открывала дверь и невидимая спрашивала:

— Степанъ Ильичъ, я ложусь?

— Ладно!

Спальня помѣщалась рядомъ съ комнатою, гдѣ обѣдали, и сквозь тонкую переборку было слышно, какъ хозяйка, вздыхая, шепчетъ молитвы, раздѣвается, какъ скрипнть подъ тяжестью ея тѣла двуспальная кровать съ пятью подушками, накрытая толстымъ одѣяломъ изъ пестрыхъ лоскутковъ шелка.

— Тише, ты!— кричалъ Коптевъ на жену, какъ на лошадь.

Смагинъ представлялъ эту женщину въ мохнатыхъ рукахъ дѣловитаго мужа и невольно брезгливо возмущался, но жалости къ ней не почувствовалъ.

Однажды, сойдя внизъ къ чаю, онъ засталъ хозяйку у стола; она не пошевелилась, сидя передъ самоваромъ и разглядывая лицо свое, отраженное мѣдью.

— Любуетесь?— весело и громко спросилъ онъ.

Таисья вздрогнула, вскочила, испуганно оглядываясь, потомъ улыбнувшись, сказала:

— Заспался хозяинъ-то!

И ушла въ спальную.

— Степанъ Ильичъ, вставай,— просила она; Коптевъ помычалъ и яснымъ голосомъ воскликнулъ:

— Ахъ! Знатный сонъ видѣлъ я!

Тихонько охнувъ, Таисья торопливо прошептала что-то.

— Эка важность! Чай я тебѣ мужъ,— сказалъ Коптевъ.

Громко, словно пощечина, прозвучалъ поцѣлуй, а затѣмъ ворчливыя слова хозяина:

— Дурында! Пятый годъ замужемъ, а поцѣловать какъ слѣдуетъ не умѣешь. Калоша!

Таисья вышла изъ спальни, нахмурилась, потушивъ глаза, а Коптевъ—веселый.

— А вы уже сошли? Что жъ ты мнѣ не сказала?— упрекнулъ онъ жену и тотчасъ началъ балагурить.

— Люблю сны, ужъ очень ловко въ нихъ правда съ неправдою связана...

Въ Покровъ, спустившись ужинать, Смагинъ увидѣлъ за столомъ хозяевъ Финогенова; писарь поздоровался съ нимъ какъ со старымъ знакомымъ, и тотчасъ спросилъ:

— Довольны ли квартирой?

— Очень.

— И хозяиномъ?

— И хозяевами.

Коптевъ усмѣхаясь поглядѣлъ на Смагина, говоря гостю:

— Господишь Смагинъ—человѣкъ тонкій!

Усмѣхнулся и писарь. Въ сѣромъ, мохнатого драпа пиджакѣ онъ еще болѣе напоминалъ филина. Ужинали съ выпивкой; хозяинъ очень хвалилъ настойку на яблокахъ.

— Ядъ!—восхищался онъ, смакуя и щурясь; усердно наполнялъ рюмки гостя и нахлѣбника, а самъ все краснѣлъ, весело разгораясь. Когда Танся, прибравъ со стола, скрылась въ кухнѣ, онъ подмигнувъ вслѣдъ ей, спрашивая Смагина:

— Хороша баба-то?

— Да,—сказалъ Смагинъ, невольно вздохнувъ.

— Гляди—вздыхаетъ!—вскричалъ Коптевъ и засмѣялся, а писарь пошевелилъ ушами, на его плюшевомъ лицѣ явились жирныя складки, задрожали серебряныя иглы волосъ, онъ расправилъ плечи, выпятилъ грудь и, наконецъ, тоже захохоталъ густымъ маслянымъ звукомъ.

— Моя, да-Маймачинская—первыя въ городѣ,—хвастался Коптевъ.

Писарь привелъ лицо въ порядокъ и строго сказалъ:

— У Маймачинской ротъ великъ, а когда такъ, то ужъ...

Онъ отрицательно показалъ головою.

— Она толще моей—моя березкой итется. И, въ церкви, нарочно становлю свою поближе къ той, пусть люди видятъ, чья больше взяла.

Они говорили о женщинахъ долго, но въ ихъ словахъ не было ни умствующей чувственности, свойственной людямъ ихъ возраста, ни пресыщенія, которое хотятъ одолѣть острыми воспоминаніями. Они бесѣдовали такъ же просто, съ такимъ же интересомъ, какъ незадолго передъ тѣмъ говорили о яблочной настойкѣ, о пирожкахъ съ налимьей печенью, жареной въ сливочномъ маслѣ.

— Вкусовое отношеніе,—опредѣлилъ Смагинъ.

Онъ чувствовалъ себя неловко, эти люди какъ будто вдругъ забыли о немъ, не разговаривали съ нимъ.

— Уйти, что-ли?—спрашивалъ онъ себя.

Но писарь и хозяинъ возбуждали въ немъ острый интересъ. Уже нѣсколько разъ онъ испыталъ желаніе спорить съ ними, хотѣлось раздражать, задирать ихъ, а все-таки сдерживался, глядя на квадратное мягкое тѣло писака, на его круглое лицо въ бѣлой плѣсени волосъ, на упрямо-неподвижные глаза почной птицы.

— Это дерево не зажгешь!

А хозяинъ не нуждался во виѣшнихъ раздраженіяхъ, становясь съ каждой минутой все болѣе многорѣчивымъ, подпрыгивая на стулѣ и одергиваясь. Его золотистые зрачки расширились, бѣлки покраснѣли, басокъ звучалъ мягко и чувствительно.

— Стоять они по колѣна въ водѣ, дождь ихъ сбьетъ, ахъ, ты, Боже,—дотронувшись пальцемъ до локтя Смагина, онъ объяснилъ:

— Это я про рабочихъ, которые на болотѣ. „Пора бы кончать, ребята“,—говорю. „Нѣтъ“,—говорятъ,—„нельзя, а то весной вся работа прахомъ пойдетъ“. Вотъ, пойми, Павель Николаевъ, людишки работой живутъ, значить, чѣмъ больше работы, тѣмъ для нихъ выгоднѣе, такъ? Ну, и пускай половодье заливаешь работу, пускай портитъ все, вѣрно? Деньги получилъ и еще получишь, а они говорятъ,—нѣтъ? нельзя! Почему нельзя?

И снова подавшись къ Смагину, онъ умиленно отвѣтилъ на свой вопросъ:

— Совѣтъ запрещаетъ! Вотъ онъ, сердечный, нашъ народъ. Это—густой народъ, на день, на два, на годъ можно его замутить, но онъ скоро опять устоится.... Онъ стоекъ!

Коптевъ зажмурилъ глаза и, покачивая головою, пропѣлъ:

— Люблю свой народъ, цѣны ему нѣту! Намучень онъ, жалко его; все наше жительство жалко до того, что иной разъ сердце перехватываетъ, ну—ладно! Выстоимъ свое, дождемся, дотерпимся...

Смагинъ слушалъ хозяина съ изумленіемъ,—голосъ его звучалъ задумчиво. Коптевъ не казался пьянымъ.

— Я такъ полагаю,—вдругъ и очень громко началъ писарь, но Коптевъ остановилъ его рѣзкимъ взмахомъ руки справа палъво.

— Постой!

И сказалъ Смагину:

И, вѣдь, и вашего брата поминаю, я знаю, что и вѣдѣвыхъ есть совѣстные русскіе люди и знаю, быть имъ правыми!.. Русь всякую кривую кость выправить.

Въ теплой комнатѣ, хорошо освѣщенной огнями двухъ лампъ, стоялъ жирный запахъ пищи, спирта, яблокъ. Вошла Таисья съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ. Паръ со свистомъ билъ въ лицо ей, красиво изогнувъ шею, она смотрѣла вбокъ и кому то ласково улыбалась. Сладкій жирный запахъ сталъ гуще.

— А реформы, пистолеты, революціи,—все это черная немощь, — возбужденно говорилъ Коптевъ, поддегивая штаны. — Это все отъ Франціи, она, ядовитая крапива, обожгла насъ; отъ нея ваша братія, лѣваки, воддырями вскочили по русской кожѣ! Выполоть бы ее со свѣта и да и выполоть,—погоди! Это съ Наполеоновыхъ годовъ пошла зараза, ну, теперь—шабашъ.

Онъ отсѣкъ воздухъ любимымъ своимъ жестомъ и замолкъ, отирая потное лицо.

Таисья сѣла рядомъ со Смагинимъ, толкнула его колѣномъ, испуганно выронила чашку на поднось и, зардѣвшись, сказала:

— Извините...

— Не безпокойтесь,—молвилъ Смагинъ, отодвигаясь, а Коптевъ, поочереди взглянувъ на нихъ, спросилъ:

— Что такое?

— Толкнула нечаянно я ихъ...

— И ихъ, я ихъ,—передразнилъ Коптевъ жену.—Возись осторожно!

— Бѣда не велика,—сказалъ Смагинъ.

— Чашку разбить могла...

— И такъ полагаю,—заговорилъ писарь,—потирая щеки короткой рукой,—всѣ бунтующіе люди, какъ-то: сектанты, политики, пьяницы и даже многіе воры, грабители—незаконнорожденные, дѣти отъ гражданскихъ браковъ и другихъ случайностей распутства, т. е. незаконнаго смѣшенія кровей.

— Вотъ, прислушайтесь,—посоветовалъ Коптевъ нахлѣбнику, усаживаясь на стулъ покрѣпче, а Финогеновъ,

глядя круглыми глазами прямо въ лицо Смагина продолжалъ, словно читая казенную бумагу:

— Лицо, рожденное вполне законно и воспитанное въ духѣ своей семьи, своего сословія, должно быть признано дѣйствительнымъ человѣкомъ. Всѣхъ же незаконнорожденныхъ надобно принимать за поддѣлку и лишать ихъ правъ состоянія, обращая какъ бы въ крѣпостныхъ людей государства и общества.

— Шутить филить?—подумалъ Смагинъ, разглядывая убѣжденно мрачное лицо писаря.

Но тотъ продолжалъ лѣниво и упрямо, какъ осенній дождь.

— Еще въ четвертомъ году, будучи помощникомъ смотрителя инородческой семинаріи въ Казани, я обращался въ одно высоекое учрежденіе съ докладной запиской по необходимости этого дѣла и записка была одобрена однимъ изъ тамошнихъ ученыхъ профессоровъ.

Смагину казалось, что въ комнатѣ густо падаютъ тяжелые хлопья сырого снѣга. Ровный, безцвѣтный голосъ писаря не заглушалъ ни осторожныхъ ударовъ маятника, ни шороха дождя за окномъ. Стало кошмарно скучно.

Танся безшумно пила чай изъ блюдечка и смотрѣла на свое отраженіе въ самоварѣ. Коптевъ чистилъ яблоко, аккуратно снимая перочиннымъ пожемъ тонкій слой розовой кожи.

— Только въ дѣтствѣ люди живутъ счастливо, потому что жизнь дѣтей беззаботна, и на нихъ работаютъ взрослые. А посему надлежитъ озаботиться, чтобы дѣтское состояніе чувствъ и мыслей пребывало въ человѣкахъ до конца дней. Изволили усвоить? Дѣторожденіе же, то есть собственно зачатіе, должно быть взято подъ наблюденіе особыхъ комитетовъ, дабы, во-первыхъ, люди не дерзали размножаться превыше законнаго числа, во-вторыхъ же, необходимѣе необходимо наблюдать за чистотою крови родителей. Ежели возможно улучшать породы собакъ и даже куръ, то и порода людей можетъ быть улучшена, то-есть упрощена въ направленіи къ дѣтскому. Это есть единственная мѣра, способная измѣнить жизнь кореннымъ образомъ, а всѣ другія реформы—просто обманъ и фантазія, потому что ничего не измѣняютъ внутри людей, въ душѣ...

— Надо успокоить умъ,—строго замѣтилъ Коптевъ, доѣдая яблоко.

— Позволь, Степанъ,—остановилъ его Финогеновъ и продолжалъ все такъ же ровно, безцвѣтно.

— Никакого улучшенія не можетъ быть, кромѣ упрощенія, а—разумъ не упрощаетъ обстоятельство жизни, это извѣстно отъ времени Адама. Изволили усвоить?

Смагинъ чувствовалъ, что писарь можетъ говорить неопредѣленно долго, и все болѣе удушливо.

— Что-же,—спросилъ онъ потирая лобъ,—этотъ планъ жизни только для Россіи?

— Обязательно,—для всѣхъ народовъ земли,—отвѣтилъ Финогеновъ.—Только установивъ повсемѣстное единство, достигнемъ покоя и порядка.

— Не согласятся съ вами народы,—сказалъ Смагинъ.

— Заставимъ,—крикнулъ Коптевъ, ударивъ кулакомъ по колѣну. Такъ ли, какъ Финогеновъ подумалъ, иначе-ли какъ, а—вся земля должна жить нашимъ бытомъ, по-русски, по совѣсти...

— Когда я жилъ въ Могилевѣ,—началъ Финогеновъ, но хозяинъ перебилъ его, крикнувъ еще разъ:

— Заставимъ!

Смагинъ попытался возразить, но Коптевъ, не слушая, хваталъ первое попавшееся слово и кричалъ:

— Вы поучаетесь по иностраннымъ книжкамъ, а вы бы поучились отъ мыслей русскихъ, заглянули бы въ душу народу-то. Перестроить, кричите, а изъ чего строено, знаете? У насъ народъ изъ чугуна литой, на долгіе вѣка народъ, онъ не ради пустяковъ на землѣ, а Христа ради.

Смагинъ тоже началъ кричать, негодуя на себя за то, что не можетъ не сердиться, но Коптевъ не слушалъ его, брызгая словами, какъ ружье дробью.

— Невѣрно! Иванъ Грозный извергомъ считается вами — книжниками, а что говоритъ про него самъ народъ?

Отвалившись на спинку стула, помахивая рукою, онъ нараспѣвъ проговорилъ:

— Ой настало времячко счастливое,

Сталъ нашъ Грозенъ царь Россеюшку любить,

Сталъ Россеюшку любить, чужи земли съ ней сводить..

— Вотъ, что народу надобно, чтобы царь чужи земли свѣлъ съ ней, чтобы, значить, мѣсто завоевалъ! Вы о Грозномъ говорите,—звѣрь, а народъ говоритъ—Прозритель! На

чемъ помириться? Ага, въ народѣ у Грознаго слава добрая, а вы... знаете вы какъ онъ боярина Никиту Романова наградилъ за спасеніе сына?

Коптевъ снова запѣлъ, сверкая зрачками:

— А вотъ тебѣ грамота охранная:

Кто церкву покрадетъ, мужика убьетъ,

А кто у жива мужа жену уведетъ,

Да сбѣжитъ въ село боярское,

Къ тебѣ, старому Никитѣ Романову,

И быть имъ у тебя, не къ выдачѣ...

Писарь, поглаживая свое каменное лицо ладонью, покачивалъ головою въ ладъ стихамъ, а Смагинъ, чувствуя себя безсильнымъ остановить вихрь словъ хозяина, сталъ слушать его пламенную рѣчь молча и все съ большимъ интересомъ.

— Кто бы у насъ бунтовъ не начиналъ, всѣ начинали царскимъ именемъ: Гришка ли Отрепьевъ, Разинъ али Пугачевъ, даже дворяне, и тѣ супротивъ Николай Павлыча за Константина встали! Это надо понять: не свою власть утверждаетъ народъ, а надъ собою!..

Историческія воззрѣнія Коптева не нравились писарю, нахмураясь, онъ сказалъ угрюмо:

— Однако, всякій бунтъ — бунтъ!. Ты, Степашъ, не то говоришь....

— То! — взвизгнулъ Коптевъ — можетъ — по разуму не то, а по сердцу — то самое...

Но писарь повторилъ:

— Бунтъ есть бунтъ! Закрывать глаза не надо...

Смагинъ взглянулъ на него и понялъ, что писарь тяжело пьянъ; лицо его распустилось, оплыло; студенистые глаза еще болѣе помертвѣли и выпучились. Что-то жуткое, грозное явилось на этомъ каменномъ лицѣ ночной птицы, — Коптевъ взглянулъ на него и присмирѣлъ, повторивъ его слова:

— Конечно, бунтъ — бунтъ...

— Вотъ, — сказали Финигоновъ. — Ради царя, ради Христа — все одно! Не смѣть...

Розовое лицо нѣмой хозяйки покраснѣло, покрылось потомъ, она отирала его платочкомъ, спрятаннымъ въ рукавъ кофты. Ея, словно, не было въ комнатѣ.

Коптевъ, растегнувъ жилетъ и воротъ рубахи, сунуль въ ротъ конецъ бороды и мялъ его губами.

— Изволили усвоить? — вдругъ спросилъ Финогеновъ, разглядывая свою ладонь, — хотѣлъ приподняться со стула и не могъ.

Таисья усмѣхнулась, мужъ тихонько пригрозилъ ей пальцемъ и сказалъ:

— Ступай спать!

Она встала, поклонилась гостямъ и покорно, какъ подростокъ, ушла.

— Перегрузился я, — выговорилъ Финогеновъ, глядя въ слѣдъ ей.

Помолчали съ минуту, потомъ Коптевъ спросилъ писаря:

— Зонтикъ у тебя есть?

— Да, — не сразу отозвался писарь — пора домой...

Осмотрѣлъ комнату и повторилъ:

— Домой...

— И мнѣ пора, — сказалъ Смагинъ, вставая, но хозяинъ мигнулъ ему и отрицательно покачалъ головою.

Точно слѣпой, держась за край стола, Финогеновъ поднялся на ноги, расправилъ плечи и, посмотрѣвъ на Смагина, глухо произнесъ:

— Надѣюсь...

Но, не договоривъ, на что онъ надѣется, сунулъ руку Смагину и, покачиваясь на короткихъ ногахъ, тяжело пошелъ къ двери, посапывая. Коптевъ отправился провожать его, а Смагинъ, присѣвъ на лежанку, думалъ:

— Какіе люди!..

Изъ двери въ кухню высунулось лицо хозяйки.

— Ушли? — тихо спросила она.

— Да. Надоѣли мы вамъ?

— Ничего. Они, иной разъ, до свѣта сидятъ — сказала она, исчезая.

Воротился Коптевъ, подошелъ къ нахлѣбнику и объяснилъ:

— Кабы вы первый ушли, такъ онъ бы остался, вотъ я и мигнулъ вамъ, — погодите, моля! Таисья, дай квасу, — квасу хотите?

— Нѣтъ, спасибо.

— Не надо, Таисья! Большого ума человѣкъ, но — пропалъ зря?

— Дойдетъ онъ?

— Дойдетъ! Онъ — привыченъ, почной человѣкъ, лѣтомъ

до утра шляется. Сынь у него былъ,—осудили въ каторгу за грабежь,—въ седьмомъ году. Жена вторая—распутница, сбѣжала отъ него; дѣвчонка совсѣмъ была, семнадцати годовъ, пять мѣсяцевъ всего и жила съ нимъ. Такъ, вотъ, и остался онъ—не бритый... Остраго боится—ножей, вилокъ, шильевъ...

Схвативъ руку Смагина дѣвскими грязными пальцами, хозяинъ потрясъ ее:

— Хорошій вечерокъ провели, а? Я, грѣшникъ, люблю побаловать...

— Вы во всемъ согласны съ нимъ? — спросилъ Смагинъ. — Коптевъ сморщилъ лицо, говоря:

— Отъ ума многое у него, а умъ — раздраженный обидами. Это вѣрно, — жизнь надобно исправлять изнутри, отъ семьи. И чистая кровь — великое дѣло! Тутъ у насъ живетъ чудакъ одинъ, прокуроръ Маймачинскій, образованнѣйшее лицо, — такъ онъ кому хотите докажетъ, что турки и китайцы погибаютъ отъ многоженства, отъ смѣшенія кровей. Ну, а кому же пріятна турецкая судьба?

— Покойной почи, — пожелалъ Смагинъ.

Онъ поднялся къ себѣ, зажегъ свѣчу и медленно раздѣваясь, испытывая чувство тяжелой усталости, думалъ:

— Далеко все это отъ знакомаго мнѣ, далеко...

Вытянулся на постели внизъ лицомъ, погасилъ свѣчу и сталъ смотрѣть, какъ таетъ тусклое пятно луны, потерянной въ облакахъ. Было такъ совершенно тихо, что казался громкимъ и беспокоилъ даже стукъ часовъ въ карманѣ жилета, висѣвшаго у двери на стѣнѣ.

— Я держался неумѣло, — соображалъ Смагинъ. — Неужели у меня не хватастъ идеи и фактовъ для спора съ ними?

Онъ чувствовалъ себя смущеннымъ, вспоминая горячія рѣчи, снисходительныя насмѣшки Коптева.

— Дѣдъ мой жилъ при лучинѣ, при сальныхъ свѣчахъ, отецъ—керосинъ жегъ; я могу электричество запалить, ну такъ что? Лучше я дѣда и отца, спокойнѣе живу? Пустяки все это, дѣтскія забавы! Вотъ, граммофоны выдумали, синемаграфы, я вижу — это забавно, ну такъ что? Игрушки же это! А для души, — гдѣ облегченіе?

Глухо, какъ деревянное било, звучалъ голосъ Финогенова.

— Жить надо замкнуто!

Серебро въ облакахъ за окномъ растаяло. Окно заткнула тьма, на желѣзо крыши тихонько посыпался дождь.

Внизу, у хозяевъ, унало что-то тяжелое, потомъ хлопнула дверь, тишина тотчасъ захлестнула звуки, но черезъ минуту сквозь полъ просочилось странное бульканье, — кто-то заговорилъ торопливо и громко.

Закрывъ глаза, Смагинъ представилъ себѣ красивое лицо хозяйки, всегда полусонное, и какъ бы уставшее отъ сповидній, вспоминалъ ея мощное тѣло. Какъ, должно быть, скучно ей жить!

Не спалось. Подъ тихій шумокъ дождя сердце мягко сжимала грусть.

Онъ безсонно лежалъ до утра, а когда въ комнату взглянуло бѣлесоватое осеннее солнце, — всталъ, подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ въ поля, за рѣкою, слѣдя бездушно, какъ на полосѣ яркой озими мелькаетъ, прыгая, заяцъ.

Скоро солнце утонуло въ облакахъ; мокрый городъ посѣрѣлъ, разбухшая земля потемнѣла.

Зима встала сразу, круто; съ вечера густо повалилъ мокрый снѣгъ, а поутру онъ лежалъ на крышахъ, на землѣ плотнымъ слоемъ, сжатый бодрымъ морозомъ, распушивъ голыя деревья бѣлыми цвѣтами, и по всей землѣ, чудесно окутанной въ шелка и атласы, расцвѣлъ бѣлый тихій праздникъ.

Крыши пріобрѣли странное сходство съ крышками гробовъ, обитыми сверкающимъ глазомъ, дальній лѣсъ посѣдѣлъ, а рѣка, отразивъ сизоватныя тучи, стала густо-синей. Скворешни, вершины деревьевъ, трубы домовъ одѣли пушистые чепчики, а все печальное, ограбленное дождями и вѣтромъ осени, тепло одѣлось толстымъ слоемъ пуха.

Въ квадратной рамѣ окна явилась новая картина — тихо-свѣтлый полукругъ земли, неподвижный и безлюдный. Смагинъ сталъ передъ окномъ и любовался, наслаждаясь, какъ будто впервые видѣлъ первый день зимы.

— Хорошо, если бы солнце ударило на все это, — пожелалъ онъ, слѣдя, какъ изъ трубы поднимается дымъ,

въ одномъ мѣсгѣ сѣрый, тучный, въ другомъ — голубоватый и едва различимый на синзой завѣсѣ неба.

Онъ многое переживалъ здѣсь впервые, но неохотно сознавался въ этомъ передъ собою, — ему было тридцать лѣтъ, онъ привыкъ думать, что знаетъ жизнь, и было неловко, обидно почти ежедневно спотыкаться обо что-то непонятное, хотя и знакомое смутно по литературѣ, по газетамъ и разговорамъ пріятелей, которые жилали въ глухихъ уѣздныхъ городахъ.

Все чаще онъ ощущалъ, что его знаніе бытовой стороны жизни недостаточно широко, не связно, и что многое въ городѣ чуждо ему, какъ, навѣрное, было бы чуждо иностранцу. Онъ замѣчалъ, что въ его запасѣ свѣдѣній о провинціи гораздо больше идей, чѣмъ фактовъ, а факты, извѣстные ему, въ большинствѣ имѣютъ характеръ анекдотовъ. Эти анекдоты смѣшные и грустные, часто — отвратительные, возбуждавшіе безразличность и скорбный гнѣвъ, раньше очень удобно укладывались въ рамки извѣстныхъ, привычныхъ сообщеній, объясненій, но теперь, когда анекдоты создавались на его глазахъ, онъ чувствовалъ, что психика творцовъ уѣздной жизни мало понятна ему.

— Нѣтъ, вы погодите, — кричалъ Кошчевъ за обѣдомъ. — Когда, вотъ, мы маленькіе города выдвинемся, вопремся въ дѣло, — мы вамъ покажемъ себя! Мы съ васъ, столичныхъ, спѣсь собьемъ, мы — не столичные, а — единоличные, — у насъ одно лицо у всѣхъ! Мы свои порядки возведемъ, свои города нагородимъ, — насъ семь тысячъ, да всѣ губернскіе съ нами, да села тоже, — такъ это такая будетъ туча народу! Что-о-сь? Полтораста милліоновъ у насъ?..

Онъ удивился, недовѣрчиво поглядѣлъ на Смагина, рѣзко одернулъ жилетъ.

— Да—вѣрно-ли сосчитано? Надобно въ календарѣ посмотреть...

Но его очень обезпокоила цифра населенія имперіи; помолчавъ, повертѣвъ шеей, онъ снова заговорилъ, пренебрежительно улыбаясь.

— Иностранство тутъ впуталось, — армяшки, жидашки, киргизы. Такъ, вѣдь, всю эту челядь — вонъ выжать, али обратить въ крѣпостное состояніе, только и дѣла! Не да-

звать имъ никакихъ правовъ,—сами разбѣгутся, кто—куда.
Вотъ—въ Китай можно, земля огромная...

Однако, и этотъ планъ не успокоилъ его, онъ сталъ настойчиво спрашивать Смагина—сколько на Руси русскихихъ?

— Пятьдесятъ пять милліоновъ великой-то Руси! Сорокъ три процента... мм, скажите, пожалуйста! А я считалъ—больше, и-да...

Онъ приунылъ, но за ужиномъ, снова добрый и веселый, внушалъ Смагину, показывая маленькій крѣпко сжатый кулакъ.

— Сила не въ цифрѣ, число ничего не обозначаетъ,—сила въ крѣпости! Иной—съ тысячею цѣлковыхъ на десять оборотъ имѣеть, а другой съ десятью—на пятьсотъ. Главное—разумъ!

— Да, вѣдь, вы разумъ не цѣните! напомнил Смагинъ.

— Какъ это?

— Вы же говорите, что жить надо не по разуму, а по совѣсти, а гдѣ-жъ тутъ совѣсти мѣсто, если вы на всѣхъ инородцевъ гоненіе проповѣдуете?

— А они—живи нашимъ бытомъ, такъ я ихъ не трону, можетъ! Совѣсть для всѣхъ должна быть одинакова. Не мнѣ же по закону калмыцкой совѣсти жить, пусть калмыкъ по моему закону живетъ, я его умнѣ! Кромѣ того: одно дѣло—дѣло, а другое—вѣра! Да и что такое совѣсть, если вдуматься? Тутъ—совмѣстное, совѣтное, вѣстимое, значить: всемъ извѣстное, принятое за правило всеми вмѣстѣ! Вотъ, что—совѣсть! Стало быть,—если всѣ вмѣстѣ пятьдесятъ пять милліоновъ примутъ совмѣстно рѣшеніе,—все другіе должны уступить!..

Смагинъ ясно видѣлъ, что въ этой путаницѣ словъ и понятій его мыслямъ, его идеямъ—нѣтъ мѣста. Все, что онъ говорилъ, не доходило до сознанія хозяина, останавливаясь передъ стѣною устойчиваго недовѣрія, насмѣшливаго невниманія.

Сначала, сторяча, онъ опредѣлялъ разсужденія хозяина рѣзкими словами:

— Ченуха, дичь...

Но, присматриваясь къ нему, чувствовалъ, что этотъ бойкій человекъ—не глупъ, а только неуклюже, неумѣло облакаетъ свои органическія мысли въ чужія, неудобныя

для нихъ слова, и слова эти росли на чемъ-то, какъ плѣсень на сыромъ деревѣ.

Сынъ банковскаго служащаго, который женился поздно, а умеръ рано, Смагинъ еще во дни отрочества началъ жить трудной жизнью, столь обычной для людей его слоя; упрямо бѣгалъ по урокамъ, желая помочь матери и сестрѣ, и ясно понималъ, что образованіе для него — единственная почва, на которой можно встать твердо. Не замѣчая въ себѣ особенныхъ дарованій, одолевалъ препятствія упорнымъ трудомъ; средній человѣкъ, онъ не рассчитывалъ на многое, но привыкъ вѣрить въ свои силы и уважать себя.

Въ разнообразныхъ столкновеніяхъ съ жизнью, онъ развился до сознанія личной отвѣтственности за ея безобразія, и когда наступилъ бурный годъ возмущенія всѣхъ здоровыхъ силъ страны, онъ, въ ту пору студентъ второго курса, спокойно и дѣловито вошелъ въ крутой вихрь событій. Но, отличаясь радикализмомъ, терпимый, гибкій, какъ всѣ непосредственно познавшіе драматическую сложность человѣческихъ отношеній, онъ все-таки былъ увлеченъ событиями далеко палѣво и, потерпѣвъ за увлеченія меньше другихъ, вышелъ изъ неудачнаго боя сравнительно мало изувѣченнымъ духовно.

Ему удалось воспитать въ себѣ немножко юмористическое отношеніе къ жизни, къ людямъ, къ своимъ эмоціямъ, и хотя это нѣсколько раздвигало его, но очень помогало въ трудные дни. Онъ спокойно пережилъ гнилые годы развала соціальныхъ идей и чувствованій, сохранивъ свою вѣру въ правду, созданную исторіею человѣчества, въ ту правду, которую западно-европейскій міръ неустанно творитъ изъ крови и нервовъ безчисленныхъ поколѣній въ крѣпкія мысле-формы, на которыхъ строится храмъ всемірной, планетарной культуры.

Но теперь, въ этомъ деревянномъ городѣ, тихомъ, какъ густой лѣсъ, подъ низкимъ небомъ, онъ начиналъ чувствовать нѣчто непримиримо враждебное, его правдѣ, — другое міросозерцаніе, темное, запутанное и жуткое. Его мозгъ словно растворялся въ чемъ-то жирномъ и липкомъ, подобно клею, онъ чувствовалъ убыль энергіи и утѣшалъ себя:

— Это — результатъ временнаго преобладанія впечатлѣній

отрицательныхъ; раньше впечатлѣнія были обильныя, чередовались, а теперь они не богаты и одноцвѣтны. Очень ужъ скоро скучать начали вы, сударь! Будьте при себѣ!—Но шутки не утѣшали.

Вечерами Смагинъ сталъ уходить изъ дома въ гостилицу и тамъ игралъ на билліардѣ съ портнымъ Щукинымъ.

Въ трезвомъ состояніи портной смотрѣлъ на все и на самого себя—грустно, онъ все жаловался, вздыхая, шмыгая носомъ.

— Въ молодежи здѣсь интересъ только къ моднымъ вещичкамъ и, конечно, къ бабству; бабство съѣдаетъ людей, какъ мухъ, знаете,—разсказывалъ онъ, нацѣливаясь кіемъ въ шаръ, крѣпко зажмуривъ одинъ глазъ, широко раскрывая другой:

— Краснаго въ участокъ направо! Когда заговоришь о чемъ-нибудь сверхъ обычнаго—смѣются: штановъ, говорить, спать не умѣешь, а политикой занимаешься, рыло! Конечно, врутъ, я шью на всѣхъ именитостей здѣшнихъ, и они мною довольны, хотя все это люди безъ фигуръ. Животы очень одолѣваютъ ихъ,—замѣчательно жирный народъ противъ Петербурга.

Изгибая надъ билліардомъ свое тощее тѣло, далеко отставивъ длинную ногу, онъ долго ерзалъ кіемъ по пальцу, а послѣ невѣрнаго удара лизалъ палецъ языкомъ.

Смагинъ обыгрывалъ его, тогда портной, становясь еще болѣе грустнымъ, встряхивалъ пеньковой головою и продолжалъ свои жалобы.

— Не везетъ мнѣ! Молодость потеряна въ пустыхъ пространствахъ разсужденій, ума особеннаго не накопилось, а въ сердцѣ—ѣдучая скука. Что—такъ и что—не такъ? Глядишь на всѣ стороны между событій жизни, а гдѣ правильная колея? Не видно. Въ мысляхъ—одиночество, въ жизни—тоже. Въ Питерѣ одиночество не окружаетъ, тамъ вездѣ—свои люди; хотя и незнакомъ человѣкъ, но по взгляду видно—свой, тогда какъ здѣсь смотрять на тебя съ простымъ вопросомъ: въ какой мѣрѣ ты жуликъ?.. Жениться? Объ этомъ я думаю, но женщина здѣшняя пугаетъ объемомъ и отсутствіемъ души. И, сверхъ того, я не вѣрю въ прочность жизни, — вдругъ, придется бѣжать куда-нибудь? А,

можетъ быть, и не придется, но захочется, потому что я смотрю на мою жизнь, какъ на ссылку.

На темныхъ улицахъ, провожая Смагина, онъ говорилъ смѣлѣе.

— Въ Питерѣ я, все-таки, книжки читалъ, въ театры хаживалъ, былъ членомъ профессиональнаго союза и думалъ объ исполненіи завѣтныхъ желаній. Здѣсь — книжки не въ чести, да и некогда читать, бездѣлье мѣшаетъ! Тамъ — свобода слова въ трактирахъ, а здѣсь — пу-ко поговори! По матерному можно, а по правдѣ — нельзя! Очень странно, а допускается условіями жизни.

Посмѣиваясь, онъ сказалъ смущенно:

— Отъ всѣхъ столичныхъ привычекъ — одна осталась: полиціи побаиваюсь. И, какъ тогда, свернули вы въ полицейское, я даже обомлѣлъ, думаю: ловко познакомился!

Однажды онъ предложилъ Смагину, снявъ шапку, стоя съ непокрытой головой:

— Зайдите ко мнѣ чай пить, пожалуйста!

Онъ жилъ въ двухъ комнаткахъ маленькаго домика, спрятаннаго за палисадникомъ; въ первой помѣщалась мастерская, а рядомъ съ нею, за перегородкой, не доходившей до потолка, стояла кровать, столъ, два стула и старенькая фисгармонія.

— Играете? — спросилъ Смагинъ.

— Учусь; купилъ по случаю у татарина и учусь. Зимой, знаете, очень утѣшаетъ; на улицѣ — стонъ, вой, адово безобразіе, такъ я присяду и заглушаю...

Онъ досталъ изъ ящика стола двѣ книги въ черныхъ переплетахъ, хлопнулъ ими другъ о друга и сказалъ, мило улыбаясь:

— Вотъ, тоже для самозабвенія хорошо служить, — Донъ-Кихоть, читали? Замѣчательная вещь! Съ картинками. И засмѣялся, ласково поглаживая книгу, точно кошку.

— Мнѣ чудятся, что я самъ замѣтно похожъ на Донъ-Кихота, особенно — носомъ, а также — худобой, только бородки нѣтъ. Пробовалъ я и бородку завести, но она начала расти разсѣянно и все направо... Смѣяться стали, сбрилъ...

— И наклоняясь къ гостю, сидѣвшему у окна, онъ сказалъ серьезно:

— Не надо, вѣдь, позволять, чтобы они смѣялись надъ нами? Такъ?

— Такъ, — сказала Смагинъ, улыбнувшись и чувствуя, какъ быстро портной возбуждаетъ у него симпатію.

Маленькая, круглая старушка съ плутоватыми глазами внесла самоваръ, комната сразу наполнилась запахомъ углей, — Щукинъ поморщился и вопросительно сказалъ:

— Ильинишна, а вѣдь, опять съ угаромъ?

— А ты, батюшка, форточку открой, — посоветовала старушка и ушла.

— Слыхали? — спросилъ Щукинъ, иронически подмигнувъ вслѣдъ ей. — Вотъ, этакъ, они смотрятъ на все неудобства своей жизни: имъ, знаете, кажется, что, ежели существуетъ форточка, такъ ужъ надлежитъ пускать всякій чадъ...

Смагинъ засмѣялся, а портной, пріободренный его смѣхомъ, оживленно продолжалъ, заваривая чай и, кстати, обливая себѣ пальцы кипяткомъ.

— Домохозяйева у меня замѣчательно простые люди, льютъ помои по всему двору, въ палисадникъ, подъ деревья. Я говорю: запахи отъ этого, мухи, болѣзни! Но они возражаютъ: а солнышко на что? Хорошо понята должность солнца? То-есть, ежели бы опустить его пониже, такъ они на немъ грибы стануть жарить, какъ на сковородѣ.

Онъ печально покачалъ вихрастой сѣрой головой. Было въ немъ нѣчто безпомощное, смѣшная и милая неуклюжесть подростка. Его длинныя, тонкіе пальцы попадали не туда куда слѣдовало, торопливо и неловко хватая не то, что нужно. Наливъ гостю стаканъ чая, онъ отставилъ его въ сторону, а Смагину почтительно подаль сахарницу, не переставая говорить пѣвучимъ теноркомъ.

— Удивительно трудный народъ для всего и для самихъ себя! И, сверхъ того, — озорники! Конечно — озорства и въ Питерѣ сколько угодно, но — тамошнее другого сорта тамъ я чувствую корни раздраженія, тамъ чловѣкъ и безъ очковъ видитъ, какъ его замаяли, заторкали, тамъ онъ законоп негодуетъ, хотя бы и дикими приемами. Жизнь наглая и сразу видно: вотъ — я, вотъ — не я, и начинается отчаяніе по причинѣ множества обидъ. А здѣсь, живутъ безъ негодования, въ неподвижномъ равенствѣ глупости и безъ волнующихъ желаній. Т.-е. они, конечно, волнуются, но до

перваго куска, заткнулъ себѣ глотку и — молчить, набилъ кишки и — дремлетъ. А въ свободный свой часъ — озорничаетъ звѣрскимъ бытомъ, безъ всякаго резона...

Онъ забылъ завернуть кранъ самовара и едѣлалъ это послѣ того, какъ сплеснулъ кипяткомъ съ подноса на колѣни себѣ. Не смѣясь, онъ всталъ, оттянулъ брюки на колѣняхъ и, придерживая ихъ руками, сплетенными изъ синихъ жилъ и тонкихъ костей, согнувшись, продолжалъ:

— Обижаютъ меня эти поступки своею ненужностью и, знаете, поглядишь вокругъ, подумаешь, да вдругъ и поймешь со страхомъ: такъ вотъ, что значитъ чужая сторона, о которой въ пѣсняхъ поется!

Пищаль самоваръ, точно въ немъ мыши играли, вѣтеръ дергалъ ставни, толкался въ стѣну, гудѣло въ трубѣ. Смагинъ, молча, слушалъ трепетный голосъ портного и чувствовалъ, какъ истолодался этотъ человекъ, какъ жадно торопится онъ насытить свою потребность общенія съ подобными себѣ.

— Чужая сторона? — думалось Смагину. — Нѣтъ, это нелѣпость... Мимолетно, отрывочно онъ вспоминалъ другія комнаты столь же бѣдныя, неуютныя, но — полныя ясныхъ признаковъ болѣе широкаго интереса къ міру, къ жизни. На стѣнахъ тѣхъ комнатъ висѣли фотографіи извѣстныхъ людей, на полкахъ стояли книги. Тамъ кипѣли жаркіе споры о великихъ вопросахъ, о событіяхъ Европы; звучали въ памяти иные слова, тѣвныя рѣчи, и было ясно, что тамъ, въ маленькихъ клѣткахъ огромнаго города растетъ другая жизнь, ничѣмъ не связанная съ этой. Впечатлѣнія бытія тамъ обильнѣе, разнообразнѣе, уколы ихъ острѣе, и человекъ, раздражаемый ими, растетъ быстро. Жизнь бьетъ съ размаха желѣзнымъ молотомъ, слабыя исчезаютъ подъ ея ударами, сильные становятся крѣпче. А вотъ, здѣсь жизнь какъ будто устала смертельно, движется медленно и слѣпо, напоминая таяніе осенней безконечной ночи. Въ сумракѣ этой сырой, худосочной жизни рождаются, какъ плѣсень, странныя фантазіи Финогенова, Коптева, мысль вертится вокругъ будничныхъ пустяковъ, и есть въ ней что-то безкрылое, испуганное, тоскливо-озлобленное и противучеловѣчное.

Щукинъ, становясь все болѣе интереснымъ, словно умѣя съ каждой минутой, изливался, посмѣиваясь:

— А что они другъ съ другомъ дѣлають,—понять невозможно этихъ сенсацій. Напримѣръ, въ Успеневъ день мѣщанинъ Шиповъ гоняетъ своихъ голубей,—у него очень хорошая стая, и за нею всегда охотится Лукинъ, богачупецъ, тоже азартный голубятникъ. Увидаль онъ шиповскую охоту и сейчасъ же выпускаетъ свою, да, второпяхъ, и сломай помело. Дѣло охотничье, горячее; вотъ онъ сорвалъ съ себя штаны, и на грѣхъ вмѣстѣ съ подштаниками, стоитъ на крышѣ, гогочетъ, какъ въ банѣ, и, знаете, размахиваетъ. Праздникъ, время предвечернее, на улицѣ—женщины; нѣкоторымъ вовсе непріятно видѣть мужчину на высотѣ и во всѣхъ подробностяхъ, онѣ, конечно, визжать, какъ собачки, а сосѣдъ Лукина, акцизный надзиратель Старокумовъ, извѣстный своей ревностью къ женѣ, схватилъ двухстволку и давай палить въ купца изъ окошка. Пять разъ выстрѣлилъ, и хотя дробь не донесла, однако, купецъ испугался, сидитъ на крышѣ и оретъ — „убійство“! Толпа собралась, хохотъ, пальба...

— Это анекдотъ, — сказалъ Смагилъ, смѣясь. — Кажется, я его слышалъ или читалъ...

Портной обидѣлся, привскочилъ со стула и горячо возразилъ:

— Помилуйте, зачѣмъ же я анекдоты сказывать стану? Они—судятся. Спросите Финогонова,—онъ Лукину прошеніе писалъ, обвиняя акцизнаго въ покушеніи на убійство дробью среди бѣла дня, а Старокумовъ обвиняетъ Лукина въ нарушеніи всѣхъ приличій.

Смѣшно взмахнувъ руками, портной съ грустью продолжалъ:

— Легко сказать—анекдотъ! Если бы—среди прочаго, ну, допустимо назвать анекдотомъ, а когда ничего прочаго незамѣтно, и подобный случай возбуждаетъ интересъ всѣхъ жителей, то, ужъ, это, знаете, вовсе не анекдотъ, а—историческое событіе изъ дѣйствительной жизни. Вы все по своему мѣряете, а здѣсь дѣйствуетъ мѣстный сантиметръ.

Историческія событія потекли изъ устъ Щукина, какъ изъ водосточной трубы; онъ торопился, захлебывался словами и выкрикивалъ:

— А это анекдотъ: господинъ Маймачинскій пьяную кухарку свою раздѣлъ до нага и, выкрасивъ коричневою

краской, которой полы красягъ, выгналь со двора въ этомъ видѣ. Она жалобу на него, а онъ обвинилъ ее въ кражѣ, и кончено... Ее же подъ арестъ посадили.

Просидѣвъ далеко за полночь, Смагинъ сталь прощаться, но портной попросилъ его:

— Позвольте, я провожу васъ!

Была оттепель, черная ночь плотно окутала городъ сырмъ тяжелымъ трауромъ. Рѣдкіе фонари, сгущая тьму, казались толстыми гвоздями, и это они крѣпко пришили ее къ землѣ. Гвозди — толстыя, а золотые шляпки — уродливо малы, тьма обсасываетъ ихъ, и они становятся все меньше.

Щукинъ тоже, напоминая фонарь, засасываемый тьмою, мьялъ длинными ногами темный, мягкій снѣгъ и бормоталъ задумчиво:

— Если бы мнѣ задали географическій вопросъ, что такое городъ Мямлинъ? — такъ я бы не стѣсняясь отвѣтилъ: Мямлинъ это мѣстность, населенная чрезвычайно одинокими и весьма одичавшими людьми, изъ которыхъ каждый занимается не своимъ дѣломъ! Честное слово! Господинъ Маймачинскій — паяцъ, а всю жизнь служилъ прокуроромъ, городской голова Богомолловъ — купецъ, а характеръ у него монашій, и ему бы архиреемъ быть. И все въ этакомъ родѣ, знаете.

Помолчавъ, онъ добавилъ тихонько:

— А вотъ я музыку обожаю, а между тѣмъ — портной! Однако до-свиданія. Душерно спасибо за визитъ...

Смагинъ сталь радушно приглашать его къ себѣ:

— Заходите, а? Хоть завтра!

Но Щукинъ, почмокавъ губами, вздохнулъ и сказалъ смущенно:

— Нѣтъ, ужъ лучше вы ко мнѣ пожалуйста. Я, знаете, вѣсколько побаиваюсь вашего хозяина, не люблю его мѣдную морду... Это такая ехидна...

Длинный, желтолицый, онъ стоялъ передъ Смагинымъ, покачиваясь, и снова напомнилъ ему фонарь, который засасываетъ холодная, липкая тьма. Смагину было сердечно жалко портного; неудовлетворенный, тоскующій этотъ человекъ былъ понятенъ ему, онъ свѣтился трепетнымъ и неяснымъ, но знакомымъ свѣтомъ.

— Нравитесь вы мнѣ очень! — сердечно сказалъ онъ Щукину, а тотъ отвѣтилъ такъ же просто и сердечно:

— И вы мнѣ тоже. И, знаете, какъ замѣтилъ васъ тогда передъ домою Маймачинскаго, вижу — стоитъ человекъ, смотритъ и не вѣрять. Ахъ, думаю, бѣдный... И вѣдь очень знаю, какъ трудно интеллигентному человеку въ здѣшней необыкновенной жизни...

Это неожиданное сожалѣніе разсмѣшило Смагина, онъ такъ и пришелъ домой, съ улыбкой въ сердцѣ.

Какъ всегда, ворота отперла Таисья, въ полушубкѣ, накинутаго на рубаху, въ тяжелыхъ валяныхъ галошахъ, обшитыхъ кожей.

— Извините, беспокою я васъ, — тихо сказалъ онъ, заглянувъ въ лицо ея, измятое сномъ, — она отозвалась такъ же тихо:

— Ничего.

И, задвинувъ засовъ воротъ, пошла рядомъ съ нимъ, вздыхая.

— Вамъ бы прислугу завести, — посоветовалъ Смагинъ, останавливаясь у лѣстницы, протянувъ ей руку. Она запахнула полушубокъ на груди, должно быть не замѣчая его руки, и отвѣтила равнодушно:

— Не хочеть мой-то! Ты, говорить, вонъ какая, сама справишься...

— Покойной ночи.

— Спасибо, — не сразу отвѣтила женщина.

Раздѣвшись, Смагинъ легъ на постель, тишина тотчасъ окутала его толстымъ слоемъ. Чувствуя себя на днѣ темнаго озера, подъ тяжелымъ давленіемъ теплыхъ водъ, онъ полежалъ съ полчаса, вскочилъ и зажегъ огонь. Тьма, дрогнувъ, бросилась въ углы, сгустилась тамъ клячами грязной ваты.

Ему вспоминалась недавняя бесѣда съ инженеромъ Зейдель. Маленькій, сухой, черный человекъ, въ рыжей курткѣ шведской кожи, сидѣлъ на диванѣ, подогнувъ тонкія ноги калачикомъ; жегъ одну за другой дорогія папирсы и задумчиво, разбитымъ голосомъ говорилъ такъ же многословно, такой же голодный, какъ Щукинъ.

— Старая русская литература совершенно правильно разсматривала личность, какъ необходимѣйшую жертву, обреченную всей русской исторіей для закланія на алтарѣ общественности. Что хотите возражайте, но именно здѣсь правда всей философіи русской исторіи, здѣсь! Эта милая,

но глубоко несчастная, паськвозь анархическая страна требует самозабвенной работы многих поколѣній. Работа должна быть непрерывна, ибо мы живемъ на зыбкой почвѣ, способной засосать Хеопсову пирамиду, чуть только наши руки опустятся, вследствие усталости или по причинѣ ошибочнаго представленія, что интеллигенція страны сдѣлала все, что могла и должна была сдѣлать. Судорожная жизнь интеллигенціи является сплошнымъ лученепусканіемъ разумной энергіи въ пустоту, благодаря этимъ постояннымъ колебаніямъ отъ общественности къ анархизму и соціальному нигилизму.

Онъ покачивался, окружая себя сладко пахучимъ дымомъ египетскаго табака, лысоватый, горбоносый, съ темными, какъ вишни, глазами. Слѣдя за спиралями и кольцами дыма, точно желая скрыть за его пепельной завѣсой свое нервное лицо и тревогу взгляда, онъ поглаживалъ пальцами ребенка черные усы, острую бородку и разсуждалъ какъ бы самъ съ собою:

— Работа, упорная работа сознательнаго воспріятія принциповъ и формъ западно-европейской культуры, — вотъ наша задача, вотъ въ чемъ наше спасеніе! Это не ново, конечно, но это забывается. Если мы хотимъ жить, намъ пора перестать внутренне качаться между Азіей и Европой. Тѣмъ болѣе пора отказаться отъ этого вреднѣйшаго занятія, что за послѣдніе годы маятникъ нашихъ желаній заскакиваетъ все глубже на Востокъ, все менѣе на Западъ.

Онъ завозился на диванѣ, разгоняя дымъ, и нервно воскликнулъ:

— Какъ это старо, и какъ страшно, что вотъ приходится снова повторять очевидное, необходимое! Удивительный народъ вы, русскіе! Никто другой не возбуждаетъ такой любви, такого интереса къ себѣ, какъ русскій, и нѣтъ народа, съ которымъ жилось бы такъ трудно, такъ бесполезно! Ахъ пускай трудно, — трудное интересно, но бесполезно, бесполезно жить среди васъ, вотъ драма!

Соскочивъ съ дивана, Зейдель быстро зашагалъ по комнатѣ, рассказывая съ усмѣшкой:

— Тутъ живетъ одинъ самодуръ, нѣкто Маймачинскій, подагрикъ и, въ сущности, скотъ. Доказываю я ему, что его участокъ лѣса — превосходный лѣсъ, будетъ года черезъ

два заболочень, если онъ теперь же не разрѣшить мнѣ работать на его землѣ, смежной съ участкомъ, который я осушаю. Нѣтъ, говорить, работать не разрѣшу, а за то, что предупредили о пакости, ожидающей меня, спасибо! Вызову, говорить, весною гидротехника, установлю, что ваши работы грозятъ гибелью моему имуществу, а когда ко мнѣ въ лѣсъ пойдутъ воды, предъявлю къ вашему вѣдомству искъ объ убыткахъ. Убѣждаю, что, пока онъ будетъ судиться, его лѣсъ замокнетъ,—таковы стануть условія мѣстности, измѣненной нашими работами, указываю, что водо-непроницаемый слой имѣеть наклонъ къ его границѣ,—хохочеть! Я, говорить, юристъ, я свое право умѣю доказать и въ силахъ защитить. Его правамъ угрожаетъ не казна, а природа, которая не считается даже съ юристами! И какой онъ юристъ? Онъ анархистъ!

Смагинъ всталъ съ постели, подошелъ къ окну; стекла были замазаны матовой сѣрой мутью, сквозь ея сырую ткань чуть видѣлись бѣловатыя пятна снѣга на крышахъ. Онъ отвернулся и въ маленькомъ свѣтломъ кругѣ зеркала увидалъ свои озабоченно прищуренные сѣрые, ясные глаза.

— Лицо обыкновенное,—пробормоталъ онъ, пощипывая русую бородку и усы, прикрывавшіе мягкія губы небольшого рта.

— Лицо, едва ли пригодное для необыкновенной жизни.— пошутилъ онъ, но тотчасъ съ досадой сказалъ себѣ:

— Не паясничай, дружище; ложись и спи!

Легъ, погасилъ огонь, но не спалось. Раздражала эта чугунная тишина, гостепріимно, какъ смерть, поглотившая всѣ звуки, всѣ намеки на жизнь.

— Ну, что жъ тутъ особеннаго?—недовольно соображаетъ Смагинъ,—это очень обычно...

Ѣхалъ по грязной улицѣ мужикъ съ возомъ сѣна, лошадь упала и ожеребилась. Молча онъ распрягаетъ большое животное и, не замѣчая, топчетъ свою шанку въ грязь, въ кровь. Закативъ глаза, лошадь тяжело, трепетно дышетъ, всхрапываетъ, слезы текутъ изъ ея добрыхъ глазъ, въ бокъ ей упирается сломанная оглобля и, кажется, сейчасъ порветъ кожу. Подъ передними колесами телѣги дрыгаетъ погами скользкій жеребенокъ, бьется головою о шину колеса,

суесть морду въ грязь и удивленно мигаетъ узкимъ полу-
скрытымъ глазомъ. Десятка два мужчинъ, женщинъ и ребяти-
шекъ смотрять на эту возню и обстоятельно ругаютъ мужика:

— Обломъ, не видѣль чего запрягалъ? Подлецъ. Дикой
чертъ... вотъ, дать по шеѣ...

Никто не хочетъ помочь мужику и только, когда Сма-
гиль, поднявъ изъ грязи шапку, сунулъ ее въ сѣно, какая-
то старушка, подоткнувъ юбку и перекрестясь, наклонилась
къ жеребенку.

Это неприятно вспоминать, но помимо воли Смагина,
картины уѣздной жизни плывутъ и плывутъ, точно радуж-
ныя пятна по темной водѣ рѣки. Старенькій, благообраз-
ный точильщикъ точить ножи, а по другую сторону точила
стоитъ рыжій мѣщанинъ въ тужуркѣ студента, въ касторо-
вой широкой шляпѣ, похожій на шарманщика, стоитъ и
озабоченно стачиваетъ на сѣромъ камнѣ свои черные звѣ-
ринные ногти.

— Гляди, сорвешь ноготь, — предупредилъ его точиль-
щикъ, но мѣщанинъ ехидно освѣдомился:

— Что тебѣ — камня жалко?

И тотчасъ вскрикнувъ, грязно выругавшись, суесть на-
лецъ въ рыжій свой ротъ, обсасываетъ его, сплевываетъ
кровь и кричить:

— Это ты на смѣхъ мнѣ сдѣлалъ!

— Господь съ тобой...

— Врешь, это ты нарочно...

Онъ бьетъ старика лѣвой рукой по лицу, тотъ, покач-
нувшись, садится на землю, а мѣщанинъ, посасывая палецъ,
поплеывая, идетъ прямо на Смагина и, глядя въ лицо ему,
ругается:

— Паршивый чортъ...

Идя на работу, Смагиль почти ежедневно встрѣчаетъ
дѣвочку лѣтъ десяти, неприятно похожую на насѣкомое.

— Подайте милостыньку Христа ради, — равнодушно и
тихо поетъ она. Вся она какая то безцвѣтная, безкровная,
вялая, но на ея худенькомъ личиѣ горять не дѣтскіе ягу-
чіе глаза; мучительно понятно, что въ этомъ маленькомъ
тѣлѣ, неудержимо разрастается звѣриная злоба на всѣхъ
людей, и злобу эту некому погасить.

Юлочья жизни плывутъ одинъ за другимъ, сливаются въ

одноцвѣтную тучу; изъ нея сочится, какъ осенняя паморха, убійственный выводъ: въ людяхъ не только не развито сознание общности своихъ социальныхъ интересовъ, но даже чувство зоологическаго родства. — неясно для нихъ. Всѣ враждебны другъ другу, но это не живая вражда противорѣчій сословныхъ, — вражда на почвѣ роста запросовъ тѣла и духа, въ широту, — это какое-то мертвое, тупое недовѣріе человѣка къ человѣку, пугливая подозрительность людей боязливыхъ, нищихъ духомъ, людей, которымъ всего дороже покой.

Смагинъ возмущенно завожился въ постели, закинувъ руки на голову, — его угнетало и раздражало то, что этотъ темный выводъ слѣгаεται помимо его воли, какъ-то механически, самъ собою.

И стараясь одолѣть это навожденіе, привести себя въ порядокъ, онъ снова напомнилъ себѣ рѣчи Зейделя, — мечтательно улыбаясь умными глазами, инженеръ влюбленно поетъ.

— Изумительна интенсивная талантливость русскаго человѣка! Какая чудесная способность побѣждать безъ оружія! Народъ, идейно первѣжественный, теоретически безграмотный, онъ дѣйствуетъ исключительно догадкой, этой таинственной смекалкой своей.

— Но сколько онъ тратитъ лишней энергіи, лишняго времени, — замѣтилъ Смагинъ.

— Это другой вопросъ. А, Боже мой, еслибъ этотъ народъ былъ вооруженъ культурнымъ опытомъ Европы, онъ, съ его природными данными, въ сотню лѣтъ совершилъ бы чудеса!

Смагину хотѣлось что-то возразить, но сдержался, — неловко и пелѣпо говорить съ евреемъ, когда онъ искренно поетъ свою любовь людямъ страны, гдѣ ему живется наиболѣе трудно, гдѣ его ставятъ такъ унижительно тѣ, которыхъ онъ любитъ.

Подъ утро, когда ночь за окномъ стала пелельно-мутной, Смагинъ заснулъ и увидѣлъ кошмарный сонъ: въ полутемной комнатѣ, со сводчатымъ потолкомъ, къ нему подошелъ Коптевъ, одѣтый монахомъ въ бархатной скуфѣ съ большимъ гребнемъ въ рукѣ, подошелъ вплотъ и сказалъ:

— Ну-ка-сь, я тебя причешу!

Смагинь покорно усѣлся на лавку, покрытую ковромъ, а Кошпеевъ снялъ съ его плечъ голову, положилъ ее въ колыбели себѣ и, разглядывая, какъ арбузь, сердито забормоталъ.

— Погоди-ка, погоди, да это моя голова.

Сшибъ ударомъ руки свою голову вмѣстѣ со скуфьей и насадилъ на шею себѣ голову Смагина тѣмъ движеніемъ рукъ, какимъ протоіерей надѣваетъ камилавку.

— Видишь? моя!

Безъ головы тѣло Смагина сдѣлалось легкимъ, какъ пустое, онъ крѣпко ухватился за скамью, чтобъ не улетѣть, но все-таки не удержался и подскочилъ вверхъ, тупо ударившись плечами о потолокъ. Явился пьяный Щукинъ и, отрывая пуговицы отъ своего пальто, сталъ разбрасывать ихъ во все стороны, дико напѣвая:

— Сѣйте разумное, доброе, вѣчное...

Потомъ Смагинь лежалъ въ саду, на сырой травѣ, надъ нимъ къ стволу дерева прилѣпился черный, желтоголовой дятель и, глядя внизъ веселымъ рыжимъ глазомъ, спрашивалъ:

— Изволили усвоить?

Ходила по саду Таисья и, улыбаясь, рассказывала шопотомъ:

— Ужь, и чайникъ вскипѣлъ, даже крышечка хлопаетъ, а я гляжу, и рукой двинуть не могу... Пора вставать, пора!

Смагинь открылъ глаза,—передъ нимъ стоялъ хозяинъ, озабоченно говоря:

Пришелъ взглянуть—здоровы-ли вы? Полдень, а у васъ тихо. Можетъ, угорѣлъ, думаю? Вы что же не запираете дверь-то на ночь?

— Зачѣмъ?—спросилъ Смагинь, приходя въ себя.

— Да такъ... Запершись, спокойнѣе спитесь.

Онъ пошелъ изъ комнаты и на порогѣ, щупая желѣзный крюкъ, сказалъ:

— Запоръ порядочный...

Смагинь сталъ одѣваться, чувствуя себя больнымъ, раздавленнымъ кошмаромъ.

Черезъ нѣсколько дней, идя на работу, Смагинъ встрѣтилъ дѣвочку-нищую; она, молча, протянула ему красную рученку и, получивъ монету, сказала простуженнымъ голосомъ сердито и громко:

— Мать велѣла привести тебя.

— Куда?— удивленно спросилъ онъ.

— Къ ней.

— Онъ посмотрѣлъ на голодное лицо ея, на растоптанные башмаки.

— Кто твоя мать?

— Баба здѣшняя.

— А что она дѣлаетъ?

— Хворааетъ, — угрюмо отвѣтила дѣвочка, переступивъ съ ноги на ногу, потомъ добавила:

— Запилась винищемъ.

— Эхъ, ты, птица, — грустно сказала Смагинъ; положивъ ей руку на плечо, но она тотчасъ вывернулась изъ подъ его руки, грубо спросивъ:

— Идешь, что-ли?

— Далекъ живете?

— За угломъ.

— Идемъ. Ты что такая сердитая?

— Дѣвочка на ходу взглянула въ глаза его и тоже спросила:

— Ты не здѣшній?

— Нѣтъ, а что?

Она пошла быстро. Вошли во дворъ старенькаго дома, покачивавшагося на лѣвый бокъ, потомъ Смагинъ очутился въ темной конурѣ, отдѣленной отъ кухни угломъ печки и двумя ящичками, которые замѣняли шкафъ. Подъ окномъ, на полу, сидѣла, прислонясь спиною къ стѣнѣ, тощая, печеная женщина въ лохмотьяхъ, съ босыми ногами; держа руку на колѣняхъ, она спросила подорваннымъ голосомъ:

— Привела?

Желая встать, она тяжело перевалилась на бокъ, упираясь руками въ полъ, встала на колѣни, безнадежно говоря:

— Господинъ, вѣрно, что вы у Коптева живете? Скажите вы ему, Христа ради, — племянница я его, а дочь моя — внучкой приходится ему, — такъ скажите, помираю! Ослабла,

едва вижу. Вы добрый господинъ, всегда подаете доченькѣ, я и велѣла ей узнать, что таковъ? Что ужъ казнить меня? Дочь-то не виновата. А онъ, бездѣтный, можетъ, возьметъ ее...

Говорила она натужно, съ глубокимъ равнодушіемъ и, видимо, не придавала значенія своимъ словамъ, не думала, что человекъ повѣритъ ей. Отъ нея пахло гнилью, водкой и хрѣномъ. Вокругъ ея, въ этой темной узкой щели, было какъ-то особенно, побѣдно и торжественно грязно, а среди грязи угловатой кучей возвышалась сама она, глядя въ ноги Смагину тусклыми глазами. Онъ, отвернувшись, смотрѣлъ, какъ дѣвочка, снявъ башмаки, растираетъ руками ступни ногъ и дергаетъ пальцы, точно отвинчивая ихъ.

— Я скажу, — обѣщала онъ, протягивая женщинѣ деньги. — Она не видѣла его руки, глаза ея оставались неподвижны.

— Деньги даешь, принимай, — сказала дѣвочка негромко.

— Спаси васъ Христось!

Принявъ милостыню дрожащей рукой, женщина стала ощупывать монеты пальцами, какъ это дѣлаютъ слѣпые.

— Рая, натри хрѣну, — попросила она.

— Зачѣмъ вамъ хрѣнъ? — спросилъ Смагинъ.

— Глаза лѣчу, примочку дѣлаю, — объяснила женщина равнодушно, а дѣвочка, постукивая пятками о полъ и морщась, сказала ей тоже равнодушно:

— Нѣтъ хрѣну...

Смагинъ ушелъ; онъ обѣ ни слова больше не сказали ему. Онъ много видѣлъ нищеты и былъ не очень жалостливъ, но на этотъ разъ впервые испыталъ отвращеніе къ нищетѣ и тоскливый, тупой гнѣвъ при видѣ торжества ея.

Вечеромъ онъ рассказалъ Коптеву о его племянницѣ и внучкѣ, стараясь говорить убѣдительно и спокойно; хозяинъ выслушалъ его молча, тихонько барабани пальцами по столу, Таисья слушала съ испугомъ въ глазахъ и осторожно вздыхала: вздохнетъ и тотчасъ же искоса взглянетъ на мужа, а онъ, внимательно слѣдя за движеніемъ своихъ пальцевъ, сидѣлъ непроницаемо спокойный.

— Помираетъ? — сказалъ онъ, когда Смагинъ кончилъ рассказъ. Ну, что-жъ! Обыкновенно въ такихъ разѣхъ говорится: собакъ — собачья смерть! Я этакъ не скажу. Не намъ судить. Пускай помираетъ...

Подумаль, поигралъ бровями и снова заговорилъ гладко и какъ бы нарочито вычурно:

— Уваженіемъ вашимъ дорожа, сударь Павелъ Николаевичъ, нужно мнѣ рассказать эту исторію подробно,— не желаю я, чтобы человекъ молодой и образованный, которому долго жить, судилъ обо мнѣ неправильно...

Онъ крикнулъ, покашляя легонько и сказавъ женѣ, кивкомъ головы указывая на дверь:

— Выдь!

— Строго держите вы супругу вашу,— замѣтилъ Смагинъ, когда Таисья скрылась въ кухню, а Коптевъ пошевелилъ бровями и продолжалъ, одергиваясь, сжимая свое сухонькое, жилистое тѣло:

— Къ тому же, будучи старше васъ, вижу я, что крепкую жизнь вы не знаете, главные упоры ея неизвѣстны вамъ; вы все отъ книжекъ судите, а мы—живемъ по той мудрой старинѣ, на которой вся жизнь крѣпкіе вѣка стойма стоитъ. Не спорю,—въ нѣкоторое отдаленное время, можетъ, и ваши мысли стареньки будутъ для новыхъ порядковъ жизни, но покамѣстъ, до насъ эти новыя порядки не дошли еще, такъ мы ужъ поживемъ по-своему.

Хозяинъ говорилъ не торопясь и все понижая голосъ. Это вызвало у Смагина особенно вниманіе, и ему казалось, что только сейчасъ онъ понялъ, какъ складно и кругло можетъ говорить Коптевъ, какъ ловко и умѣло онъ владѣеть голосомъ.

— Конечно, можно сломать домъ и раньше срока, не давши ему дослужить свой вѣкъ, но это оправдается лишь тогда, когда есть на что новое жилище построить, а вѣдь для построения то новаго жилища вашъ братъ, новичекъ жизни, средствъ не показалъ...

— На это времени не дали,— замѣтилъ Смагинъ.

Коптевъ тихо и осторожно засмѣялся:

— Хе-хе! Какъ же это можно позволить — ломай, не зная, что и на какія средства строить будемъ. Во всякомъ дѣлѣ—расчетъ хозяинъ. Вѣдь, вотъ, правда, у всѣхъ на глазахъ: Думу придумали, а дѣловъ никакихъ Думой не надумано...

Усмѣхнувшись, онъ прислушался къ чему-то и, поднявъ голосъ повыше, началъ сразу, строго:

— А исторія Татьяна такова будетъ. Братъ мой Савелій, отецъ ея, отъ временъ молодыхъ ногтей, какъ говорится, явилъ себя никудышникомъ, этакій мечтатель о жизни и все спрашиваетъ: какъ, да что, да зачѣмъ? Отъ этого качества и всѣ другія: лѣнивъ сталъ, выпивать началъ, въ орлянку поигрывалъ, въ картишки. Отецъ у насъ скончался рано, я — старшой. До солдатства Савель дожилъ съ грѣхомъ пополамъ, а изъ полка пришелъ, хуже прежняго. Покажѣсть онъ тамъ дѣйствовалъ лѣвой, правой, я работалъ. Воротился онъ — давай дѣлиться и притязаетъ на половину. Судились; правда, конечно, сказала на моей сторонѣ, а онъ, получивъ присужденное, тотчасъ женился и началъ такое праздничное житье: все у него пиры да пирушки. А на третій годъ, будучи пьянъ, купался въ нашей омутной Ватаракшѣ и потонулъ, оставивъ женку нищей съ этой вотъ самой Танькой.

Коптевъ снова прислушался, тихонько всталъ, подошелъ на цыпочкахъ къ двери въ кухню, внезапно растворивъ ее, сердито крикнулъ:

— Ты чего безъ дѣла сидишь? чего слушаешь?

Воротаясь къ столу, онъ объявилъ:

— Бабы, по добротѣ своей, — онъ очень подчеркнул „по добротѣ“, — плохо понимаютъ эти дѣла.

Смагнѣвъ посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ и вдругъ подумалъ:

— Дразнить что-ли онъ меня, обращаясь съ женою все грубѣе? Зачѣмъ бы дразнить? А похоже, дразнить...

— Н-ну-съ, вскорѣ за нимъ послѣдовала на кладбище и супружница его; бита была, конечно, да и вообще не крѣпка. Осталась послѣ нее Татьяна по четвертому году, а, конечно, взявъ ее себѣ и висѣла она на шеѣ у меня тридцать лѣтъ. Здоровьемъ вышла въ мать, характеромъ въ отца: подумалъ я и пустилъ ее по грамотной части, авось учительшей церковно-приходской будетъ, соображаю. Тихая она была, миловидная, богомольна, училась хорошо, и худого за нею до времени не замѣчалось. Вдругъ зайцемъ подъ ноги является къ намъ псаломщикъ Ишка Тихорѣцкій, женатый человѣчекъ; гитаристъ, косоглазый этакій, голъ отчаянная и весельчакъ. Читатель, книжки ей даетъ, а грамота, какъ болѣзнь, дѣлаетъ людей интересными другъ

другу; чахоточные тоже допрашивают один другого: как живете да что чувствуете?

Лицо Коптева играло, становясь то насмѣшливымъ, то парочито скучнымъ, а голосъ все время звучалъ ровно, какъ механическая пила, лишь изрѣдка и коротенько взвизгивая на сучкахъ. Онъ мелькомъ поглядывалъ на Смагина, вздрагивали рѣсницы, сверкали золотыя искры въ глазахъ; Смагинъ, слушая, какъ журчить въ тишинѣ ручей словъ, думалъ: какъ странно не похожа та женщина, которую онъ видѣлъ, на ту, о которой говоритъ Коптевъ.

А тотъ продолжалъ еще тише, весь какъ то нахмуясь, заершившись:

— Конечно, вопросъ плотскій, дѣло запутанное, невыполнѣ ясное. По Божьему—плоть, до самой смерти своей, темница духа, а по дьяволу—отъ нея первыя пріятности жизни. И опять же надо бы ей со смертию окончательно разрушиться, исчезнуть, яко дымъ отъ лица огня, но доказывается многими, что она можетъ воскреснуть. Вникнуть въ это трудно. Здѣсь тайна Божья, для испытанія сильныхъ духомъ, какъ читаемъ въ житіяхъ святыхъ отцовъ; мы—люди, не разсуждающіе объ этомъ. Вотъ, Яшки разные суесловятъ, ну, зато и обречены поганой жизни; мы же знаемъ, что для одолѣнія плоти установлены посты, молитва, а противъ собачьихъ порядковъ—церковный бракъ—нерушимая стѣна. Даже изъ вашихъ нѣкоторые, какъ графъ Толстой, возставали противъ женскаго, но это, просто, продерзость вольномысленнаго барина, я полагаю. Ежели архіерен не женаты, въ міру живутъ, такъ, не всѣмъ же въ архіерен итти. Конечно,—на все долженъ быть законъ, ко всему нужна печать. И когда Финногеновъ говоритъ свое, онъ говоритъ правильно. Нельзя хорошую борзую съ дворяншкой случать, иначе—явятся щенки, которыхъ и понять нельзя, а порода—пропадетъ! Вотъ, по такому смѣшенію родятся дѣти безъ всякой скрѣпы съ закономъ родителей. Вы попросите-ка Финногенова объяснить вамъ, что значить слово — аристократъ...

Коптевъ вдругъ багрово налился кровью до того, что даже уши напружились и вздулась шея, точно въ немъ лопнуло что-то. Онъ жадно выпилъ стаканъ кваса и продолжалъ глухо, путаясь въ словахъ, безсильный сдержатъ волненіе.

— Связалась она съ Яшкой, а здѣсь все видно, какъ подь стекломъ люди живутъ. И ее допрашивалъ,—она мнѣ преть. И ее въ чуланъ, подь замокъ, а она ухитрилась убѣжать,—была у меня старушка глухая прислугой да работникъ,—не досмотрѣли! И вдругъ слухъ идетъ по городу, будто я, Степанъ Коптевъ...

Онъ гулко ударилъ себя въ грудь и взвизгнулъ:

— Я дѣвство ея нарушилъ, да и послѣ грѣха ея съ Яшкой пользовался ею и, будто, когда она спать ложилась, такъ я осматривалъ ее подробно, вродѣ бабки-повитухи! По городу—смѣхъ, вой собачій, на улицу выйти нельзя, хоть топись! Н-ну, этакое не прощается...

Онъ захлебнулся и, внезапно постарѣвъ, сморщившись, горопливо забормоталъ:

— Не прощается, нѣтъ! Научили ее подать на меня жалобу за истязаніе—какое истязаніе? За косу потрясъ, на улицу выгналъ...

Онъ вспотѣлъ, у него тряслась борода, щелкали зубы,—онъ раскачивался, потирая колѣни свои, и точно собираясь перепрыгнуть черезъ столъ.

— Тутъ, слава Богу, подоспѣлъ пятый годъ, вскипѣло все, и на большомъ то огнѣ высохла грязная лужа вокругъ меня. Вотъ какъ!—закончилъ онъ, вставая на ноги и стряхиваясь. Прощель по комнатѣ до порога и оттуда повторилъ, грозя Смагину пальцемъ:

— Этакое не прощаютъ! Умираетъ? Готовъ похоронить на свой счетъ, а на землѣ задерживать не буду-сь. Такое мое право.

И разсѣкъ воздухъ. Смагинъ былъ подавленъ. Онъ не думалъ о томъ, сколько своей правды и лжи вложено хозинпомъ въ этотъ разсказъ, чья бы не была эта правда, она давила горло грязной цѣпкой рукою. Какъ будто Коптевъ показалъ ему огромное поле, заросшее сорными травами, которое трудно и некому перепахать.

— Тяжелая исторія,—пробормоталъ онъ. Больше сказать нечего было да и бесполезно.—Коптева трясла злая лихорадка.

— Да,—а, неестественно запѣлъ онъ, прислонясь къ печкѣ.—Изъ всѣхъ щелей клопомъ ползетъ это самое,—какъ оно называется у васъ? Нѣтъ крѣпости въ жизни, разрушаются люди.

Смагинъ, молча, всталъ и ушелъ на чердакъ, чувствуя себя угорѣвшимъ... Онъ обросталъ впечатлѣніями, точно лишаями, они его раздражали, вызывая безпокойный зудъ въ сердцѣ, нервную тревогу. Жизнь открывала передъ нимъ все новыя страницы, и каждая изъ нихъ была густо испещрена траурными знаками стараго.

Какъ всѣ люди его чувствъ и мыслей, онъ считалъ это старое безсильнымъ, оно казалось ему легко устранимымъ; сложатся новыя формы жизни, и все, злое, гнилое, ядовитое, будетъ подавлено, уничтожено. Но теперь онъ спрашивалъ себя, думая обо всемъ, что видѣлъ:

— На чемъ здѣсь укрѣпятся эти новыя формы, гдѣ тотъ крѣпкій, духовный стержень, который, какъ магнитъ, притягивалъ бы къ себѣ человѣчно, здоровое, красивое?

И ему казалось, что старое разлагается только сверху, а корни его глубоко въ почвѣ и неустанно даютъ все новыя ростки. Эти ростки вьются быстро только тамъ, гдѣ жизнь идетъ ускоренно, гдѣ трепя ея противорѣчій бурны, но даже и тамъ они, разлагаясь, образуютъ слои какихъ-то азіатскихъ чувствъ и мнѣній. До времени этотъ слой незамѣтенъ, мертвъ, но каждый разъ, когда движеніе жизни замедляется, жирная почва стараго, неискореннаго даетъ обильный урожай трусливыхъ мыслей, робкихъ чувствъ, депотической восточной жестокости. Смагинъ начиналъ думать, что именно силою этихъ неизбѣжныхъ чувствъ и мнѣній можно объяснить всѣ тяжкія драмы послѣднихъ лѣтъ: повальное ренегатство и взрывъ дикой жестокости, безумное увлеченіе вопросами пола, принявшее характеръ грязнаго распутства; эпидемію самоубійствъ и всеобщій механическій поворотъ назадъ отъ движенія къ покою. Онъ вспоминалъ, какъ фокуснически быстро измѣнялись его товарищи и люди, которымъ онъ вѣрилъ; какъ проповѣдники дѣйствннаго отношенія къ жизни превращались въ равнодушныхъ скептиковъ, а пламенный интересъ къ вопросамъ общественнымъ смѣнялся торжествомъ социальнаго нигилизма, восточнымъ равнодушіемъ къ великому дѣлу жизни.

Но тамъ, въ крупныхъ центрахъ, гдѣ жизнь сама въ себѣ имѣетъ силу къ безконечному росту, гдѣ работаютъ стальные жернова капитала, гдѣ всегда кружатся вихремъ желанія лучшаго, — тамъ явленія востоя не могутъ быть длительны, не такъ опасны.

А вотъ, въ такихъ извѣчно застойныхъ мѣстахъ, сотнями облѣпившихъ землю, окруженныхъ чугуиною стѣною боязни настоящаго, насыщенныхъ недоувѣремъ къ будущему, въ городахъ, забытыхъ жизнью, гдѣ люди живутъ безъ вѣры въ себя, въ такихъ гнилыхъ мѣстахъ сопротивленіе жизни надолго необоримо.

— Мы своихъ городовъ пагородимъ, — вспоминалъ онъ хвастливыя слова хозяина и думалъ, что люди, подобные Коптеву, упрямые пзувѣры, подобные протопону Аввакуму, долго будутъ сопротивляться вѣяніямъ новаго, и есть у нихъ, чѣмъ сопротивляться: они терпѣливы, точно камни.

Въ началѣ марта Коптевъ схоронилъ племянницу. Это случилось въ день бурный; по улицамъ свистѣлъ вѣтеръ, летѣли бѣлыя облака тяжелыхъ хлопьевъ снѣга. Коптевъ, подвязавъ уши платкомъ, шелъ за розвальнями, въ которыхъ стоялъ гробъ, окрашенный охрой, трясъ головою, сбивалъ шапкой эполеты снѣга съ плечъ и говорилъ Смагину:

— Вѣдеть это мнѣ не меньше, какъ въ двѣ красныхъ бумажки, но я не жалѣю!

Смагинъ провожалъ гробъ изъ желанія видѣть, какъ станетъ вести себя Коптевъ и дѣвочка; она сидѣла на розвальняхъ, въ погахъ гроба, окутанная лохмотьями матери и залѣпленная снѣгомъ. Рядомъ шагала огромный чернобородый извозчикъ, а Смагинъ съ хозяиномъ или сзади розвалень въ бѣлой, беззвучно кипѣвшей кашницѣ.

До могилы гробъ несли извозчикъ и двое сторожей. Смагинъ велъ за руку дѣвочку и ворчалъ:

— Зачѣмъ вы ее взяли?

— Какъ же иначе? — удивлялся Коптевъ. — Мать померла, а не кошка.

Могила оказалась почти до половины засыпанной снѣгомъ. Коптевъ заглянулъ въ нее, поморщился и сказалъ:

— Надо бы снѣгъ-то выбросить, а, ну, все равно! Райка, что не молишься?

Дѣвочка поглядѣла на него, слизывая снѣгъ съ губъ, и перекрестилась маленькой грязной лапой, и снова взглянула въ оживленное, почти веселое лицо его.

— Кидай землю, — командовалъ онъ, и когда комья земли застучали по дереву гроба, сказалъ, вздохнувъ:

— Вотъ я вся наша жизнь! А мы споримъ, вздоримъ, мѣшаемъ другъ другу...

— Когда пошли съ кладбища, онъ повторилъ задумчиво и хмуро:

— Мѣшать другъ другу не надо, къ этому и законы установлены. А она, покойница какъ помѣшала мнѣ? Безъ нея я бы на такихъ высяхъ былъ, ой-ой! А тутъ только крыльями размахнулъ,—бацъ! Какъ изъ ружья. Япка въ газетѣ про меня напечаталъ, вотъ, дескать, каковъ председатель патріотовъ... сукинъ сынъ!

— Вѣдь, вы ушли изъ союза по другимъ основаніямъ, говорили вы?—напомнил Смагинъ.

— Основаніевъ я получилъ много,—сказалъ Коптевъ, спотыкаясь, пекоса разглядывая дѣвочку.

— Садись, Райка,—приказалъ онъ ей, когда вышли изъ ограды, и самъ свалился въ розвальни, крикнувъ.

— Куда же вы ее?—спросилъ Смагинъ.

— А тутъ есть одна старушка, знакомая Финогенова... Вы домой! Я тоже скоро буду! Ъзжай! Подвинься, Райка...

Розвальни поплыли, исчезая въ снѣгу, а Смагинъ тихонько пошелъ въ улицу, едва замѣтную среди бѣлыхъ облаковъ, и думая, какъ это все просто, какъ убійственно просто. Онъ раза три заходилъ къ племянницѣ Коптева, она немного привыгла къ нему и, осмѣлѣвъ, рассказывала о себѣ падорванымъ шипящимъ голосомъ, часто повторяя:

— Конечно, я виновата...

Изъ ея пекладнаго разсказа, Смагинъ понялъ, что этотъ человекъ однажды повѣрилъ во что-то, чего-то пожелалъ и былъ раздавленъ, какъ лягушка.

— Въ чѣмъ же вы виноваты?—спросилъ онъ ее.

Она отвѣтила, прикрывъ свои слѣзные глаза:

— Да, вѣдь, какъ же, конечно, виновата.

О дочери она ничего не говорила и ни о чемъ не просила Смагина; дѣвочка тоже молчала, какъ нѣмая; кажется, она умѣла говорить только:

— Подайте милостыньку, Христа ради!

На лѣстницѣ, у себя, Смагинъ встрѣтилъ Танью съ тряпкой и вѣникомъ въ рукахъ.

— Схоронили?—спросила она.

— Да. А вы—не понили?

— Не велѣлъ,—отвѣтила женщина, улыбаясь.—Снѣгу-то на васъ сколько, батюшки!

И тряпкой, которой она стирала пыль, Таисья принялась сбивать снѣгъ съ пальто.

— Спасибо,—сказалъ Смагинъ, шагая вверхъ мимо нея, она задѣла его бедромъ.

Съ нѣкоторой поры Смагинъ сталъ замѣчать, что это покорно безмолвное существо интересуеть его,—не какъ женщина, увѣрялъ онъ себя, по—какъ человекъ никогда невиданный имъ, непонятный ему.

Спокойная, точно масло налитое въ большой красивый сосудъ, она была такъ странно покорна окрикамъ мужа, всегда смотрѣла въ глаза ему собачьимъ взглядомъ, внимательно подстерегавшимъ желанія хозяина. Этотъ кроткій взглядъ вызывалъ у Смагина досаду. Женщина напоминала ему картину какого-то художника-нѣмца, картина изображала рабыню, стоящую у колодца. Но не рѣдко сквозь ея покорность и нѣмоту Смагинъ чувствовалъ проблески сознания ея власти надъ мужемъ,—когда хозяинъ ругалъ ее за какой-либо безпорядокъ, она не волновалась, не возражала и, не обнаруживая страха передъ нимъ, стояла въ эти минуты какъ будто выше мужа.

Пріятно было смотрѣть, когда она, поднявъ голову отъ шитья, чуть улыбаясь ласковыми глазами, слушала что-то неслышное никому, глядя сквозь стекла окна въ пустое сѣренькое небо.

Какъ-то разъ, сойдя къ вечернему чаю, Смагинъ засталъ хозяйку одну: Коптеву нездоровилось, онъ спалъ въ кухнѣ, на печи, а она сидѣла за столомъ на его мѣстѣ спиною къ окну, лицомъ къ двери и, подперевъ скулы ладонями, радостно улыбалась.

— О чемъ задумались?—спросилъ Смагинъ.

Она тихонько охотно отвѣтила:

— Такъ. Иной разъ и сама не знаешь, о чемъ думается.

— Скучно вамъ живется?

Красиво изогнувъ шею, она прислушалась, глядя на дверь въ кухню, и сказала четко, внятно:

— Конечно, кабы онъ помоложе былъ—веселѣе бы!

— Ого!—мысленно воскликнулъ Смагинъ и тотчасъ разсердился на себя, а она продолжала, наливая ему чай:

— Всякая женщина хочет, чтобъ ее молодой любилъ. Конечно, не все про это думаешь, а тоже и про это.

Взглянула на него съ улыбкой и спросила:

— Думать-то не грѣхъ?

Грѣшно, когда про грѣхъ люди знаютъ, — отвѣтила она сама себѣ, — когда о твоёмъ грѣхѣ другіе соблазняются, а думочки наши кто можетъ узнать?

Смагинъ почувствовалъ, что не можетъ, не умѣетъ поддерживать эту бесѣду и смущенно умолкъ.

Послѣ этого разговора, ему стало казаться, что хозяйка смотритъ на него ласковѣе и даже заигрываетъ съ нимъ, но онъ насмѣшливо обрывалъ себя:

— Павелъ, это въ тебѣ дѣйствуетъ мучнистая и жирная пища!

Танся была неграмотна, но иногда, во время его споровъ съ Коптевымъ, она слушала его рѣчи съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что онъ желалъ:

— Если-бъ въ этой красотѣ проснулся разумъ!

Какъ-то утромъ, открывъ свою дверь, онъ увидѣлъ, что хозяйка, стоя противъ слухового окна, развѣшиваясь мокрые бѣлье; руки ея были подняты вверхъ, и онъ видѣлъ правую голую до плеча. Его взволновала эта сильная розовая рука, темное пятно подъ мышкой, онъ смущенно притворилъ дверь. Но черезъ минуту дверь отворилась, и женщина, стоя въ ней, какъ рамъ, сказала, улыбаясь:

— Что-же чай пить нейдете? Мой то ужъ почайничалъ, и въ городъ ушелъ.

— Экая вы—красавица, воскликнулъ онъ, лаская ее глазами, — а она согласилась съ нимъ:

— Говорить, красива!

Нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга молча, потомъ она притворила дверь не торопясь, а Смагинъ, причесываясь передъ зеркаломъ, размышлялъ:

— А, вѣдь другой, на моемъ мѣстѣ, влюбился бы въ нее!

Спустясь внизъ, онъ увидалъ, что Танся стоитъ среди комнаты, заложивъ руки за шею и закусивъ губы. Какъ всегда, по утрамъ, кофты на ней не было, а только глухая холщевая рубаха, завязанная на шеѣ тесьмой, ситцевая юбка и фартукъ. Не опуская рукъ, она сказала:

— Долго спите!

— Засыпаю поздно,—объяснилъ онъ, отводя отъ нея глаза съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— Все книжки читаете, —тихо спрашивала она. —А я—люблю спать, сны люблю. Во снѣ, иной разъ, счастливой себя видишь.

Вздохнувъ, она отошла за стулъ Смагина и встала у окна. Онъ чувствовалъ, что Таисья смотритъ на него, это было пріятно, тревожно.

— Опять цвѣты забыла полить, —вдругъ сказала она и медленно ушла въ кухню.

— Случно ей, хочется поговорить со мною, а я—не умѣю,—попытался Смагинъ объяснить себѣ что-то, но ничего не объяснилъ. Кооптевъ замѣтно измѣнялъ свое отношеніе къ нему—раньше онъ любилъ поддразнивать, старался раззадорить его, но за этимъ Смагинъ чувствовалъ острый безповойный интересъ къ себѣ, со стороны хозяина; теперь Кооптевъ сталъ говорить суше, осторожнѣе, какъ будто онъ боялся нахлѣбника.

— Въ газеты не пишете?—спросилъ онъ какъ-то разъ, совершенно неожиданно.

— Нѣтъ. Раньше писалъ немного.

— Все-таки писали же...

Онъ не однажды пытался начать бесѣду о женщинахъ, допрашивая Смагина:

— Какъ это вы такъ живете—монахомъ, а? Тутъ у васъ такія бабенки есть...

Смагинъ уклонялся отъ бесѣды на эту тему и видѣлъ, что это удивляетъ хозяина, даже—обижаетъ его.

— Дѣло—мірское, всенародное, —бормоталъ онъ, шевеля бровями.

Нарѣдка, вечеромъ, Смагинъ заходилъ къ портному, тотъ все жаловался, разводя длинными руками:

— Окончательно ввергаюсь въ кабацкое житье, знаете! Нѣтъ никакого утѣшенія, кромѣ кабацкини. На фисгармоніи веселаго не сыграешь, а только „Не велятъ Машѣ за рѣченьку ходить“, да „Полоса-ль ты моя, полоса“. Влагодчестивый инструментъ, чортъ его дери! Прочиталъ вашу „Войну и Миръ“.

— Ну, что же?

Виновато улыбаясь, портной сказалъ:

— Не знаю, какъ вы полагаете, но для меня — Донъ-Кихотъ лучше! Знаете, — объяснилъ онъ, подумавъ, — человѣческаго больше въ Донъ-Кихотъ; смѣшно и даже будто, глуповато, а очень человѣческое. И Санчо, и самъ рыцарь — около людей, а въ этой — „войцъ“ — хоть она и русская книга, но люди гдѣ-то позади... Мысли предводительствуютъ...

Щукинъ сталъ еще болѣе встрепаемымъ и безпокойнымъ, на сѣрыхъ щекахъ, около носа, явились красныя жилки, глаза улыбались виновато и тревожно.

— Есть у меня нѣкоторое обстоятельство, хочу я съ вами посоветоваться, — нѣсколько разъ начиналъ онъ и недоговаривая, уклонялся въ сторону къ любимой своей темѣ — рассказамъ о жизни города.

Смагинъ понималъ, что въ груди портного родилось чувство иное, влюбленное, — оно такъ краснорѣчиво горѣло въ его добрыхъ глазахъ:

— Женитесь? — спросилъ онъ.

— Не совѣмъ, — сказалъ портной, сіяя и зачѣмъ-то разстегнувъ воротъ рубахи.

— Влюбились?

— Вотъ именно! Тронуть... Имѣется тутъ одно обстоятельство. — Онъ подвинулся къ Смагину, заглядывая въ лицо его робкимъ взглядомъ собаки, которая устала жить безъ хозяина.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, сходите со мной въ одинъ домъ, что, знаете, вродѣ веселаго дома, но — не вполне. Собирается тамъ молодежь обоого пола, какъ бы, при-мерно, въ деревцѣ, на посидѣлки...

Смагинъ охотно согласился, хотѣлось сдѣлать пріятное портному, и было интересно посмотрѣть, какъ веселится въ городѣ Мямлицѣ „молодежь обоого пола“.

И вотъ, темной ночью капризнаго марта, онъ шагаетъ по кривымъ переулкамъ города подъ закрытымъ окномъ нѣмыхъ, точно вымершихъ домовъ. За воротами рычатъ невидимыя собаки, на крышахъ яростно орутъ коты; въ небѣ, среди быстрыхъ облаковъ, золотымъ мячемъ катится луна, рождая тѣни. Тянутся заборы, плетни; за ними торчатъ деревья, похожія на большія метлы, поднимаются съ земли домишки и снова ложатся, пригнетаемая тѣнями.

— Осторожибѣ,—предупредилъ Щукинъ идя впереди съ двумя кульками въ рукахъ.

У Смагина странное впечатлѣніе: какъ будто онъ идетъ по кладбищу, отыскивая чью-то могилу.

— Собственно это даже не домъ, а бывшая баня,— таинственно рассказываетъ Щукинъ.— Домъ сгорѣлъ. Было большое купеческое хозяйство, по всѣ случайно вымерли и мѣсто отказано городу на благотворительныя дѣла. До дѣловъ еще не дошло, а уцѣлѣвшую баню, — сдали одной жещинѣ, которая, пользуясь своей бѣдностью и устроила у себя веселые вечера эти. Она-же тутъ—за сторожа надъ землей. Сюда!

Черезъ проломъ въ заборъ вошли на пустырь; среди его торчала полуразвалившаяся печь, съ обломанной трубою, изъ черныхъ кучъ мусора высывались обгорѣвшія балки и бревна.

— Была еще печь, но ея расхитили, — дѣловито объяснялъ портной. Осторожно, тутъ вездѣ ямы! Воруютъ здѣсь—доблестно, замѣчательно, усердный народъ въ эту сторону!

Въ концѣ пустыря, среди группы деревьевъ, возвышалась темная хата; сквозь щели въ ставняхъ ея оконъ, золотыми копыями упирался въ землю свѣтъ; хата шумѣла, точно водяная мельница.

Отворивъ дверь въ сѣни, освященныя маленькой жестиной лампой, вошли въ длинную комнату, въ переднемъ углу ея качалось желтое пятно огня, подъ нимъ на столѣ, сверкала, въ облакѣ пара большой самоваръ. За самоваромъ сидѣла плоскогрудая жещина въ красной кофтѣ, по бокамъ ея—двѣ дѣвицы; одна—толстенъкая, черноглазая, похожая на поповну, другая—потоньше, съ лыняными волосами и сердитымъ лицомъ.

— А Маши—нѣтъ?—удивленно, съ тревогой воскликнулъ Щукинъ, здороваясь съ бритымъ господиномъ, выглядывшимъ изъ-за печки.

— Знакомьтесь, пожалуйста: Геньковъ, Егоръ.

— Георгій, — басомъ сказалъ бритый, стиснувъ пальцы Смагина.

— Нашъ музыкантъ. Любезная хозяйка обители. Прасковья Семеновна,—торопливо представлялъ онъ Сма-

гину; толстую дѣвицу называли Пашей, —потомъше—Степой; онѣ обѣ безмолвно поклонились гостю и пачали шептаться.

— А Мишенька сегодня не будетъ, его въ полицію посадили, —сказала хозяйка.

— Оч-чень радъ!—воскликнулъ Щукинъ и тотчасъ объяснилъ Смагину:—Это врагъ мой, совершенно дикій человекъ, драчунъ и печеныя яйца съ кожурою ѣсть.

— А ты—не можешь!—раздался звонкій голосъ изъ угла, гдѣ стояла кровать.

Портной шешнулъ Смагину:

— Городского головы сынъ, Алеша Богомоловъ...

На кровати полулежалъ, заложивъ за спину подушки свѣтловолосый кудрявый паренекъ, лѣтъ семнадцати. Его круглое, миленькое личико казалось парисованнымъ на бѣлой наволочкѣ подушки, но тотъ, кто рисовалъ, слишкомъ слащаво и чувствительно подчеркнулъ красоту юности.

— Что уставился, —говорилъ Богомоловъ портному.— Попробуй съѣшь яйцо со скорлупой, —не сможешь!

— Не смогу, —согласился Щукинъ.— Не всякій можетъ свищей быть...

— Пашька, поди сюда, —крикнулъ юноша, а хозяйка, въ полголоса объяснила Смагину:

— Алексѣй Семенычъ нынче сердитый, у нихъ головка болитъ...

Дверь съ размаха отворилась и на порогѣ встала, шурясь, невысокая, стройная женщина, въ черномъ гладкомъ платьѣ, похожая на цыганку.

— Вотъ она! —радостно крикнулъ Щукинъ.

— Здравствуй, дурачекъ, —поздоровалась съ нимъ женщина, сбросивъ платокъ съ головы, куда-то въ уголь.

— Вотъ Павелъ Николаевичъ, —потирая руки, знакомилъ портной, —она осмотрѣла Смагина одѣвающимъ взглядомъ и спросила:

— А чѣмъ этотъ Павелъ себя прославилъ?

Всѣ засмѣялись, а она, покусывая красныя губы, подошла къ зеркалу и стала оправлять темные, вострепанные волосы.

Щукинъ тоже молодцевато взбилъ свои сѣрые вихры, но взглянулъ на Смагина и густо покраснѣлъ.

Было скучно, натянута. У печки, въ темномъ углу, сидѣлъ гармонистъ, тихонько наигрывая: „Любила меня мать,

обожала“, на кровати возился и хрюкалъ юноша, тихопько
взвизгивала дѣвица Паша, умоляя:

— Леничка—не щиплитесь! Что это вы?

Щукипу, видимо, хотѣлось развернуться, показать свою
удаль; опъ громко крякалъ, приказывалъ хозяйкѣ развер-
нуть кульки съ закусками, толкалъ локтемъ и плечомъ
сердитую дѣвицу Степу, но, вспомнивъ о Смагинѣ, вишо-
вато заглядывалъ въ лицо его и, смущенный, отрицательно
моталъ головой. Это сердце Смагина, опъ старался не
замѣчать портного.

— Паша,—попросилъ Щукинъ,—пѣсенку—бы спѣть!
Степа?

— Можно,—сказала сердитая дѣвица, внимательно
осматривая Смагина раскосыми глазами.

— Я—отсюда,—крикнула Паша и опъ запѣли въ два
голоса, стройно, протяжно:

Глижу-ль я безмольно на черную шаль,
И халадную душу терзаетъ печаль...

Сигъвъ два стиха, Паша замолчала, а Степа, сдвинувъ
глаза къ переносью, начала мрачно, пизкимъ голосомъ:

Когда легковѣренъ и мо—о...

— Ой,—взвизгнула Паша, точно ее ножомъ ударили;
со свистомъ втянула воздухъ сквозь зубы и удивленно
застонала:

— Ма-атушки, какъ опъ меня-а...

Подруга Щукина поставила чашку на столъ, вытерла
платочкомъ губы, не спѣша подошла къ юношѣ и, схва-
тивъ его за кудри, стала трести, приговаривая:

— Не озорничай, не озорничай...

Опъ дрыгалъ ногами, совалъ въ воздухъ кулаки, ста-
раясь ударить ее и кричалъ:

— Пусти!

Но, ловко увертываясь, отбивая правой рукой безтолко-
вые взмахи его рукъ, она все поучала юношу:

— Мы тебѣ, щенку, не собаки, не куклы, не игрушки!

Всѣ осторожно смѣялись, хозяйка тоже ухмылялась, но
глаза ея безповойно бѣгали, то и дѣло задѣвая Смагина, а
Щукинъ возбужденно шепталъ ему:

Характеръ, а?

— Странно здѣсь веселятся,—тихоньго сказалъ Смагнѣ, съ трудомъ подавляя желаніе уйти.

— Веселье—будетъ!—увѣренно обѣщала портной.

Борьба на постели кончилась. Богомолловъ хныкалъ, а Паша и Марья, обнявъ его, утѣшали:

Стыдитесь плакать то!

И—шутить, а она...

— Кто дерется, того надо бить,—поучительно говорила Марья, приводя въ порядокъ его кудри.

Запахъ угля стоялъ въ комнатѣ. Бревенчатыя стѣны ея были черны отъ копоти, глубоко вѣтвишейся въ дерево, изъ пазовъ торчала смоляная пакля; потолокъ лоснился, точно крытый лакомъ, а новый полъ былъ желтъ и гладокъ.

Юноша спрыгнулъ съ постели, подошелъ къ зеркалу и сталъ причесывать свои картинныя кудри бѣленькой гребенкой.

— Грубиянка ты, Машка,—упрекала онъ, красуясь, покачиваясь на тоненькихъ ножкахъ, въ черныхъ брюкахъ на выпускъ. Былъ онъ худенькій, узкогрудый, на его острыхъ плечахъ некрасиво висѣла шелковая голубая рубаха,—онъ былъ похожъ на трактирнаго плясуна.

Когда Степа сѣла рядомъ со Смагнѣмъ, толкнувъ его локтемъ и вопросительно заглядывая въ глаза, онъ спросилъ:

— Споете еще?

— Можно. Вы какія пѣсни любите,—городскія?

— Деревенскія,

— Деревенскихъ не знаемъ. Мы только новыя знаемъ.

— Той пѣснѣ, которую вы начали пѣть скоро сто лѣтъ.

— Врете,—просто сказала дѣвица.—Ее на моей памяти стали пѣть, а мнѣ всего двадцать два...

Марья сѣла на колѣни Щукина обнявъ его за тонкую шею и спросила Смагнѣна:

— Скучно, баринъ?

— Нѣтъ,—любезно солгалъ онъ.

Взбывая рукою вихры Щукина, она сказала:

— Я тоже не люблю старыхъ пѣсень—враки много въ нихъ. Все-охъ да-охъ...

Заведи глаза подъ лобъ, она гнусаво запѣла:

Стоишь сизый голубочекъ,
Стоишь онъ и день, и ночь...

Сверните ему шею, чтобы не стопалъ! Мы — дѣвки удалыя, мы любимъ пѣсни нижегородскія, съ Ярмарки. Изъ нашихъ пѣсень голубочки-то давно улетѣли, одна правда осталась. Егоръ, ну-ко....

Соскочивъ съ колыбѣ Щукина, Марья встала среди комнаты и подъ негромкіе голоса гармоники, заплѣла, вскинувъ голову, упершись руками въ бока:

— Я-а-й не помню когда дѣвухой была,
Съ десяти годовъ съ рукъ на руки пошла...

Дѣвнцы и Богомолвъ дружно подхватили:

— Цѣловалась, съ кѣмъ пошло, день и ночь...

— Эхъ, — тенеркомъ крикнулъ Щукинъ:

— Удавалось — воровала...

Взвизгивая все задрнѣе, гармоника четко наигрывала мотивъ Камаринской, а Марья, учащая темпъ отчаянной пѣсни, пошла по компатѣ, закрывъ глаза:

— Была дѣвуха себѣ на умѣ,
Жила весело на волѣ и въ тюрьмѣ.

Хозяйка играла на гребенкѣ, обернутой бумагой, Щукинъ хлопая ладонями, самозабвенно пѣлъ:

— Любите, губите меня!

А Марья, дробно пристукивая каблуками, рассказывала правду:

— Н-никому я не отказываю,

Н-никого съ собой не связываю.

— Ни о чемъ я не думаю! — яростно крикнулъ Щукинъ, и засвисталъ, вложивъ въ ротъ пальцы, а Марья, повернувшись къ Смагину, высоко вскидывая черныя ноги, безстыдно и красиво извиваясь, взвизгивала.

И завыло, застонало горестное русское веселье, никогда еще не видавшее Смагинымъ во всей драматической красѣ удали и отчаянія, во всей дикой силѣ его неутомимой, азіатской тоски.

Дребезжала посуда на столѣ, сострясался заслонъ печи, надъ столомъ подпрыгивала, приплясывая, лампа, гнусавые голоса гармоники точно милостыню просили.

Когда пляска кончилась, портной горячо поцѣловалъ руки плясуньи и сталъ угощать ее какой-то темно красной палывкой, но она, оттолкнувъ его руку, крикнула: сверкая темными глазами, задыхаясь:

— Водки, милый, водки!

Начали пить. Смагинъ не могъ отказаться и тоже пилъ вмѣстѣ со всѣми, чувствуя тревожную боязнь обидѣть этихъ людей, и безъ его участія до смерти обиженныхъ. Хотѣлось уйти на воздухъ и тяготило желаніе остаться.

Юноша Богомоловъ терся около Марьи и говорилъ ей, со слезами:

— Кабы ты не такая была, то тебя-бы—убить! Убить!
Потомъ Паша и Степа сѣли рыдающую пѣсню:

Куплю на три копейки я спичекъ
Въ горячей водѣ разведу,
Умру я въ мученіяхъ страшныхъ
И буду на вѣки въ аду...

Плакали, плясали, снова пили и среди трехъ дѣвицъ, обезумѣвшихъ отъ насаднаго восторга, отъ страха предъ непонятной жизнью, отъ неясной тоски о чемъ-то другомъ и отъ жалости къ себѣ, въ этой законченной банѣ, похожей на подземную пещеру, неприкаянно болтался тоненькій блѣдный и потный подростокъ, въ голубой рубахѣ. Патыкался на дѣвицъ, онѣ цинично хваталъ ихъ, хохоталъ пьянымъ смѣхомъ и грозилъ Смагину кулакомъ, предупреждая:

— Мою—не тронь, убью!

Красивое личико его было глупо и жалко, дѣтскіе глаза болѣзненно мутны, а ветрепанная кудри смѣшно пристали къ потнымъ вискамъ.

Смагинъ смотрѣлъ и думалъ:

— Этотъ ужасъ,—погуще, пострашнѣй того, арзамаскаго ужаса, который однажды пережилъ Левъ Толстой...

За полночь онъ попытался незамѣтно уйти, но напустырѣ его догналъ Щукинъ, и торопливо, виновато заговорилъ:

— Уходите? Ну, извините! Я — понимаю, для васъ это — не обѣдня!

И понизивъ голосъ, присунувшись къ Смагину, онъ спросилъ:

— Ну—какъ, что вы скажете про нее?

— Послѣ, когда-нибудь!

— Пить, ужъ пожалуйста, сейчасъ!

Портной былъ такъ возбужденъ, что не казался пьянымъ.

— Погубить она васъ, — выговорилъ Смагинъ, оглядывая пустырь.

Медленно прошло нѣсколько секундъ неприятнаго молчанія, потомъ Щукинъ заговорилъ, твердо и трезво:

— Это очень можетъ быть. Характеръ у нея — вотъ какой!

Ее-жъ на мѣстѣ души. Но, знаете, я рѣшился окончательно. Слышать не могу пѣсно эту — „Съ десяти годовъ съ рукъ на руки пошла“ — а? Ревѣть готовъ и даже каяться въ чемъ-то, хотя самъ не виновенъ въ этомъ направленіи, я дѣвухеньку не портить. Я — рѣшился...

— Пропадете, — сказалъ Смагинъ, тихо и грустно.

— А, можетъ, хоть одному человѣку помогу, а?

— Знаете, — горячо воскликнулъ онъ, положивъ руки свои на плечи Смагина, — я такъ чувствую, что обязапъ за всѣхъ обниженныхъ женщинъ одну какую-то божественно любить! Безпомощно, безобразно живутъ всѣ и самъ я тоже. Пускай я помучаюсь за человѣка, вѣдь больше ничего я не сумѣю сдѣлать въ жизни, такъ вотъ — хоть помучаюсь, а?

Смагинъ подавленно молчалъ.

— Эхъ, Павелъ Николаевичъ, — не дождавпсь отвѣта, сказалъ портной, глубоко вздохнувъ. — Хочется мнѣ отдать себя кому-нибудь, а большія наши дѣла, мечты наши разсѣялись, ну, и... Не могу жить одинъ! И она тоже. Я говорю: Маша, умница, развѣ можно такъ жить. А она: я, говоритъ, ни на какую жизнь не падѣюсь. Каково, а? Не падѣется, а ей всего на все — двадцать пять лѣтъ...

Со стороны бани, изъ-подъ деревьевъ, раздался насмѣшливый возгласъ Марьи:

— Скоро исповѣдуешься, дурачокъ?

Щукинъ всхлипнулъ и пошелъ прочь, говоря:

— Извините, рѣшилъ я это...

Что — рѣшилъ? — спросила Марья.

— До свиданія, — крикнулъ ей Смагинъ, но она не отвѣтила, нагѣвая громко и задорно:

Запараспо, мальчикъ, ходишь,

Запараспо ножки бьешь...

Угрюмо шагая по переулкамъ, Смагинъ чувствовалъ себя отвратительно; предъ нимъ стояла большимъ тусклымъ пят-

помъ эта черная пещера мученій, набитая бѣсноватыми, въ ушахъ звучали отрывки бездыханныхъ и уродливыхъ пѣсень, вспоминался гнусаво-торжествующій вопль гармоникки и все, вмѣстѣ съ людьми, стремглавъ летѣло куда-то въ черную пустоту. Онъ слышалъ эти пѣсни и раньше, но никогда еще не чувствовалъ ужаса, скрытаго въ нихъ; онъ видѣлъ пирушки, подобныя этой, но впервые понималъ, какъ мало въ нихъ радости, какъ богаты они отчаяніемъ и тоскою.

Ему вспомнилось, какъ онъ, гимназистъ седьмого класса, пришелъ наниматься ретиторомъ къ внучатамъ какой-то богатой старухи и вдругъ подъ ноги его изъ всѣхъ угловъ и дверей бросилась стая маленькихъ и злыхъ собачекъ. Онѣ кусали ему ноги, рвали брюки, онъ билъ ихъ козырькомъ фуражки, отшвыривалъ и мучался, чувствуя себя безпомощнымъ, смѣннымъ.

Вотъ и теперь на него отовсюду лѣзли злыми собачками зубастыя мысли, кусая за сердце.

— Собираюсь я отдохнуть здѣсь, — напомнилъ онъ себѣ, усмѣхаясь.

— Донъ-Кихоть, — неприязненно подумалъ онъ о Щукинѣ и стало неловко передъ собою за эту неприязнь, когда онъ вспомнилъ, что подвиги русскихъ Донъ-Кихотовъ рѣдко поднимались выше постушка портного.

— Помучиться — умѣемъ, а помочь — не научились! Видно — легче помучиться, чѣмъ дѣйственно помочь...

По городу все еще гуляли тѣни облаковъ, на льду лужъ, на сосулькахъ крышъ жемчужномъ сіялъ свѣтъ луны.

— Битая посуда два вѣка живетъ, — размышлялъ онъ. — Когда же, однако, мы прекратимъ починку разбитыхъ душъ? Когда родится крѣпкая, цѣльная душа?

Память подсказала умныя слова портного:

— Имъ кажется, что если есть форточка, такъ ужъ можно терпѣть всякій чадъ!

Онъ крѣпко задумался о томъ, какъ много сказано и говорится на Руси умныхъ, глубоко сердечныхъ словъ и какъ бесполезны эти слова для жизни: плаваютъ, горятъ они гдѣ-то высоко надъ людьми, украшая жизнь, какъ звѣзды, но — какъ звѣзды, ничего не измѣняютъ въ ней, ничего! Этотъ мягкій, гибкій родной языкъ самочинно, своей внутренней силой слагается въ добрыя, круглыя, толстен-

кія поговорки и сладкія, какъ патока; теплыя, вкусныя словечки легко и ловко замазываютъ глубокія царапины сердца, заставляютъ забывать обиды жизни, обманно утоляя голодь нищихъ духомъ.

— Будьте при себѣ,—совѣтуетъ челоуѣкъ, котораго, въ сущности, нѣтъ на землѣ...

Какъ всегда, ворота Смагину отперла хозяйка, полуодѣтая, окруженная теплымъ запахомъ.

— Простите, беспокою я васъ, загулялся,—сказаль онъ привычныя слова.

— Молодому и гулять,—отвѣтила она, тихо задвигая засовъ.

Подождавъ ее, онъ пошелъ рядомъ, плечо въ плечо съ нею и впервые замѣтилъ, что она выше него ростомъ.

— А мѣй-то захвораль, не спить...

— Что съ нимъ?

— Поясница постъ... спокойной почи!

Онъ поднялся къ себѣ и, удрученный пережитымъ, провель еще одну бессонную ночь, неотвязно думая о жизни города.

Можетъ быть, эта жизнь не совсѣмъ похожа на устоявшуюся густую воду давно нечищенного пруда. Не потому не похожа, что поверхъ воды, украшая ее мелкой кружевной рябью, скользятъ какія-то лѣтныя букашки, но потому, что на днѣ пруда, въ пахучемъ илѣ бурно совершается разложеніе всего, что отжило и опустилось на дно?

— Въ новыхъ пѣсняхъ — правда, — говоритъ буйная Марья и рядомъ съ этимъ вспоминаются слова умнаго Колтева:

— Правда, правда! Я вамъ какую угодно правду самъ придумаю. Это слово только — правда. Каждый вѣритъ въ ту правду, какой хочетъ, а одна для всѣхъ — Богъ! Найдите-ка мнѣ другую, чтобы для всѣхъ явной была? Нѣтъ, на всѣхъ людей одну рожу не надѣнешь...

Колтевъ — не отжилъ; если онъ и разлагается, то — медленно, какъ разлагаются камни гранитныхъ породъ.

— Аріѣ—слово древнее,—поучительно говоритъ Фингопцовъ.—Слово это одинаково со словомъ Авва, отецъ. Ари-сто-кратъ, значить: стократно отецъ челоуѣковъ. Изволили усвоить? Отсюда истекаетъ, что люди должны подчиняться лучшимъ изъ своего стада.

Онъ предостерегающе поднялъ палець, похожій на морковь, и оцетинился, продолжая:

— Не въ нашемъ, политическомъ смыслѣ, какъ, напримеръ, Дума, это фальшь и обманъ; нѣтъ—лучшіе люди должны быть рождены въ трудахъ и мукахъ всего народа. Тихона Задонскаго читали?..

Этотъ человекъ несомнѣнно многое зналъ, упрямо думалъ и въ немъ жило что-то темное, жуткое.

Однажды Коптяевъ, подмигнувъ нахлѣбнику, сказалъ:

— Не довѣряю парикмахерамъ!

— Чего-же?

— Н-ну,—воскликнулъ Финогеновъ, приподнявъ широкія плечи,—мало-ли что можетъ быть! Водить человекъ бритвой по твоему горлу, а вдругъ въ пустой башкѣ явится мысль—дай попробую! Человекъ подверженъ соблазнамъ. Да и безъ этого—закричать на улицѣ пожаръ или караулъ, рука у него сорвется съ испугу—чикъ тебя!

Онъ ткнулъ пальцемъ подъ скулу и объяснилъ:

— А тутъ — сонная жила, питающая мозгъ!

Передъ Рождествомъ Смагинъ встрѣтилъ писаря на базарѣ около свиныхъ тушъ; протыравъ ротъ, сладостно ухмыляясь, Финогеновъ осторожно водилъ пальцемъ по глубокому разрыву вдоль хребта, ковыряя сало, мерзлое до твердости камня, а въ его студенистыхъ глазахъ свѣтилось такое жуткое умиленіе, что Смагинъ даже вздрогнулъ подъ толчкомъ темнаго предчувствія. Видя Смагина рядомъ съ собою, писарь повелъ плечами и сказалъ, вздохнувъ:

— Превосходно у насъ свиней откармливаютъ!

Послѣ этого Смагинъ сталъ относиться къ нему подозрительно, съ непобѣдимой брезгливостью.

А Коптеву, признавая за другомъ своимъ превосходство ума и знаній, слушалъ его медленныя рѣчи съ великимъ вниманіемъ, совѣтовался съ нимъ о домашнихъ и городскихъ дѣлахъ, выспрашивалъ о новостяхъ города и уѣзда, и безусловно вѣрилъ рассказамъ писаря, которые всегда густо и мрачно подчеркивали склонность людей къ убійству, воровству, распутству, ко лжи...

— Человекъ подчиненъ особому навожденію, — проповѣдовалъ онъ, — нѣкоторые умники именуютъ это навожденіе питливостью разума, который, будучи извѣчно слѣпъ и со

слѣпу натыкаясь на все, говорить самъ себѣ: дай—попробую! Эта слѣпая Адамова пытливость требуетъ, чтобы ее крѣпко взнуздали...

— Вѣрно, — соглашался Коптевъ.

Но онъ не всегда былъ согласенъ съ философіей пріятеля и говорил Смагину:

— Насчетъ лучшихъ людей не ясно мнѣ, сомнѣваюсь — такъ-ли? Въ міру — какъ въ болотѣ: все квакаютъ одинаково, я-ста, да я-ста! Лучшіе то люди, сударь мой, отъ міра всегда бѣжали, а не валацдались во грѣхахъ, подобно ребятишкамъ въ лужѣ...

Коптевъ былъ гласнымъ думы, но на засѣданія ходилъ рѣдко.

— Канитель одпа, — насмѣшливо говорилъ онъ. — Конечно — почетъ, а это, какъ солдату мѣдная пуговица — издали всякій видитъ, что солдатъ.

Но когда зимой городской голова поставилъ на разрѣшеніе вопросъ о постройкѣ женской прогимназіи, Коптевъ горячо выступилъ противъ этой затѣи, доказывая необходимость для женщинъ ремесленного образованія, и вечеромъ, послѣ засѣданія, хвастался Смагину:

— Провалили голову! На кой она, прогимназія? Романы читать? Нѣтъ, а вотъ, чтобы жена моя сама себѣ башмаки шить умѣла—это такъ!

Онъ былъ вліятеленъ въ городѣ; на улицахъ жители кланялись ему почтительно, съ уваженіемъ, а онъ имъ едва кивалъ головою. Къ нему часто являлись мѣщане обсуждать городскія дѣла, въ его домѣ составлялись планы разныхъ предприятий и компаній противъ головы, сторонника широкой грамотности.

Смагинъ еще и еще убѣждался, что хотя въ словахъ хозяина логика неуволима, но чувство его очень зорко подмѣчало все, что пыталось хотя бы немного измѣнить порядокъ жизни, усилить ея движеніе.

Онъ неоднократно пробовалъ объяснить хозяину творческую роль науки, Коптевъ внимательно слушалъ его, а потомъ говорилъ:

— Я, вѣдь, противъ науки не спорю, я знаю—безъ нея и замка не сдѣлать. Ну, а въ концѣ то концовъ, все-таки, ученый хочетъ выше Бога быть, этого—не скроешь!

Однажды Смагинъ съ досадою сказалъ:

— Азіатскія мысли у васъ!

— Вы не сердитесь, — отозвался Коптевъ, усмѣхаясь. — Насъ — не мысли разъединяють, а — дѣла. Мысли — что? Онѣ, вотъ, вродѣ инея на стеклахъ...

Когда Смагинъ уговорилъ его прочитать нѣсколько книгъ Толстого, умный хозинъ сказалъ, усмѣхаясь:

— А, вѣдь, графъ то совершенно противъ вашихъ чувствъ и мыслей. Это — Финогенову больше подходяще, а никакъ не вамъ, по моему разумѣнію. Тутъ очень просто доказано, что Бонапартъ ни къ чему, а вотъ Кутузовъ, понимающій направленіе народа, всегда одолѣетъ, хотя и кривой.

Смагинъ долго объяснялъ хозину великія красоты книги, по его слова, какъ всегда, не доходили до сознанія Коптева — золотоглазому человѣку была важна учительная часть книги, а обо всемъ остальномъ онъ говорилъ:

— Я понимаю, написано ловко! Особенно — бабы, не любилъ онъ ихъ, видно...

— Въ чемъ же, по вашему, главное поученіе Толстого? — спросилъ, наконецъ, Смагинъ. Хозинъ отвѣтилъ, не затрудняясь:

— А — не беспокойте народъ умственностью своею, потому что онъ умнѣе умнаго. Вотъ, Безуховъ то понялъ это и покорился...

— Китайская стѣна, — думалъ Смагинъ! — китайская стѣна!

Онъ начиналъ понимать, что живетъ гдѣ-то на узкой и опасной полоскѣ, между двухъ непримиримыхъ міроощущеній, одно — покорствуешь тайнамъ жизни, другое — стремишься познать ихъ; одно — жаждетъ покоя, хочетъ видѣть человѣка праведникомъ во что бы то ни стало, другое — ускоряя движеніе жизни силами роли и разума, воспитываетъ человѣка борцомъ за его власть надъ планетой; одно — вѣрить въ чудо и ждать его, другое — создаетъ истину.

М. Горькій.

1915-й г.

В. БРЮСОВЪ
РОКОВОЙ РЯДЪ

ВЪВЕДЕНІЕ СЪМЪЩЕНЫ

ВЪНОКЪ СОНЕТОВЪ.

I.

Четырнадцать именъ назвать мнѣ надобно...
Какія выбрать межъ святыхъ именъ,
Томившихъ сердце мукой и отрадой?
Все прошлое встаетъ, какъ жуткій сонъ.

Я помню юность; синій сумракъ сада;
Сирени льнуть, пьяня, со всѣхъ сторонъ...
Я—мальчикъ, я—поэтъ, и я—влюбленъ,
И ты со мной, какъ бѣлая Дриада!

Ты страсть мою съ улыбкой приняла,
Ласкала, въ отрокѣ поэта холя,
Дала восторгъ, и, скромная, ушла...

Предвѣстье жизни, мой учитель, Деля!
Тебя я называлъ первой, межъ другихъ
Именъ любимыхъ, памятныхъ, живыхъ.

Имень любимыхъ, памятныхъ, живыхъ
 Такъ много! Но, змѣей меня ужали,
 Осталась ты царицей дней былыхъ.
 Коварная и маленькая Таля.

Любила ты. Средь шумовъ городскихъ,
 Придя ко мнѣ подъ волшебствомъ вуали,
 Такъ нѣжно ты стонала: «милый Валя!»
 Когда порывъ желаній юныхъ тихъ.

Но ты владѣла полудѣтской страстью;
 Навѣкъ меня сковать мечтала властью
 Зеленыхъ глазъ... А воли жаждалъ я.

И я бѣжалъ, измѣны не тая,
 Тебѣ съ безжалостностью винувъ: «Надай!»
 Съ какой, отравно равнящей, усладой!

Съ какой, отравно ранищей усладой,
 Припалъ къ другимъ я, лепетнымъ устами!
 Я ждалъ любви, я требовалъ съ досадой,
 Но не хотѣлъ любви предаться самъ.

Мнѣ жизнь казалась блестящей эстрадой;
 Лобзанья, слезы, встрѣчи по ночамъ, —
 Все было поводъ къ огненнымъ стихамъ;
 Я скорби вѣнчалъ сонетомъ или балладой.

Былъ вечеръ; буря; вѣпшики облаковъ;
 Въ бесѣдѣ, тамъ, рыдала ты,—безъ словъ
 Понявъ, что я лишь роль играю, рана...

Но роль была—мой Рокъ! Прости мнѣ, Мани!
 Самъ я судилъ себя въ стихахъ глухихъ.
 Теперь, въ мечтахъ я повторяю ихъ.

4.

Теперь, въ мечтахъ я повторяю ихъ,
Но тягостно еще одно признанье.
Такъ! И смѣнилъ стыдливыя признанья
На душевный бредъ безвольностей ночныхъ.

Позналъ я сладость тайнаго свиданья,
Послѣдность ласкъ и равный пылъ двоихъ,
Тотъ «тусклый огонь» во взорахъ роковыхъ,
Что мучить пальцы блескомъ ожиданья.

Ты мнѣ явила женщину въ себѣ,
Клейменую, какъ Пасифая, въ мнѣ,
И не забыть мнѣ «пламенной Юдион!»

Безлюбныхъ больше пѣть въ моеи судьбѣ.
Слѣшу къ любви отъ сумрачнаго чада,
Но боль былую память множить рада.

Да! Боль быдую память множить рада!
 Свѣтлѣйшая изъ всѣхъ, кто былъ мнѣ данъ!
 Твой чистый обликъ нимбомъ осяанъ,
 Моя любовь, моя надежда, Лада!

Насъ обручили гулы водопада,
 Благословилъ, въ чужихъ горахъ, платанъ,
 Вѣщанье наше славилъ океанъ,
 Алтарь для клятвъ дала намъ скаль громада!

Чтобъ ни было, намъ быть всегда вдвоемъ;
 Мы рядомъ въ мѣрѣ невѣдомый войдемъ;
 Мы связаны звеномъ святымъ и тайнымъ!

Но путь мой шелъ еще къ цвѣтамъ случайнымъ,
 Я долженъ вспомнить рядъ именъ иныхъ...
 О, счастье мукъ, безстрашныхъ, молодыхъ!

6.

О, счастье мукъ, безстрашныхъ, молодыхъ!
Ты вдругъ вошла, съ усмѣшкой легкой, Таня,
Стеблистымъ тѣломъ думы отумани,
Смутивъ узорностью зрачковъ косыхъ.

Стыдись, ты требовала ласкъ моихъ;
Любовница, меня вела, какъ пиян;
Молилась, плакала, меня тирана,
Прося то перловъ, то цвѣтовъ простыхъ.

Невольно влекся я къ твоей причудѣ,
И правился мнѣ маленькія груди,
Похожія на форму грунѣ лѣсныхъ.

Въ альковѣ брачномъ были мы—какъ дѣти,
Переживая рядъ часовъ—столѣтій,
На вѣкъ закрѣпощенныхъ въ четкіи стихи!

Навѣтъ закрѣпощенныхъ въ четвѣи стихъ,
 Прорѣяло не мало миговъ. Было
 Свѣтло и страшно, жгуче и уныло...
 Привѣтъ тебѣ, среди царницъ земныхъ.

Недолгий призракъ, царственная Лила!
 Меня ввела ты въ счетъ рабовъ своихъ...
 Но въ дѣлѣ и игралъ: еще пичьихъ
 Оковъ—душа терпѣть не снисходила!

Актеръ, я падалъ предъ тобой во прахъ,
 И лобызалъ слѣды твоихъ сандалій,
 И пѣлъ терцинами твой ликъ медалей...

Но страсть уже стояла на часахъ...
 Предстала вдругъ, съ палицею сталью взгляда,
 Ты, слаще смерти, ты, желаннѣйша ида!

8.

Ты, слаще смерти, ты, желаннѣй яда,
Околдовала мой свободный духъ!
И взоръ померкъ, и волн огонь потухъ,
Подъ чарой сатанинскаго обряда.

Въ колѣняхъ—дрожь, языкъ—горячъ и сухъ,
Въ раздумьяхъ—ужасъ вѣры и разлада;
Мы—на постели какъ въ провалахъ Ада,
И мечъ какъ благо, призываемъ велухъ!

Ты—ангелъ или дьяволица, Дина?
Съ вѣзъ пытки всѣ ты провела меня,
Съ стыдомъ, блаженствомъ, ревностью казня.

Ты помнишься проклятой, но единой.
Другія всѣ проходятъ за тобой!
Какъ будто призраковъ туманный строй.

Какъ будто призраковъ туманный строй,
 Все тѣ, къ кому я, изъ твоихъ объятій,
 Бѣжалъ въ безумы... Ахъ! твоей кровати
 Вожженъ былъ стигмать въ духъ смятенный мой.

Напрасно я, обмануть влажной тьмой,
 Уста съ устами близилъ на закатѣ!
 Пронзень до сердца остріемъ заклятій,
 Я былъ на ложахъ—словно трупъ нѣмой.

И ты ко мнѣ напрасно тѣломъ никла,
 Ты, имя чье стозвучно, какъ Любовь!
 Со стономъ прочь я отгибался вновь...

Душа быть мертвой—горестно привыкла.
 Тотъ обликъ мой, какъ обликъ гробовой,
 Въ вечернихъ даяхъ рѣветъ предо мной.

10.

Въ вечернихъ даяхъ рѣтъ предо мной,
И новый образъ, полный женской лѣны,
Съ извѣженной безпечностью движеній,
Съ приманчивой, вкругъ взоровъ, синевой.

Но въ ароматномъ будуарѣ Жени,
Я былъ все тотъ же, тускло-неживой;
И нудилъ ропотъ, женственно-грудной,
Напрасно—миги сумрачныхъ хотѣній.

Я цѣловалъ, но—какъ возставшій трупъ,
Я слушалъ рысѣй, истерійный хохотъ,
Но мертвенно, какъ законный грохотъ...

Такъ водонадъ, съ уступа на уступъ,
Летить въ стремщину, раздробленъ и вспѣненъ...
Но каждый образъ для меня священенъ!

11.

Да! Каждый образ для меня священъ!
Оберечь бы всё! Сіяи, сверкаи и ты,
Владычица народа и мечты,
Въ чьей свитѣ я казался обезцѣненъ!

На краткій мигъ, но были мы слаты.
Твой поцѣлуй былъ трижды драгоценъ:
Онъ мнѣ сказалъ, что духъ мой неизмѣненъ,
Что властенъ я вновь жаждать высоты!

Тебя зато назвать я вправѣ «Вѣрой»:
Насъ едина общность яркихъ грезъ,
И мы взлетали въ область вышнихъ грезъ,

Какъ два орла, надъ этой жизнью сѣрой!
Но скрылась ты въ могильной глубинѣ...
Вотъ близкія склонятся ко мнѣ.

Вотъ близкія склоняются ко мнѣ,
 Мечты недавнихъ дней... Но сусловью,
 Я не предамъ святыни, что съ любовью,
 Таю, какъ кладъ, въ душѣ, на самомъ днѣ.

Зачѣмъ, зачѣмъ къ свитому изголовью,
 Я поникалъ въ своемъ неправомъ снѣ?

.

О, мой недолгій, невозвратный рай!
 Смирись, душа! казни себя! рыдай!
 Смерть, смерть была бъ и легче и надежнѣй!

Какъ, послѣ бури, остовъ шхуны прежней,
 Во мглѣ простертъ, лежалъ и въ глубинѣ,—
 Въ смятеньи—думы, вся душа—въ огнѣ...

13.

Въ смятении—думы; вся душа—въ огнѣ
 Шылала; грезы—мчалась въ дикой смѣнѣ...
 Молись Кому-то, я сгибалъ колѣни...
 И вдругъ услышалъ голосъ въ вышинѣ.

Еще одна, межъ радужныхъ видѣній,
 Сошла, чтобъ мнѣ напомнить о веснѣ...
 Челнокъ и чайки... Отблескъ на водѣ...
 И женски-дѣвій шепотъ: «Вѣрь Еленѣ!»

Мнѣ было нужно—позабыть, уснуть;
 Мнѣ было нужно—въ ласкѣ потонуть,
 Мнѣ, кто недавно мимо шелъ, надменнѣ!

Надъ озеромъ клубился бѣлый парь...
 И принялъ я ея любовь, какъ дарь...
 Но ты ль, вѣнокъ сонетовъ, неизмѣненъ?

14.

Да! Ты ль, вѣнокъ соетовъ, неизмѣнль?
 И жизнь прошелъ, казалось, до конца;
 Но не хватало розы для вѣнца,
 Чтوبъ оны въ столбѣяхъ расцвѣталь, петлѣвель.

Тогда, съ улыбкой дѣтскаго лица,
 Мельнула... Но—да будетъ сокровенель
 Звукъ имени послѣдняго: мгновенель
 Восторгъ признаній и мертвьель сердца!

Останься ты незазванной, безвѣстной, —
 Но будетъ живъ твой образъ безтѣлесный
 Для тѣхъ, кто стихъ мой вспомнить наизусть.

Ты—завершенель рокового ряда:
 Тринадцать названо; ты—здѣсь, и пусть
 Четырнадцать назвать мнѣ было надо!

15.

Четырнадцать назвать мнѣ было надо
 Именъ любимыхъ, памятныхъ, живыхъ!
 Съ какой, отравно ранищей, усладой,
 Теперь, въ мечтахъ я повторю ихъ!

Но боль былую память множить рада:
 О, счастье мукъ, безстрашныхъ, молодыхъ,
 Назвѣкъ закрѣощенныхъ въ четкій стихъ!
 Ты—слаще смерти! ты—желаннѣй яда!

Какъ будто призраковъ туманный строй,
 Въ вечернихъ даяхъ рѣбеть предо мной, —
 И каждый образъ для меня священъ.

Вотъ близкія склоняются ко мнѣ...
 Въ смятены думы, вся душа—въ огнѣ...
 Но ты ль, вѣнокъ сонетовъ, неизмѣненъ?

22 мая 1916.

ВЛАДИМІРЪ
ЗВѢЗДНАЯ БУРЯ

I.

Скрежеща на пролетахъ, мосткахъ, перекинутыхъ черезъ овраги, рѣчуги съ черпильной отъ мховъ водой, скорый пролеталъ станцію за станціей, третій часть ночи обугливалъ фитили коптящихъ фонарей полустапковъ. Сырой гуль, падающій на октябрьскія поля въ бѣломъ туманѣ, угольная тьма, опустошенная, тоскующая земля несли съ зимнимъ холодомъ ночи, дрожащей колючимъ свербающимъ ипеетъ, послѣднее смертельное одиночество. Поѣздъ, составленный изъ пяти дорожныхъ вагоновъ, суставчатый, какъ легкій змѣй, съ длиннымъ тѣломъ международнаго вагона, завѣшаннаго и спящаго, бросая далеко смуглое золото искръ, гаснущихъ въ туманѣ, пролеталъ русскія поля, губернію за губерніей, съ юга, гдѣ созрѣлъ уже горьковатый миндаль и виноградъ, похожій на сладкіе соски сквозь тучныя жнивья южныхъ губерній, на сѣверъ.

Утромъ былъ иней, желтокъ солнца сіялъ въ лилово-розовомъ туманѣ, сквозь бѣлыя вѣтви перелѣсковъ, надъ прудами въ иглахъ и салѣ перваго льда, курчавой бѣлой травой, похожей на сладкій хворостъ, и пудрепные парики березъ. Въ громадныхъ окнахъ вокзала узловой станціи, гдѣ евреи съ клеткотомъ посыпали на перронъ, съ мрачнымъ великолѣпьемъ горѣли мѣдно-красныя люстры, зажженныя въ стеклахъ зарей. Дымящійся, облитый масломъ паровозъ долго сосалъ слоновій хоботъ крана, шумно вздувая запаленныя легкія, ускоряя вскорѣ тяжкій бѣгъ мимо огородовъ съ сизо-лиловой капустой, похожей на голубей; сухихъ жнивей съ отарами бредущихъ овецъ и пастухомъ въ горчишной соломенной шляпѣ; осеннихъ прудовъ, засыпанныхъ гусинымъ цухомъ, съ бабами, стоящими по колѣна въ водѣ, и бѣленными холстами, похожими на выпавшій снѣгъ.

Потомъ сіялъ осенній день, съ линялою голубизной фарфоровыхъ небесъ и вороньемъ, несущимъ отъ лѣса къ лѣсу черное кружево своихъ октябрьскихъ свадебъ, пока за голымъ лѣсомъ не зажелтѣлъ желчный холодный закатъ. Международнй вагонъ ночью, безшумный, съ плотно задвинутыми дверями купе, съ притушеннымъ свѣтомъ, напоминалъ длинный коридоръ дорогого дома свиданій. Днемъ ѣхавшіе въ немъ стояли у оконъ, прижавшись лбомъ къ рукѣ, и сидѣли въ фанерномъ вагонѣ-ресторанѣ, гдѣ мѣрно плескалась въ закрѣпленныхъ графинахъ вода, глядя на осенніе пейзажи, полные меланхоліи, пропоясанные подь локтемъ. Здѣсь ѣхали, возвращаясь съ юга, молодожены, похожіе на двухъ стриженныхъ красивыхъ мальчишекъ, загорѣвшіе до черноты, съ невѣрнымъ блескомъ темнѣющихъ глазъ; оперный актеръ, съ бритымъ зобомъ, въ вышитой дорожной фантастической пижамѣ; еврей-фабрикантъ съ женой, мѣрно несущей впереди чудовищную грудь, и два-три молодыхъ челоуѣка, которымъ все равно гдѣ прожигать жизнь, на югѣ ли или въ холодной Москвѣ, гдѣ глухари троекъ звенять вдоль Ямскихъ и бѣлаго, отъ снѣга Всѣхсвятскаго.

Проводникъ, усагый полякъ, съ сухимъ горбатымъ носомъ, похожій на кавалериста, въ ловко сшитой курткѣ, очабочно везшій своихъ кліентовъ, какъ хозяинъ дорогого отеля, безъ четверти три ночи постучалъ въ дверь крайняго купе, закрытаго всю дорогу.

— Лозовая, — сказалъ онъ, наклоня голову въ двери, — пану угодно отправить телеграмму?

Глядя минуту спустя въ щель, въ синеватый сумракъ, онъ увидѣлъ сухую ногу, туго охваченную свиной крагой, съ худымъ острымъ колѣномъ, поднятымъ къ подбородку.

— All right, — сказалъ ѣхавшій, — войди сюда.

Купе было туманно, полно трубочнаго дыма, сладкаго запаха табака, въ которомъ сложно смѣшаны запахи меда, рома и свѣжести. Сидя въ углу, положивъ ногу на ногу, ѣхавшій раскуривалъ короткую трубочку. Проводникъ, знавшій его еще изъ прошлыхъ путешествій, какъ зналъ иныхъ, славныхъ своимъ именемъ, богатствомъ, молодыхъ женщинъ, переходящихъ, какъ растущая въ цѣнѣ драгоценность, изъ однихъ рукъ въ другія, поглядѣлъ быстро, съ тѣмъ сладкимъ безпокойнымъ чувствомъ, какое ощущалъ

всегда, когда везъ людей, извѣстныхъ своей безпокойной и сомнительной славой, на круглый его бритый черепъ съ сливной синевою проростающей короткой щетины и на знакомое, обритое же лицо, того кофейнаго нѣжлаго оттѣнка, какой бываетъ лишь у метисовъ и у юношей-индусовъ. Большой, слегка толстогубый его ротъ, оттянутый складками книзу, былъ полнъ золотыхъ пломбъ и желтыхъ крѣпкихъ зубовъ.

— Какъ дѣла, Янекъ?—спросилъ пассажиръ, вынимая трубочку,—много соблазнилъ въ этомъ году дѣвочекъ, замужнихъ?

— Папъ смѣется,—сказалъ проводникъ, кланаясь.— Янекъ женатый человекъ. Папъ славно провелъ время на югѣ?

— Ба, развѣ можно уѣхать надолго,—отозвался пассажиръ быстро и раздраженно,—эти свиньи, русскіе дураки... кучера, конохи, а не жокеи. Развѣ можно довѣрить имъ лошадокъ?.. Они умѣютъ только пить водку или таскаться за дѣвками.

И проводникъ снова, съ тѣмъ же сладкимъ чувствомъ, посмотрѣлъ на маленькія его руки съ бѣлыми ладонями, гдѣ у погтей странно и таинственно отдѣлялся Востокъ отъ Европы, черный человекъ отъ бѣлаго, руки, извѣстныя Парижу и Чикаго, Москвѣ и Вѣнѣ, сломившія непокорность многихъ: скакуновъ, нервныхъ и мнительныхъ, англійскихъ вислозадыхъ кобылъ съ равномернымъ бѣніемъ старой британской крови, переливаемой изъ венъ въ вены на славныхъ заводахъ, американскихъ производителей, опухшихъ отъ мускуловъ, съ чудовищнымъ двойнымъ придаткомъ плодородія, и русскихъ лошадей тѣхъ черноземныхъ губерній, гдѣ издревль, отъ кургана въ кургану, носится вольный, глубокой запахъ пылины.

— Русскіе странные люди,—сказалъ наѣздникъ слова брезгливо, сунувъ трубочку въ ротъ, окутываясь сизымъ дымомъ. Имъ нужны лошади, чтобы дѣлать азартъ, женщины, чтобы мучаться, палка, чтобы скучать о свободѣ. Кромѣ того, все они пьютъ безъ мѣры, до тошноты, бѣгаютъ отъ женъ къ дѣвкамъ и играютъ въ карты. Можешь сѣсть, чего ты стоишь.

Поѣздъ мѣрно несъ во тьмѣ свое большое тѣло, бѣлый арабійскій плащъ дыма трепался позади раздраемый кустарниками.

— Въ прошломъ году Орловъ сломалъ Макъ-Магону спину на хорошей дорожкѣ, — сказала наѣздникъ снова, — и что же? Газетные дураки написали, что это несчастный случай, владѣлецъ потерялъ семьдесятъ тысячъ, а Орловъ отдѣлался тѣмъ, что вывихнулъ ногу... Капалья! Развѣ лошадь не та же человѣческая душа, она молчитъ, но она чувствуетъ не хуже насъ побѣду или проигрышъ, у нея есть самолюбіе и зависть. Въ Америкѣ лошадѣй ломаютъ, имъ ставятъ дыханіе, рысь, но это только дисциплина... Вы, русскіе, никогда не знали, что такое дисциплина. Мужчины у васъ неврастеники, а женщины плаксы... три года назадъ, проигравъ Дерби, Добрышинъ плакалъ, какъ дѣвочка.

Проводникъ, прижавъ за спиной ладони къ двери, стоялъ, выставивъ ноги, покачиваясь, въ маленькой своей польской фуражечкѣ безъ полей.

— Панъ помнитъ рыжую Мари? — спросилъ онъ, помолчавъ, вкрадчиво. — Теперь она уже не съ Мансуровымъ, ее взялъ Кузнецовъ, сдѣлала карьеру дѣвчонка.

— Ба, карьеру, — проговорилъ наѣздникъ, кладя ногу на диванъ и закидываясь въ уголъ, — карьера русской кокетки... Пять поѣздокъ въ Крымъ, три года — собственный автомобиль, англійскій выѣздъ, а потомъ надо переходить на гастроли въ провинцію, въ столицахъ имя уже слишкомъ истрепано. Къ тридцати годамъ онѣ моютъ волосы перекисью, чтобы освѣжить видъ, а любовники ихъ по очереди разоряются, прогораютъ на биржѣ, стрѣляются, приобретаютъ геморрой и подагру, собираютъ картины и китайскую бронзу, которыя однажды продаются съ аукціона... Россія — скучная страна. Я никогда не читалъ русскихъ книгъ, но знаю, что русскіе писатели пишутъ про одни убійства и непорядки, и если бы однажды прекратились бы убійства и сталъ бы порядокъ, то имъ не о чемъ было бы писать. Не можетъ же страна существовать одними беспорядками. Мнѣ тридцать восемь лѣтъ, Янекъ, двадцать три года я съ лошадьми, люди мнѣ безразличны, женщины противны, я люблю только лошадей. Хозяинъ мой, Толбузинъ,

считаетъ меня дикаремъ, черпокожимъ, но онъ такая же мокрая тряпка, какъ и всѣ другіе.

— Въ Россіи есть красивыя женщины, — сказалъ проводникъ вкрадчиво, — красивѣе иногда, чѣмъ у насъ въ Варшавѣ.

— Женщины, — проговорилъ наѣздникъ въ раздумьѣ, — я видѣлъ и красивыхъ русскихъ, и варшавянокъ, и въ Лондонѣ, на королевскихъ скачкахъ, я видѣлъ одну красивую, она была съ офицеромъ... Въ Коломбо я видѣлъ сингалезокъ съ длинными темными грудями, нѣкоторыя изъ нихъ были тоже очень красивы... Но что изъ этого? Я артистъ, Янекъ, а артистъ долженъ беречь себя отъ женщинъ, онѣ убиваютъ его мѣткостью глаза, силу мышцъ, крѣпость въ ногахъ. Въ Парижѣ послѣ скачекъ я получилъ записочку... Маленькую записочку. Я могъ въ тотъ же вечеръ получить много, но я разорвалъ записочку, я нарочно ушелъ изъ дома, ходилъ изъ кабака въ кабакъ и угощалъ дѣвочку абсентомъ. Если ты перекормишь лошадь или поздно послѣ проѣздки покроешь ее, она будетъ слаба на ноги, мнительна, будетъ страдать одышкой. Толбузинъ, мой хозяинъ, ты его знаешь, погибаетъ изъ-за женщины, это красивая женщина; теперь онъ не можетъ прожить безъ нее часа, скучаетъ, скоро раззорится, нефть однажды перестанетъ бить... Тогда она его броситъ. Любовь, Янекъ, это сорное растение, которое надо вырвать, чтобы оно не мѣшало жить. Люди придумываютъ ее себѣ такъ же, какъ придумываютъ Бога, чтобы было кому молиться. Они думаютъ, что любовь — это самое большое, что есть на свѣтѣ, а ты никогда не видѣлъ животныхъ въ гнѣвѣ? Если бы человѣкъ умѣлъ такъ сильно любить или ненавидѣть, онъ могъ бы сотворить новый міръ, какъ ему вздумается. Я видѣлъ еще однажды смерчъ въ пустынѣ, когда песокъ шелъ стѣной, и мы всѣ знали, что погибли, это было тоже страшно. А послѣ этого я былъ въ Парижѣ, ночью тамъ освѣщены всѣ кабаки. Человѣкъ трусливъ и подлъ, Янекъ, всѣ женщины продажны, и если бы былъ Богъ, Онъ бы навѣрно уничтожилъ всѣхъ людей, чтобы они не смѣли говорить, что Онъ создалъ ихъ. Дикари умѣе и лучше, они ничего не понимаютъ, но ничего и не выдумываютъ. Они знаютъ, что если женщина измѣнила, то надо убить ее, и что съ враговъ надо спи-

мать головы, чтобы они не могли дальше жить и размножаться. А здѣсь каждая замужняя женщина имѣла или имѣетъ любовника, а тѣ, которыя не имѣютъ, считаются дурами и всѣ смѣются надъ ними. Мужчины всѣ трусы и предпочитаютъ про враговъ сплетничать, а тѣ, которые не трусы, тѣ быстро погибаютъ во время войнъ или возстаній, или ихъ высылаютъ, какъ опасныхъ людей. Въ Америкѣ съ голода они начинаютъ заниматься торговлей, богатѣютъ и становятся такими же, какъ и всѣ, или еще хуже. Съ людьми мнѣ скучно, Янекъ.

— Панъ не вѣрять въ Бога, — сказалъ проводникъ, глядя на ноги, — въ Бога не можно не вѣрять. Богъ можетъ сдѣлать счастливую или грустную жизнь.

— Я ни въ кого не вѣрю, — проговорилъ паѣздникъ, морща вдругъ коричневое, одутловатое лицо, и я не знаю, что значить грустить. Если мнѣ скучно, то я ложусь спать или иду къ лошадамъ, или пью вино. Отъ вина мнѣ становится весело, и тогда, если я захочу, я могу представить себѣ, что взялъ подрядъ три королевскихъ приза. Другіе же, если имъ скучно, напиваются, какъ свиньи, водкой или абсентомъ, и тогда ихъ тошнить въ раковину; иные ухаживаютъ за женщинами и везутъ ихъ въ номера, чтобы представить себѣ, что это любовь, и дѣлаютъ тамъ всякія гнусности, особенно въ Парижѣ. Въ Сайгонѣ китайцы жрутъ гашишъ и курятъ опій и ходятъ, какъ чумные, на слабыхъ ногахъ и съ бѣлыми глазами. Всѣ люди одинаковы, китайцы ли это или русскіе конюха, и я одну лошадь не отдамъ за пять человѣкъ. Лошадь можетъ страдать, но она молчитъ, у нея человѣческіе глаза, и она можетъ такъ же грустить, какъ и человѣкъ. Но конюха бьютъ ихъ по глазамъ, а люди ихъ холостятъ, чтобы они не беспокоили ихъ своимъ нравомъ.

— Но если люди погибаютъ на войнѣ, или если разбойникъ вырѣжетъ семью и дѣтокъ, то ихъ жалко, — сказалъ проводникъ спокойно.

— Войну всегда затѣиваютъ люди изъ-за жадности или расчетовъ. Тѣхъ, кто хочетъ нажить, мнѣ совсѣмъ не жалко, пусть они гибнутъ. А тѣхъ, кому велятъ идти и они ничего не понимаютъ и идутъ, мнѣ ихъ тоже не жалко, потому что они рабы, и они ничего не смѣютъ сдѣлать въ жизни

сами. Толбузинъ считаетъ меня диваремъ и смотритъ какъ на лошадь, а я хочу, чтобы завтра перестала бить его нефть, чтобы онъ раззорился и женщина бросила бы его. Тогда онъ пойметъ, что онъ просто старый дуракъ и что женщину эту любить будутъ другіе, и она всёхъ будетъ раззорять, потому что у нея холодное сердце, и всё будутъ несчастны, а однажды она сама полюбитъ какого-нибудь шарлатана, будетъ за нимъ ѣздить, потому что онъ будетъ сильнѣе и умнѣе ея. Какой можетъ быть при всей этой чепухѣ Богъ, Янекъ?

— Не было бы Бога, не было бы свѣта и мы не говорили бы сейчасъ, — сказалъ проводникъ уклончиво.

— Богъ! Богъ есть въ вашихъ костелахъ и чтобы сыты были ваши священники. У меня есть одинъ Богъ — это мои глаза, моя голова, мои руки, и если у меня ослабнуть руки или помутнѣютъ глаза, лошади перестанутъ меня бояться и меня выбросятъ къ чорту. И твой Богъ съ тобой, Янекъ, потому что ты бережешь себя, и машинистъ не пьянъ и не сошелъ съ ума и бережетъ себя, и стрѣлочникъ не сошелъ съ ума и бережетъ себя, иначе бы экспрессъ давно бы налетѣлъ на другой поѣздъ или свалился бы подъ откосъ, а ты ѣдишь въ поѣздахъ восемнадцать лѣтъ и ничего съ тобой не случилось. И вотъ здѣсь нашъ Богъ, въ твоей и моей головѣ, а совсѣмъ не на небѣ и не въ костелѣ. На небѣ есть звѣзды, это я знаю, и бываютъ бури и циклоны, но это только плохая погода, и это знаютъ всё капитаны. Поэтому, когда начинается буря, они велятъ убрать всё паруса и велятъ всѣмъ матросамъ быть на мѣстахъ, а не молятся Богу, какъ молятся всё, когда имъ становится опасно жить. Звѣри тоже не молятся Богу, а если имъ кто-нибудь угрожаетъ, они скалятъ зубы и выискаютъ когти.

Онъ поднялся съ дивана, надѣлъ на ходу въ рукава мѣховое пальто и прошелъ по сонному коридору къ площадкѣ, за окнами которой летѣли назадъ черные кусты, искры, бѣлыя поля во мракѣ. Ночь становилась все блѣднѣе, туманнѣе, лунный свѣтъ дальнихъ фонарей дымно просачивался въ тьму. Стучая по стрѣлкамъ запасныхъ путей, мимо спящихъ товарныхъ поѣздовъ, окутанный дымомъ, поѣздъ подходилъ къ станціи. Взявшись за поручни, наѣзд-

никъ сошелъ на ступеньку, и сейчасъ же ревъ вѣтра, съ солью инея, морозная буря залѣпили ему глаза.

Станція была пустыня, отправившая недавно на югъ п востокъ поѣзда, только въ залѣ, жидко освѣщенной, сидѣлъ на узлѣ съ желѣзнымъ аршиномъ въ рукѣ молодой китаецъ, похожій на загорѣлую некрасивую дѣвушку. Въ низенькой комнатѣ телеграфа постукивали, звякая, мѣдный юзъ, бѣлая лента, поднимая спинку, сползала съ пальцевъ телеграфиста. Пѣздникъ сдалъ телеграмму, прошелъ обратно на перронъ, мимо китайца, грустно скалившаго слабые желтые зубы, похожаго на мерзнувшее тропическое животное, и всталъ у вагона, пряча въ рукава руки. Вагоны, бѣлые отъ инея, низкій дымъ вздыхающаго паровоза, вѣтеръ, метущійся надъ смутными полями, предвѣщали еще большее одиночество, пустынность зимы, заносающей метелями весь дальнй путь на сѣверъ. Мелкй нафталинъ инея опускался дрожа, туманная серъга Орiona просачивалась подъ облаками, стремительно несущими свои темныя груди, полныя снѣга и осеннихъ дождей. И колочйй блескъ звѣздъ, и шумъ холодной б.ри напомнили ему вдругъ другое, давно забытое, старый португальскйй пароходъ, на которомъ юношей совершалъ онъ первое свое дальнее путешество. Тогда такъ же надъ Краснымъ моремъ стояли мутныя звѣзды, и между небесными веретенами тянулась вряжа Млечнаго Пути. Тогда была молодость, звѣрная жажда жизни, легкая тропическая одежда, сквозь которую вѣтеръ пустыни обжигалъ тѣло.

Взявшись за поручни, онъ поднялся въ вагонъ, прошелъ въ куле и сѣлъ снова въ уголь, поlying горячимъ табакомъ. За окномъ, сверкающимъ синеватымъ блескомъ морозной хвои, расписанной вдоль, позвонили, паровозъ помчалъ, засипѣлъ, сталъ реветъ, рожа въ воротникъ, похожемъ на жабо, стала пухнуть щекой на сизомъ стеклѣ, человекъ поползъ кверху и три раза пробѣжалъ быстро мимо. Внезапно желтый колпачекъ мѣсяца всплылъ, какъ поплавокъ, въ мыльной пѣнѣ облачка, вскорѣ легко скользля вслѣдъ по верхушкамъ елей, поѣздъ дугой сворачивалъ, входя въ тьму лѣсовъ. И здѣсь, сидя въ углу, глядя на хромой мѣсяць, пѣздникъ вспомнилъ дальше, что до Джибути въ морѣ былъ штиль, вѣтеръ, дувшйй съ берега, приносилъ обожженное горячее дыханіе пустыни. Тамъ, гдѣ англййскіе офицеры

въ шлемахъ, въ бѣломъ, глотали ледъ, изнемогая отъ зноя, онъ былъ одинокъ, судьба несла его черезъ моря вслѣдъ за господиномъ, русскимъ лейтенантомъ Петровымъ. Португальскій пароходъ, низко осѣвншій отъ груза, былъ старъ, совершалъ послѣднее свое путешествіе, предназначенный на сломъ. И онъ запомнилъ далѣе Джибути, затерянный въ пескахъ, толпы нубійцевъ и сомали, блестящихъ на солнцѣ чернымъ угольнымъ лакомъ кожи и конскимъ волосомъ спутанныхъ гривъ, свѣтло-коричневыхъ абиссинцевъ и молодыхъ женщинъ, едва прикрытыхъ тканями. Тамъ же, въ Джибути, стоя на носу парохода, глядя на звѣздное небо и лиловый блескъ воды, слушая музыку съ берега, гдѣ французская колонія принимала офицеровъ, онъ ощутилъ впервые ту тревожную, горькую грусть, можетъ быть мечтанье о любви, какую ощутилъ однажды позднѣе, на лондонскихъ скачкахъ, гдѣ женщина поглядѣла на него съ тѣмъ мгновеннымъ блескомъ потушенныхъ глазъ, въ которомъ иногда можно услышать и призывъ, и желанье сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ словахъ въ мірѣ. Тропическая ночь, звѣздыны сѣмена, раскиданныя въ небѣ, и хижины сомали, одиночество и его молодость запомнились ему на всю жизнь, какъ запомнился дальше, черезъ день, свѣжій муссонъ, разведшій на пути къ Коломбо волны, кипѣвшія вдоль бортовъ, гребень за гребнемъ, съ кипучею яростью, и утромъ, послѣ многихъ дней пути и послѣ ливня, съ шумомъ и бѣлыми молніями пронесшагося надъ пароходомъ, Цейлонъ, Коломбо, красный отъ глины, въ знойномъ блескѣ зелени кокосовыхъ пальмъ, каучука и табака, солнцѣ, теплѣ; пироги съ сингалезами въ юбкахъ, съ шиньонами длинныхъ женскихъ волосъ на макушкѣ, съ оранжевыми языками отъ бетеля; и слѣдомъ Китайское море, надъ которымъ лиловыя обвислыя тучи, проносящіяся съ муссонами, проливали потоки ливней, путь къ Сайгонѣ, и Сайгона съ алыми крышами, въ садахъ и трескѣ цикадъ, конецъ скитаній—и только начало скитаній, откуда пошли пути въ Парижъ, въ Вѣну, въ далекую Россію. И онъ представилъ собѣ себя вновь шестнадцатилѣтнимъ, похожимъ на одного изъ тѣхъ сомалійскихъ мальчишекъ, которые ловили ртомъ су, бросаемя съ парохода въ море, входящимъ впервые въ одинъ изъ парижскихъ кабаковъ, гдѣ женщины съ накрашенными губами, цѣдившія сквозь

соломинку, оглядѣли его быстро и жадно, какъ въслѣдствіи оглядываль онъ лошадей. И тамъ же, въ осеннемъ Парижѣ, гдѣ онъ дрогъ тогда въ своемъ короткомъ щегольскомъ пальто, тоскуя по горячимъ сухимъ вѣтрамъ родины, — много лѣтъ спустя онъ равнодушно, въ цилиндрѣ на затылкѣ, проходилъ мимо толпы, кипѣвшей бѣлой пѣной лицъ и платковъ. Здѣсь, гдѣ на кладбищѣ Père-Lachaise былъ похороненъ его первый хозяинъ, лейтенантъ Петровъ, онъ узналъ женщинъ, успѣхъ и деньги, и великую тщету всѣхъ человѣческихъ усилій. Виноградныя облака, оранжевое солнце въ желтой пыли садились за Исси ле Мулино, когда трибуны встрѣтили его, какъ побѣдителя, съ ревомъ и бѣлымъ мельканьемъ женскихъ платковъ, и та же толпа годъ спустя съ тѣмъ же ревомъ освистала его, мокраго, уничтоженного, съ дрожащими ногами...

Въ полночь, когда проводникъ, обходившій свои владѣнья, подошелъ къ дверямъ, онъ еще не спалъ, подогнувъ ноги, онъ думалъ.

— Пану не снится? — спросилъ проводникъ, наклоняя голову.

И онъ отвѣтилъ отрывисто:

— Слишкомъ крѣпкій табакъ. Надо спать, Янекъ. Люди страдаютъ бессонницей отъ денегъ и женщинъ. Слава Богу, у меня нѣтъ ни того, ни другого.

II.

Проходя черезъ магазинъ, громадный, съ зеркальными стеклами, сыро пахнуцій рыбой и сладостью гніющихъ фруктовъ, Елена указывала маленькой рукой въ замшевой сѣрой перчаткѣ плѣшивенькому приказчику, слѣдовавшему за ней, изображавшему на измятомъ лицѣ веселую готовность, застывшую улыбку внимательнаго и великодушнаго хозяина. Магазинъ, похожій на аранжерею пестрой и дикой окраской своихъ яствъ, съ мокрыми опилками на каменномъ полу, былъ полонъ дымнаго свѣта близкихъ сумерокъ, проходившихъ сквозь громадные стекла. Переходя отъ прилавка къ прилавку, мимо громадныхъ безголовыхъ рыбъ, влажно блестящихъ своимъ розовымъ мясистымъ тѣломъ,

уродливо-искривленныхъ палевыхъ грушъ, омаровъ, похожихъ издали своими алыми фарфоровыми спинками на чудовищныя гребешки настурцій, Елена временами, словно вспоминая, поворачивалась назадъ, глядя вглубь магазина, откуда знакомые глаза, къ блеску и обожанію которыхъ она уже привыкла, слѣдили за ней издалека. И она на мигъ въ прищуренномъ отвѣтномъ взглядѣ и короткомъ движеніи къ нему говорила, что помнить, чувствуетъ, единственно съ нимъ... Приказчикъ, многосемейный, въ коричневыхъ ботикахъ и съ непокрытой головой, забывая временами о своихъ обязанностяхъ, вдругъ задумывался, глядя мимо покупателя, въ синее окно, за которымъ чернѣла вечерняя толпа. Въ этотъ часъ, подѣзжая на рѣзвыхъ извозчикахъ, лошади которыхъ густо дымились, отстанываясь,—мужчины дѣловито покупали фрукты и вино, можетъ быть для долгаго ужина вдвоемъ, когда опущенныя въ бокалъ женскія губы таятъ прелесть горькихъ и пьяныхъ поцѣлуевъ.

Обойдя весь кругъ и вернувшись назадъ, сжимая знакомую узкую руку, Елена говорила на ходу жадно и торопливо:

— Гадкій мальчишка... Гуссейнъ, ты слышишь? Я брошу тебя, если будешь смотрѣть на другихъ женщинъ... Глухой, любимый мальчишка!..

Загораясь вдругъ отъ смутнаго темнаго чувства, блѣднѣя всѣмъ смуглымъ мальчишескимъ лицомъ, онъ поворачивалъ къ ней темнѣющіе глаза, блескъ которыхъ въ долгія ночи она гасила ненасытимою жадностью. Приказчикъ, ловко кидавшій за рѣшетку мальчишкѣ въ полосатомъ фартукѣ свертки, поглядѣлъ на ея лицо въ зрѣлой и увѣренной красотѣ и вдругъ забеспокоился отъ своего пристальнаго и лишняго взгляда. И Гуссейнъ, поймавъ этотъ взглядъ, наполняясь отъ него внезапно сладкой тревогой, увозилъ ее отсюда минутой спустя, кутающуюся въ мѣха, какъ таинственнаго сѣроглазаго звѣря.

Въ высокихъ саниахъ, прикрывая мѣхомъ лицо, она глядѣла на него искоса блестящимъ, потупленнымъ глазомъ. Кучеръ, зло и нагло окрикивающий съ высоты, зорко глядя въ синюю мглу, увѣренно направлялъ лошадь къ знакомой улицѣ, гдѣ изо дня въ день темнѣла гуляющая праздная толпа, останавливаясь у освѣщенныхъ витринъ съ тепло сіяющими жемчугами и перстнями на синемъ бархатѣ и лег-

кимъ прахомъ женскихъ тканей, льющихся сверху. Кафе, низкое и желтое, въ сладкомъ дыму египетскихъ папиросъ, было полно тѣхъ же праздныхъ женщинъ и молодыхъ людей, жеманно проходящихъ между столовъ, покачивая женскими бедрами. Синяя мгла за окномъ, какъ тончайшій дымъ пудры, пронизывалась стекляннымъ свѣтомъ зажигаемыхъ фонарей. Здѣсь, гдѣ царила знакомая праздная скука, женщины съ вылыми улыбкамі прекрасныхъ лицъ, заполняя пустоту просторнаго дня, искали разнообразія, можетъ быть счастливыхъ и тревожныхъ встрѣчъ; въ эти часы ихъ скачущіе глаза были полны живой прелести, храня томительную грусть. Молодые люди, обиженные невниманіемъ, дѣлали равнодушныя лица, усиленно курия или озабоченно проходя къ телефону, въ короткихъ брючкахъ и куцыхъ пиджачкахъ съ высоко поднятыми плечами. Сидя за угловымъ столомъ, спокойная и увѣренная, теперь уже знакомая всѣмъ, какъ знакомъ былъ и тотъ, кто сидѣлъ подлѣ нея, похожій на младшаго брата, Елена говорила быстро и разбѣнно:

— Если я тебя брошу, ты будешь несчастенъ, Гуссейнъ? Ну, что ты молчишь, глупый мальчишка, любимый, любимый!..

И теряясь въ трудно находимыхъ словахъ, прекрасно вдругъ блѣднѣя отъ возможнаго отчаянія, онъ отвѣчалъ:— Тогда я убью тебя... никому не позволю быть съ тобой...— Смутно, по-женски она была встревожена и благодарна за эти слова.

Окна мутно лоснились отъ огней, скоро толпы служащихъ брели по домамъ, закончивъ трудовой день. И еще часъ спустя, съ ревомъ и дроздинымъ посвистомъ, траурныя машины развозили по театрамъ женщины съ непокрытыми головами, похожихъ снаружи на неживыхъ, хлопая дверцами у колоннъ, гдѣ сдерживали кучера рысаковъ, бросающихъ по бобамъ крутой горячій паръ.

Театръ, высокій и просторный, въ тревожно блистающей позолотѣ, былъ полонъ неяснаго шума, гула толпы, низко, какъ лѣтняя тучная женщина, осѣвшей въ креслахъ, принесшей сюда звуки всѣхъ своихъ простудъ и длительныхъ недомоганій. Положивъ передъ собой на барьеръ руку въ длинной бѣлой перчаткѣ, Елена знала, какъ знала

и каждый разъ, что въ этихъ смуглыхъ рядахъ, уходящихъ дугами вверхъ, къ пыльнымъ лимоннымъ хрустальямъ люстры, она замѣтнѣе всѣхъ, со своими открытыми елисаветинскими плечами, розово-жемчужными отъ тончайшей пудры, и тѣмъ блескомъ глазъ, печальнымъ и дерзкимъ, какимъ таинственно и смутно сіяютъ всѣ женскіе глаза при свѣчахъ, передъ вечеромъ, въ слюдяной глубинѣ зеркаль. И ей вновь захотѣлось ощутить холодное вдохновеніе актрисы, которую всѣ знаютъ; уставшей и блѣдной, перегорѣвшей отъ успѣха, выйти въ платкѣ изъ уборной, пробираясь въ вестибюль съвозъ толпу; узнающую ее, испуганно и восхищенно. И позднѣе, выходя изъ театра, она сохраняла то же боязливое и страдальческое выраженіе лица, словно не отрѣшившись отъ роли. Низкая, снѣжная туча лежала надъ городомъ, желтыя шлеи фонарей уходили въ туманъ. Прижимаясь весь снѣжный путь черезъ городъ къ плечу того, кто далъ ей эту легкую и сіяющую жизньъ, и дома, за дверьми его тяжелатаго оливковаго кабинета съ бронзовыми лошадьми, она говорила громко и пѣвуче, словно обращаясь къ толпѣ:

— Гуссейнъ, ради тебя я порвала со сценой, ты долженъ это знать... Мнѣ давали роль Норы, но я отказалась, я не хотѣла, чтобы между нами была сцена. Ты долженъ понять, что это за жертва для актрисы.

Онъ молча и восторженно слѣдилъ за ней, курия въ углу дивана папироску; двери въ спальню были открыты, отсюда въ туманной глубинѣ зеркаль видны были знакомыя обнаженныя руки и свѣтлое мельканіе легкихъ кружевъ широкихъ ругавовъ. Кабинетъ былъ темень, въ зеленомъ дыму низкой лампы, съ полукруглыми окнами, за которыми по утрамъ виденъ былъ снѣжный городъ, сальная рѣка и дальніе сизые лѣса, гдѣ, казалось, шла другая земля, въ папортичкѣ и туманѣ. Въ эти утренніе часы, когда на ипподромѣ, дрожа отъ нетерпѣнія, съ мягкими блестящими грудями, макаванными пѣной, легко вздымая бѣлый снѣжный прахъ, лошади совершали пробѣжку мимо трибунъ, откуда, пряча въ мѣха озябшее лицо, Елена смотрѣла внизъ на наѣздниковъ, — въ эти часы гдѣ-то за тысячи верстъ персы съ шафранными ногтями, оборваные армяне, похожіе на дервишей, весь нищій сбродъ востока, въ отрепьяхъ, кроши-

таннѣхъ нефтянымъ густымъ жиромъ, бурлили и сверлили землю, чтобы однажды новая тяжелая мутно-зеленая струя хлынула изъ нѣдръ, изъ глубинъ пересохшихъ великихъ морей, и чтобы сѣроглазая женщина, смотрящая съ трибунъ внизъ, ни въ чемъ не узнала отказа.

Здѣсь, въ спальнѣ, полной горькаго запаха духовъ, глухой отъ шкуръ, уже ночью, очнувшись отъ недолгаго сна, Елена провела вдругъ тревожно рукой по короткимъ волосамъ безильной головы, лежащей у ея плеча. Спальня, холодѣющая передъ утромъ, показалась ей похожей на дорогой номеръ большой гостиницы, какъ послѣ часовъ близости похожи всѣ комнаты въ мѣрѣ. Разсвѣтъ пустынно и просторно вставалъ въ окнахъ спальни, гдѣ лишь часы назадъ догорѣлъ горькій и безумный пламень. И еще недавно знавшая всю свою смутную и глухую власть, Елена ощутила вдругъ смертельное одиночество. Касаясь худого мальчишескаго плеча, она сказала громко, пугаясь до отчаянія своего голоса:

— Ты спишь, Гуссейнъ?.. Господи, но не надо же спать,—замыкая руки на его шеѣ, теряясь отъ отчаянія.— Развѣ я знала, что такое любовь... развѣ не страшно, что я старше тебя, какъ мать... Когда ты бросишь меня? Можетъ быть, завтра.

Еще не очнувшись отъ сна, припадая къ ея отяжелѣвшимъ, уже вялымъ губамъ, сливая съ ея дыханіемъ свое, онъ говорилъ ей въ ротъ глухія отвѣтныя слова нѣжности. Она лежала на спинѣ, не отпуская его рукъ, глядя въ окно. Звѣзды выступали по темному склону, блестя застывшей водяной пылью, острымъ стекляннымъ сіяніемъ, какъ осколки зеркала. Городъ засыпалъ въ снѣгу, ревя прощальными головами паровозовъ, уходящихъ въ тьму, въ поля, въ глухую страну. Ихъ лунное дыханіе дрожало надъ вокзалами, гдѣ днемъ, мимо угольныхъ насыпей, блестящихъ агатовымъ каменнымъ блескомъ, съ жестянымъ скрежетомъ ползли трамвай. На запасныхъ путяхъ, возлѣ товарныхъ станцій съ досчатыми мостками, стояли товарные поѣзда, зіяя черными звѣвами раскрытыхъ кирпичныхъ вагоновъ, откуда изо дня въ день съ ревомъ и грохотомъ выгружали ящики и кули, дымящіяся лошади развозили ихъ во всѣ концы города, склады и амбары, лабазныя и мясныя. Каждое утро гнали съ вок-

заловъ на бойни ослабѣвшій отъ пути, шалый скотъ; городъ, сонный и туманный, еще въ бѣлесоватомъ дымѣ разсвѣта, былъ пустынею и холоденъ въ эти часы. Лихачи съ засахаренными бородами, звеня серебрянымъ наборомъ шлей, возвращались отъ загородныхъ ресторановъ, сѣдоки ихъ, съ синими тѣнями у глазъ, были блѣдны отъ любви и вина, и тягучихъ цыганскихъ пѣсень. Ночной трамвай проходилъ тяжело и медленно, какъ большой катафалокъ. Иней и холодный вѣтеръ на площадяхъ, бѣлое небо и воронье со скрипомъ поднявшееся надъ бульварами, обѣщали пустыньность зимняго дня, конецъ короткой любви, залженной виномъ и яростью пѣсень. Холодная и бѣлая земля шла по зениту къ тревожнымъ и сырымъ днямъ оттепели, долгимъ и рыжимъ закатамъ весны.

Опираясь на локоть, Елена поглядѣла ближе, пристальнѣе на его спящее усталое лицо, съ темными дѣвичьими дугами бровей; отроческая блѣдность напомнила ей вдругъ, что первый ребенокъ родился мертвымъ и что пустота въ то сырое мартовское утро, когда послѣ долгихъ дней болѣзни и горя она подошла къ окну, была страшной и послѣдней... Въ то утро она была только больной и несчастной женщиной, и можетъ быть, всѣ послѣдующіе годы она лишь, какъ легкимъ снѣгомъ, заметала эту боль глухими и пьяными ночами, въ которыхъ, какъ серебряныя кольца, звенѣли глухари троекъ. Разсвѣтъ былъ медленъ и дологъ, въ колючей крупѣ, шуршащей по стекламъ. И въ эти часы, глядя на худую открытую ключицу, она испытала лишь сладкую женскую жалость; его стриженная голова касалась ея руки, и она прикрыла съ суровою нѣжностью его стынувшее плечо, теперь уже старше его, не любовница, случайная подруга, которой онъ отдалъ первую страсть, можетъ быть, предназначенную для другой.

III.

Потирая на ходу озябшіе пальцы, въ короткой мѣховой курточкѣ, открывающей тугой мальчишескій задъ, крѣпко ставя короткія кривыя ноги, наѣздникъ быстро прошелъ черезъ манежъ, къ конюшнямъ, бѣлымъ и веселымъ на видъ, со многими высокими окнами, занесенными снѣгомъ. За ними,

за пустыремъ и деревьями, виденъ былъ ипподромъ, съ отбитой лоснящейся отъ проѣздовъ дорожкой, въ рыжемъ навозѣ и желто—зеленыхъ подпалинахъ. Трибуны, теперь пустынные, чернѣли далеко своими деревянными переходами, падакомъ съ опущеннымъ флагомъ и судейской будкой, похожей на чудовищный голубятникъ. Наѣздникъ толкнулъ ногой обитую дверь, и сейчасъ же, чуть тумана голову, какъ обычно, острый знакомый запахъ конюшни, навоза и мокрой соломы наполнилъ его легкимъ веселымъ возбужденіемъ. Раздувая ноздри, дѣловымъ шагомъ онъ подошелъ къ крайнему станку, гдѣ, закативъ красноватый бѣлокъ, звякая цѣпью, вороной жеребецъ потянулся къ нему, дуя изъ мягкихъ ноздрей.

— Доброе утро, Блэкъ, — сказалъ наѣздникъ и потеръ ему переносицу, по бѣлой отмѣтинѣ, — какъ мы спали? Настроеніе? Желудокъ?

И жеребецъ, играючи, дергая головой и скаля желтые зубы, схватилъ его за рукавъ. Давая ему играть, наѣздникъ быстро потрогалъ его ноги съ огромными асфальтовыми бабками, крутую грудь съ перегнаннымъ въ мускулы жиромъ, подвернулъ хвостъ, чтобы взглянуть, не осталось ли на рѣпицѣ навоза — лошадь была въ порядкѣ.

— Блэкъ, вы совершенно здоровы, — сказалъ онъ сквозь зубы, — благодарю васъ.

Задирая голову, ставя уши, жеребецъ заржалъ вдругъ звонко и протяжно.

— Побольше спокойствія, — сказалъ наѣздникъ снова, зачерпнувъ изъ кормушки, — спокойствіе, увѣренность, твердость.

И онъ пошелъ дальше, отъ станка къ станку, сквозь весь нарядный денникъ, свѣтлый отъ многихъ оконъ и отъ снѣга, густо выпавшаго за ночь. Во дворѣ кошоха вели къ ипподрому лошадей въ коричневыхъ попонахъ съ круглыми прорѣзами для глазъ, похожими на автомобильныя очки, гоняли иныхъ на кордахъ, выносили навозъ, густо дымящійся на вѣтру. Въ слѣдующемъ станкѣ, накрытый вѣтчатой желтой попоной послѣ проѣздки, вращая дикими глазами, стоялъ вислосадыи рыжій производитель, уже кончающій скаковую карьеру, назначенный на заводъ, чтобы обратить горячее буйство крови въ новую жизнь.

— Ты уже пропотѣлъ, любезный, — сказалъ наѣздникъ, просовывая подъ понону руку, — стой спокойно, не волнуйся. Если будешь волноваться, не получишь пить. — онъ пошелъ далѣе, мимо сѣрой Луизы, взявшей годъ назадъ подрядъ четыре приза, и безпокойныхъ трехлѣтокъ, на которыхъ притворно сердито онъ прикрикнулъ: — Тихо, — къ крайнему станку, гдѣ уже полчаса, слыша голосъ, дрожала мелкой нервической дрожью пепельная кобыла, гордость конюшни, единственная Дженни, выступающая на дняхъ впервые. И наѣздникъ, только что притворно кричавшій на молодежь, звонко хлопавшій лошадей по крупамъ, сталъ вдругъ серьезень. Онъ молча съ нѣжностью провелъ рукой по вздрагивающей каждый разъ отъ прикосновеній кожѣ, пощекоталъ ей ямку за ушами, въ то время какъ попрежнему недоумчиво лошадь задирала голову, дрожа, уже не владѣющая чувствами, переступая по намокавшей каждый мигъ все больше соломѣ. Наѣздникъ оглядѣлъ ее серьезно и озабоченно, и сейчасъ же, держа съ двухъ сторонъ подъ уздцы, конюха со стукомъ стали выводить ее во дворъ. Пока во дворѣ осѣдывали крошечнымъ желтымъ сѣдломъ съ короткими стременами, она трижды покрылась испариной, вдругъ похудѣла, дрожа на тонкихъ сухихъ ногахъ. Просовывая руку подъ подпруги, наѣздникъ обошелъ лошадь вокругъ, оперся о плечо конюха и внезапно легко перекинулъ на сѣдло тѣло, ставя въ коротенькихъ стременахъ колѣнами вверхъ, къ подбородку, ноги. Лошадь рванула въ сторону, но, рѣзнувъ ей ротъ желѣзомъ, онъ разобралъ поводья и, пригибаясь къ шеѣ, направилъ ее шагомъ къ ипподрому. Постукивая по откатанной дорожкѣ, забрасывая грудь пѣпой, взвизгивая отъ шенкелей, кобыла легко пронесла мимо пустыря съ кустами въ снѣгу, за которыми бѣлѣлъ шершавый нахохленный паркъ, къ знакомой дорожкѣ; по ней, съ вѣтромъ и летучимъ стукомъ копытъ, вздымая снѣжную пыль, пролетали уже жокеи. Пыле, дѣлая полукруги подлѣ трибунъ, успокаивали лошадей, пуская иногда на полуверсту, чтобы разогрѣть кровь, и сбивая на рысь. Пригибаясь къ сѣдлу, наѣздникъ проѣхалъ дважды рысью мимо трибунъ, сдержалъ запотѣвшую лошадь, и сейчасъ же жокей, наѣзжая на него огромнымъ мышастымъ жеребцомъ въ битахъ, сказалъ весело:

— Гудъ, черный дьяволъ, Дженни твоя какъ разъ теряетъ четыре секунды, она нервна и отдаетъ всю силу на первой верстѣ. Магнать идетъ, какъ секундная стрѣлка.

И наѣздникъ отозвался сквозь зубы:

— Толбузинъ можетъ быть спокоенъ, Дженни оправдаетъ ему содержаніе. Во всякомъ случаѣ, она меньше его беспокоитъ и стоитъ дешевле, чѣмъ его дѣвченка.

Они легко, едва касаясь на рыси сѣдла, пошли назадъ, къ судейской будкѣ, къ бѣлой чертѣ старта. Поглядѣвъ на секундомѣръ на рукѣ, надвигая картузь, наѣздникъ проѣхалъ черту, повернулъ—и съ вѣтромъ и стукомъ, съ остановившимся сердцемъ, радуясь вольной игрѣ, нагоняя мышастаго жеребца, ритмически выбрасывающаго забинтованныя ноги, лошадь понесла мимо трибунъ. Ослабляя тяжесть своего тѣла и кидая ее вслѣдъ за поводьями, съ стекляньющими глазами отъ слезъ, наѣздникъ не мѣшалъ ей въ этой легкой игрѣ, но, уже настигая кругъ жеребца, тяжело выбрасывающаго воздухъ, смирилъ вдругъ ее, сгибая шею, утишая ярость дыханья. Теперь за поворотомъ виденъ былъ дальній дымокъ уходящаго поѣзда, снѣжное поле и паркъ въ снѣгу и туманѣ. И минуты спустя, выкинувъ вдругъ лошадь круглымъ короткимъ взмахомъ локтей впередъ, обгоняя ревущаго отъ ярости и злобы жеребца и жокея, бьющаго его короткими быстрыми ударами, припавъ къ лошади, вдыхая ѣдкій запахъ кожи и конскаго пота, онъ миновалъ послѣднюю версту, легко, почти весело выигрывая побѣду.

Позднѣе, мокрый, съ отяжелѣвшими, какъ отъ выпитаго много вина, ногами, въ кофейномъ маслѣ пота, блестящаго на лбу и щекахъ, онъ вошелъ снова въ конюшню, отирая глаза, обожженные вѣтромъ. И жокей, съ длиннымъ мальчишескимъ безбровымъ лицомъ, скрестившій у входа голенастыя ноги, сказалъ ему съ обезьяней гримасой:

— Морицъ желаетъ васъ видѣть, сэръ.

— Онъ плохъ, мальчишка?—спросилъ наѣздникъ быстро и тревожно, и пошелъ вслѣдъ за нимъ мимо денника и рабочей конюшни, гдѣ уставшія отъ работы лошади, въ лохмахъ спутанныхъ гривъ, съ жадностью и хрустомъ пожирала овесъ. Здѣсь крѣпче пахло навозомъ, и поздній приплодъ простолюдинокъ, шершавые жеребята, поминутно

просовывали къ матерямъ подъ брюхо, къ чернымъ короткимъ соскамъ, мягкія дѣтскія губы. Лошадь умирала въ боковомъ сарайчикѣ, въ дальнемъ углу, положивъ голову между переднихъ ногъ и короткимъ больнымъ дыханіемъ сдувая солому. Обвислые, большіе ея глаза были человѣчески темны, словно храня послѣднюю усталую мысль. Услышавъ знакомые голоса, она попыталась поднять слабую голову, забавивъ глаза, сбивая ногами подстилку.

— Лежи, Мориць, спокойно, — сказала жокей смѣшливо. Ты славно пожилъ, красивыя польки смотрѣли на тебя въ Варшавѣ.

И стоя подлѣ, глядя на глаза, хранящіе человѣчскій блескъ, наѣздникъ вспомнилъ вдругъ иное, зеленое поле ипподрома въ ровныхъ бѣлыхъ кругахъ, по которому на коричневой сухой лошади, дрожавшей такъ же, какъ сегодня дрожала Джени, и теперь умиравшей, онъ проѣзжалъ мимо ревущихъ трибунъ, — и то, что семь лѣтъ съ тѣхъ поръ прошли мгновенно, въ смѣнѣ часовъ труда и знакомой тяжести отъ выпитаго вина, и между тѣмъ юношей, который звѣздной тропической ночью грустилъ на палубѣ португальскаго парохода, и имъ, теперешнимъ, лежитъ цѣлая жизнь. И онъ ощутилъ вдругъ давно незнаемое чувство томительнаго сердечнаго безпокойства.

— Гарри, — сказалъ онъ неувѣренно, — лошадь сегодня подохнетъ?

И жокей, дѣлая гримасу на длинномъ своемъ безбровомъ лицѣ, отвѣтилъ вдругъ весело:

— Подохнетъ, сэръ.

Въ парикмахерской, куда онъ вошелъ передъ вечеромъ, было тепло и тихо шипѣло пламя газовыхъ горѣлокъ. Покрѣпители, покрытые простынями, иные въ чалмахъ, и парикмахеръ въ халатѣ, стригущій съ визгомъ ножницъ и съ потными пальцами, обрастающими шерстью, показались ему вдругъ неживыми, раннія сумерки и вечернія женщины, появившіяся уже на синихъ бульварахъ, напомнили ему другія сумерки теплаго и длиннаго дня, узкія улочки, гдѣ стоя подлѣ китайскихъ домиковъ, маленькія скуластыя гейши, похожія на дѣвочекъ, зазывали въ нихъ пѣвуче и однообразно: — *Somme in...* Глядя въ створчатое зеркало на свое запрокинутое лицо въ бѣлой пѣнѣ, тающей съ тихимъ

шорохомъ, онъ почувствовалъ вдругъ, что усталъ и что если не лечь спать или не заполнить виномъ вечеръ, то можетъ стать вдругъ страшно въ этомъ городѣ, гдѣ какъ и во всѣхъ городахъ міра, безпокойство любви гонитъ толпы на вечернія улицы. И чувство той же сердечной тревоги наполнило его вдругъ смертельной пустотой.

— Господинъ Гудъ,—сказалъ парикмахеръ вкрадчиво, наклоня веселое лицо,—я тоже немного играю на скачкахъ. На Дженинн будетъ плохая выдача, вѣрный фаворитъ, хотѣлось бы сыграть на темную лошадку.

И онъ отвѣтилъ вдругъ съ давно незнаемымъ раздраженіемъ:

— Осторожиѣе, любезный, вы порѣжете мнѣ подбородокъ. Какое мнѣ дѣло до вашей игры.

Въ швейцарской, гдѣ татаринъ запуркалъ по немъ вѣникомъ, онъ отвелъ его нетерпѣливо за плечо, раздраженно поправляя цилиндръ, ставшій вдругъ просторнымъ на стриженныхъ вискахъ. Улицы были еще сини, въ желтомъ блескѣ четырехугольныхъ витринъ. Куклы въ окнѣ, въ аломъ бархатѣ, въ бѣлыхъ парикахъ, глядѣли удивленнымъ стекляннымъ взоромъ. И вверхъ на гору, тяжело ревя запаленными легкими, словно пиля дрова, увозилъ вороной рысакъ съ ватнымъ кучеромъ парочку, лицо женщины въ сумракѣ показалось прекраснымъ, печальнымъ. Медленно, ступая кожанными калошами, онъ прошелъ переулокъ;—за поворотомъ встрѣтились похороны, лицо покойницы съ острымъ носомъ и черными бровями бѣлѣло подъ кисеей, сзади ѣхала линейка. Въ освѣщенномъ окнѣ зоологическаго магазина порхали легко тропическія птицы, зеленыя канарейки и крохотные колибри, словно не было снѣга, зимы. Онъ перешелъ еще нѣсколько улицъ, безпокойныхъ въ вечерней сутолокѣ, миновалъ бульваръ, на деревья котораго съ бумажнымъ шумомъ сажались вороны, и толкнулъ знакомую низкую дверь погребка, гдѣ за прилавкомъ съ козьемъ сыромъ и пузатыми бутылками дешеваго шампанскаго, для азіатскаго стіля въ коричневомъ бешметѣ, стоялъ пожилой веселый армянинъ. И въ тотъ же мигъ, прижимая къ груди его руку, взмахнувъ широкимъ рукавомъ бешмета, онъ крикнулъ восторженно наверхъ:

— Кабинетъ гостю, лучший.

Обросивъ на руки швейцара шубу, наѣздникъ сталъ подниматься наверхъ, гдѣ въ низкихъ зальцахъ, полныхъ чада и жидкаго свѣта, пахло лукомъ и жареной бараниной. Лакеи въ бумажныхъ манишкахъ, стояшіе у стѣны, походили на пьяныхъ, и за восточными занавѣсками кабинетовъ, несмотря на ранній часъ, слышались голоса женщинъ. Лакей провелъ его въ крайній кабинетъ, завѣшанный коврами, гдѣ горѣлъ подъ окномъ болѣзненно и ярко фонарь бѣлымъ ацетилиновымъ свѣтомъ. И свѣтъ этотъ, въ дымномъ туманѣ котораго проносились за городъ рысаки, кислый запахъ ковровъ, тяжело лежащихъ по стѣнамъ пыльными тѣлами, и знакомая вязкая горечь во рту отъ выпитаго вина и острой восточной приправы наполнили его вдругъ пустотой, похожей на страхъ. Тяжело осѣдая на плоской тахтѣ съ жесткими большими подушками, заглушая табакомъ вязущій вкусъ вина, похожаго на пастуше, онъ велѣлъ лакею, сонно торчавшему съ бѣлымъ крыломъ салфетки подмышкой, у занавѣски, за которой, постукивая каблуками, проходили женщины въ сосѣдніе кабинеты, позвать хозяина. И хозяинъ, восторженно закатывая томные черные глаза, не шедшіе къ чернобородому его мужественному лицу, неслышно ступая въ мягкихъ сапогахъ, пришелъ тотчасъ же, точно ждалъ приглашенія въ коридорѣ. Зажавъ трубочку въ темный крѣпкій кулачокъ, наѣздникъ смотрѣлъ впередъ невидящимъ обвислымъ взглядомъ. Хозяинъ, сѣвъ поодаль, положивъ руки на колѣни, сохраняя прежнее восторженное выраженіе глазъ, сказалъ, не оборачиваясь:

— Человѣкъ, принеси тринадцатый померъ, надо все пробовать хорошему гостю. Гостю одному скучно, можно позвать зурну.

И минутою спустя, надувая щеки, закативъ бѣльмо единственнаго глаза, рябой грузинъ въ рваномъ бешметѣ загнулъ овечьимъ глухимъ бляніемъ. Глядя все такъ же впередъ, на пыльную линалюю занавѣску, наѣздникъ сказалъ вдругъ раздраженно, махнувъ маленькой своей бѣлой ладонью.

— Сурень, дай ему вина и прогони. Пусть уходитъ, дурацкая музыка. И грузинъ, поднося къ губамъ стаканъ мутнаго гранатаго вина, изобразилъ на своемъ лицѣ такую блаженную и сонную умильность, какая бываетъ только у слѣпыхъ.

Надо много вина пить, разное вино,—сказалъ хозяинъ весело,—иначе человѣку становится скучно жить...

— А тебѣ не скучно жить, Сурень?—спросилъ наѣздникъ, поворачивая къ нему отяжелѣвшій взглядъ.—Мнѣ тоже всегда были противны люди, которымъ скучно. А сегодня я поглядѣлъ въ глаза лошади и заскучалъ. Лошадь умереть сегодня, Сурень. Главный Морицъ, отецъ Пастушки и Рыжаго, и многихъ другихъ...

Хозяинъ, качая головой быстро зачмокалъ, бѣгая безпокойнымъ хозяйственнымъ взглядомъ по пятнамъ на коврѣ, оставшимся послѣ вчерашнихъ гостей.

— Лошадь умереть спокойно,—сказалъ наѣздникъ снова,—она никому не сдѣлала зла и не имѣетъ враговъ, и въ этомъ году ей исполнилось ровно одиннадцать лѣтъ. И я тоже на одиннадцать лѣтъ сталъ старше, Сурень. А доктора всѣ врутъ, что у меня отъ ѣзды широкое сердце, и однажды я могу кувырнуться съ лошади. Ты боишься смерти, Сурень?

— Ой, боюсь,—отозвался хозяинъ, дѣлая вдругъ плачущее лицо,—у меня дѣтки, и я хочу еще поторговать.

— Дѣтки,—проговорилъ наѣздникъ въ раздумьѣ,—всѣ женщины, которыхъ я зналъ, были бездѣтными, и это было бы совсѣмъ странно, если бы онѣ вдругъ получили ребенка. А съ одной въ Парижѣ я жилъ пять мѣсяцевъ.... потому она сдѣлала карьеру.

И, глядя мимо хозяина, слушающаго шумъ за занавѣской, онъ вспомнилъ, что женщину эту, тогда еще встрѣтилъ у Галлерей дождливымъ днемъ и взялъ съ собою подъ зонтикъ, и тамъ же, въ томъ же Парижѣ, въ сумеркахъ, когда синѣлъ городъ и луна, какъ сонная золотая пчела, вставала надъ Елисейскими полями, онъ глядѣлъ однажды на спящее лицо женщины, стоя близко подлѣ и испытывая вдругъ сладкую грусть и нѣкое забытое мечтанье, похожее на сладкую горечь мечтаній того темнаго юноши, который изъ порта въ портъ, черезъ весь великій морской путь, слѣдовалъ за своимъ хозяиномъ. И спящее лицо женщины, недавно горѣвшее въ страсти подъ его губами, было въ этотъ часъ спокойно и блѣдно, словно, испивъ всю чашу земныхъ смятеній. Тогда, въ тѣ сумерки, глядя на лицо любовницы, маленькой женщины, пошедшей къ нему изъ-за

каприза или сластолюбія, онъ искалъ въ ея чертахъ черты матери, которой никогда не зналъ и про которую разсказаль ему однажды лейтенантъ Петровъ. И въ Парижѣ, три года спустя, модный побѣдитель, очередной любимецъ Парижа, перенявшій часть славы у боксера, раздавленного на подземной дорогѣ, совершая въ экипажѣ послѣобѣденную поѣздку за городъ, онъ встрѣтилъ ее, сдѣлавшую карьеру, съ волосами перекрашенными въ огненный цвѣтъ, уже любившую многихъ; и въ этотъ мигъ онъ не испыталъ горькой утраты, онъ зналъ цѣну деньгамъ и женщинамъ, и Парижъ былъ для него родиной, какъ былъ родиной и всякій другой городъ, который въ смѣнѣ веселыхъ дней радушно принималъ его, какъ славнаго гостя.

Поглядѣвъ на скучающаго хозяина, онъ сказалъ вдругъ:

— Можешь идти, Сурень, надо позаботиться, чтобы всѣмъ гостямъ было весело. Это ничего, что одинъ дуракъ скучаетъ въ кабинетѣ.

Поднявшись съ трудомъ съ низкой тахты, онъ вышелъ изъ-за стола и всталъ посреди комнаты на отяжелѣвшихъ ногахъ.

— Лейтенантъ Петровъ училъ меня молитвѣ,—сказаль онъ вдругъ и посмотрѣлъ на хозяина уже прояснившимся взглядомъ,—когда будетъ очень трудно... Я забылъ молитву: Приди и помилуй...

Хозяинъ, подхвативъ его за талию, ведя обратно къ тахтѣ, какъ драгоценную тяжесть, сказалъ встревоженно:

— Молитву всегда помнить надо. Безъ молитвы нельзя жить.

И, опускаясь на тахту, слабѣя, онъ испыталъ внезапно горькое и смутное чувство радости оттого, что онъ не такъ уже безмѣрно одинокъ на этой землѣ, гдѣ ревѣла сырими голосами подымающаяся вдругъ метель, гдѣ-то на кладбищѣ Парижа спитъ тотъ, который училъ его забытой молитвѣ, и гдѣ-то въ этомъ или иномъ мѣстѣ есть женщина, которую онъ любилъ одинъ часъ. И если даже однажды наступитъ мигъ, когда придется взглянуть на свѣтъ больными глазами умирающей лошади, то можетъ быть этотъ мигъ будетъ страшенъ и радостенъ, какъ нѣкій часъ звѣздной бури, когда выходятъ изъ гордыни даже самыя скупыя сердца и въ смятеніи мечутся, охваченные тревогой и послѣдней любовью, по всѣмъ портамъ, куда заходилъ пароходъ и гдѣ была грусть или радость, одинаково оставившаяся на всю жизнь.

IV.

Конюхъ съ перешибленнымъ носомъ и сшитой верхней губой, торчащей грибомъ, злой отъ холода и прерваннаго сна, вошелъ въ конюшню, гдѣ въ свѣту желтаго фонаря въ сѣтѣхъ чудовищныя лошадиныя тѣни ломались на потолокъ, вздымаясь выше. Неся на вытянутой рукѣ ведро, онъ толкнулъ ногой въ крайнемъ станкѣ жеребца и поднялъ ведро на колѣнѣхъ. Жеребецъ, съ храпомъ рванувшійся въ сторону, потянулъ воздухъ теплыми подвижными поздырями, и принюхиваясь, вытягивая шею, осторожно омочивъ усатые губы, сталъ пить, медленно, отрываясь, словно задумываясь, пока вода капля за каплей стекала съ его морды обратно въ ведро. И какъ только конюхъ собирался отнять ведро, онъ припадалъ снова, безпокойно косясь круглымъ синеватымъ глазомъ, въ которомъ горѣлъ отраженный желтый фонарь. Метель, сухо шумѣвшая свѣгомъ, иногда съ веселымъ свистомъ проносилась по пустырю. Конюшня, теряющаяся дальше въ тѣни, была полна шороховъ, стука подковъ о настиль и вздоховъ — лошади не спали. И конюхъ, удивленный бодрствованіемъ въ этотъ предутренній часъ, объяснилъ это метелью. Пока, вытягивая шеи, принюхиваясь, лошади нехотя припадали къ ведру, онъ почти засыпалъ, съ слипающимися отъ жажды сна глазами. Ночь въ сыпучемъ снѣгѣ и вѣтрѣ шумѣла вверху, подлѣ оконъ въ синемъ жемчужномъ блескѣ. Переноса фонарь на длинномъ шнурѣ, вырывающій изъ тьмы стеклянные камни дикихъ глазъ, онъ напоилъ лошадей, вернулся къ пустому станку и легъ на попоны, засыпая на ходу. И сейчасъ же далеко и смутно изъ денника, гдѣ стояли скаковыя лошади, заржалъ жеребецъ. Каурая кобыла, стоявшая за стѣной въ жеребятникѣ, подъ которой, грѣя на брюхѣ голову, спалъ первенецъ, отвѣтила ему степенно и негромко. Козель, дремавшій въ углу на рогожѣ, вдругъ, поднялся, словно продолжая бодрствованіе, и пошелъ вдоль конюшни, тряся длинной еврейской бородой, бѣглымъ шагомъ, словно по надобности. Онъ дошелъ до конца конюшни, до дверей жеребятника, и толкнулъ тупымъ чернымъ рожкомъ дверь, втягивая сквоз-

нее теплый жеребячий запах и запах лошадиного пота, пахнувшего прѣвущей сыростью. Но дверь была закрыта, только снизу сквозь щель кто-то въ отвѣтъ дыхнулъ вдругъ на него теплымъ короткимъ дыханіемъ. И козель, по слабости и теплотѣ его, понялъ, что это жеребенокъ, и пошелъ назадъ, тѣмъ же бѣглымъ шагомъ, покачивая головой, словно обдумывающій дѣло еврей. Ёдкій терпкій духъ его сбившейся шерсти пугалъ сѣрыхъ проворныхъ мышей, съ легкимъ шорохомъ пробѣгавшихъ по соломѣ къ закрому, гдѣ щекотало ротъ мучнистымъ своимъ вкусомъ тяжелое овсяное зерно. Но зарывъ голову въ шерсть, затягивая бѣлыми пленками гусиные пустые глаза, козель не могъ уснуть, нѣкое безпокойство мучило и его такъ же; минуто спустя онъ всталъ и вновь пошелъ дѣловито вглубь конюшни. Тамъ тоже не спали, звякая цѣпами и храпя, безцѣльно сыпя на землю овесъ или хрустя колючимъ горькимъ стеблемъ. Дотягиваясь черезъ стѣнку, лошади чесали другъ другу крѣпкимъ зубомъ шею, отвѣчая иногда сдержанными низкими голосами на глухіе голоса матокъ, доносящіяся изъ-за дверей. Козель, туло стоявшій у двери, потянулъ поздырями прежнее теплое дыханіе, и сейчасъ же любопытный жеребенокъ по ту сторону дверей, вдругъ испугавшись темноты денника, черныхъ гигантскихъ тѣней, шевелящихся на потолкѣ, и того невидимаго, ёдкій запахъ котораго онъ слышалъ сквозь щель, поскакалъ прочь, кинулся въ станокъ, хватая на ходу уже съ озорствомъ твердые теплые соски. Высосавъ теплую струйку сладкаго молока, онъ толкнулъ еще въ животъ губами подавшуюся мать и выскочилъ изъ станка снова, играючи самъ съ собою и ища поводъ для страха. Подойдя къ дверямъ снова, онъ потянулъ козлиный ёдкій духъ, но козла уже не было; онъ дунулъ нѣсколько разъ въ щель, желая его подразнить, и отошелъ, не зная что предпринять. По смутному неровному дыханію онъ чувствовалъ, что кругомъ не спали, спали только самые слабые и глупые жеребята, которымъ всегда было холодно. Тогда онъ подошелъ къ станку, гдѣ подъ брюхомъ каурой кобылы спалъ первенецъ, хотѣлъ зайти, но сейчасъ же, повернувъ голову, кобыла толкнула его задомъ, и онъ отскочилъ, косясь. Такъ, изогнувъ голову съ жесткой блестящей щеточкой гривки, черной съ бѣлыми колѣпками и отмѣтиной на

лбу, блестя озорчимъ глазомъ, онъ постоялъ и пошелъ вдоль, задирая на ходу высовывающихъ изъ станковъ любопытныя морды жеребятъ. Тѣ, что были поробѣе, жались къ матерямъ, другіе мигомъ поворачивались задми, чтобы поудобнѣе нацѣлить задними ногами. Но, выхвативъ на ходу пучокъ соломы, съ соломинкой во рту, постукивая копытцами, онъ прошелъ въ дальній уголь, въ тѣнь. Настроивъ уши, прислушиваясь къ голосамъ метели, шумѣвшей за стѣной, глубоко петянувъ свѣжій запахъ мерзлой соломы, онъ вспомнилъ вдругъ, что днемъ, носясь по двору, онъ заглянулъ въ крайній сарайчикъ, гдѣ положивъ голову на солому, подъ попоной, подъ которой горой вздымалось ея распухшее тѣло, лошадь глядѣла мимо него скользющимъ темнымъ взглядомъ. И здѣсь, гдѣ съ безпокойствомъ шумѣли во тьмѣ лошади, косясь, хрипя, кидая гигантскія тѣни, бѣгущія по стѣнамъ, жеребенку сдѣлалось вдругъ страшно. Отставивъ короткій хвостъ, съ замирающимъ отъ страха сердцемъ, онъ легко перемахнулъ черезъ пустое ведро и поскакалъ съ короткимъ взволнованнымъ ржаньемъ, сунулся со-слѣпа въ чужой станокъ, гдѣ съ недовольнымъ храпомъ его больно ожгли хвостомъ по глазамъ, и, наконецъ, въ ужасѣ толкая мать, прижался къ ней всѣмъ тѣломъ, забываясь дальше, къ материнскому брюху, пахнущему знакомыми запахами пота и молока. Кобыла привычно отдала назадъ ноги, выпячивая соски, которыя уже тревожно и щекотно искали дѣтскія губы. И когда часъ спустя изъ бѣговой конюшни протяжно заржалъ жеребецъ, она отозвалась, потянувъ воздухъ и чувствуя смерть, глухо и сдержанно, чтобы не напугать маленькаго.

Вл. Лидинъ.

1918-й г.

В. ИВАНОВЪ

I.

Тотъ въ правѣ говорить: «я жилъ»,—
Кто знаетъ милую могилу:
Онъ въ землю вѣрную вложилъ
Любви нерасточенной силу.

Не оскудѣть въ немъ печаль,
Зато и жизнь не оскудѣть;
И чѣмъ онъ дольше сиротѣть,
Тѣмъ видить явственнѣе даль.

Безсмертіе-ль, о томъ ни слова.
Но чувствуетъ его тоска,
Что рѣть къ родникамъ былого
Временъ возвратная рѣка.

1917.

II.

Ночь златокрылая. Тебѣ во-слѣдъ ищетъ
Мой духъ упругость крыль, по векорѣ прилетаетъ.
На край своей души, какъ голубь къ чашѣ водъ.
И видитъ: тотъ-же въ ней, далече, небосводъ
Переливается Голкондою жемчужинъ.
И не доклонетъ онъ до дна, и — безоруженъ —
Тайноязычно слѣдитъ въ звѣздахъ и въ ней
Двоенъ знаменій и перекликъ огней,
Какъ бы взаимный ладъ и нѣкій стоворъ женскій
Молчальницы — души съ Молчальницей вселенско й.

1918.

ВѢРА ИНБЕРЪ

I.

Мои слова сегодня не крылаты:
Они, какъ пчелы осени, больны.
Какъ будто имъ предсказаны утраты,
Туманы, сны.

Но жало острое, какъ смертную занозу,
Вонзаетъ полумертвая пчела.
Открой мнѣ сердце, чтобы я, какъ въ розу,
Въ него вползла.

Его овѣсть воздухомъ суровымъ,
Его исколеть снѣгомъ, но за то
Я буду близко, и безкрылымъ словомъ
Его ужалою сладко, какъ ничто.

II.

И не чувствую тяжести жизненныхъ путь,
И вся я странно легка.
Эти руки и губы скоро умрутъ.
Оттого такая тоска.

Какъ ребенка, смерть унесетъ меня,
Напѣвая смѣясь, шутя.
Она мнѣ скажетъ:—Теперь ты моя,
Навѣки; мое дитя.

— Отпусти,—скажу я,—меня на часъ:
Мой другъ груститъ по утрамъ.
Я поцѣлую его лишь разъ
И потомъ опять умру.

Но, держа меня, какъ легкой плодъ,
Надъ землею въ пустой вышинѣ,
Она отвѣтитъ:—Твой другъ придетъ
И онъ придетъ ко мнѣ.

АЛ. ТОЛСТОЙ
ДЕНЬ ПЕТРА

Въ темной и низкой комнатѣ былъ слышенъ храпъ, густой, трудный, съ присвистами и клокотаніемъ. Пахло табакомъ, виннымъ перегаромъ и жарко палоченной печью.

Внезапно храпѣвшій сталъ забирать ниже, хрипче и оборвалъ. Зачмокалъ губами, забормоталъ и начался кашель, табачный, перепойный. Откашлявшись плюнулъ. И на заскрипѣвшей кровати сѣлъ человѣкъ.

Въ едва забрезжившемъ утреннемъ свѣтѣ, сквозь длинное и узкое окошко, съ частымъ переплетомъ, можно было разсмотрѣть обрюзгшее, большое лицо въ колпакѣ, пряди темныхъ, сальныхъ волосъ и мятую рубаху, разстегнутую на груди.

Потирая полную грудь, сидящій зѣвнулъ, пошаривъ туфли, сунулъ въ нихъ ноги и обернулъ голову къ изразцовой далеко выдвинутой впередъ, огромной печи. На лежанкѣ ея ворочался, почесываясь во снѣ, солдатъ въ сюртукѣ, въ большихъ сапогахъ. Неспѣшно сидящій позвалъ густымъ басомъ:

— Мишка.

И солдата точно сдунуло съ лежанки. Не успѣвъ еще разлѣпить вѣки, онъ уже стоялъ передъ кроватью. Качнулся было, но дернувъ посомъ, вытянулся, выпятилъ грудь, подобралъ губы.

— Долго на рожу твою мнѣ смотрѣть, сукинъ сынъ, — тѣмъ же неспѣшнымъ баскомъ проговорилъ сидящій. Мишка сдѣлалъ полный оборотъ и, выбрасывая по фронтовому ноги, вышелъ. И сейчасъ же за дверью, сквозь которую проникъ на минуту желтый свѣтъ свѣчей, зашепталося нѣсколько голосовъ.

Сидящій натянулъ штаны, шерстяные, пахнушіе потомъ, чулки, кряхтя поднялся, застегнулъ на животъ вязаный жилетъ красной шерсти, вдѣлъ въ рукава байковую коричневую куртку, швырнулъ колпакъ на постель, пригладилъ пальцами темные волосы, падающіе на лицо и пошелъ къ двери, ступая косолапо и тяжело.

Въ комнатѣ сосѣдней, болѣе высокой и просторной, съ дубовыми балками на потолкѣ, съ обшитыми свѣжимъ дубомъ стѣнами, съ небольшимъ и тяжелымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, свитками картъ, инструментами, отливками желѣза, чугуна, мѣди, засыпанномъ табакомъ и прожженнымъ, съ глобусомъ и подзорной трубой въ углахъ, съ книгами, переплетенными въ телячью кожу и валяющимися повсюду,—на подоконникѣ, стульяхъ и полу, въ рабочемъ этомъ кабинетѣ царя Петра, гдѣ ярко пылала изразцовая печь, стояло семь человекъ. Одни въ военныхъ, зеленыхъ сюртукахъ, жмущихъ подмышками, другіе въ бархатныхъ камзолахъ. И сюртуки и камзолы, перьяливые, залитые виномъ, топорщились, сидѣли мѣшками. Огромные парики всклокочены, надѣты какъ шапки—криво, изъ-подъ черныхъ бублей торчали собственные волосы—рыжеватые, русые, славянскіе. Въ свѣтъ сырого утра и наплывшихъ свѣтиленъ лица придворныхъ казались зеленоватыми, обрюзглыми, съ рѣзкими морщинами—слѣдами безсонныхъ ночей и водки.

Дверь распахнулась, вошелъ Петръ и передъ нимъ склонилось низко семь париковъ. Кивнувъ онъ сѣлъ у стола, рѣзко сдвинулъ въ сторону бумаги, опроставъ для руки мѣсто, забарабанилъ пальцами и на присутствующихъ уставились круглые его черные глаза, горѣвшіе безуміемъ.

Такова была его манера смотрѣть. Взглядъ впитывалъ, постигалъ, проникалъ пронзительно, могъ быть насмѣшливымъ, издѣвательскимъ, гнѣвнымъ. Упаси Богъ стоять передъ разгнѣваннымъ его взоромъ. Говорять курфюрстина Евгенія опрокинулась въ обморокъ, когда Петръ громко, всѣмъ на смущеніе, чавкая въ Берлинѣ за ужиномъ гусиный фаршъ, глянулъ внезапно и быстро ей въ зрачки. Но еще никто, никогда не видѣлъ взоръ его спокойнымъ и яснымъ, отражающимъ дно души: человѣческой взоръ. И народъ говорилъ промежь себя, что Петръ — антихристъ,

не человекъ, народъ, хорошо помнившій въ Москвѣ его глаза.

Васька деньщикъ, дворянскій сынъ Сукицъ, принесъ на подносѣ водки, огурцовъ и хлѣбъ. Петръ принялъ заскорузлыми пальцами стаканъ, медленно выпилъ водку, вытеръ губы ладонью и сталъ грызть огурецъ.

Это былъ его завтракъ. Морщины на лбу разошлись и ротъ, красивый, но обезображенный постояннымъ усніемъ сдержатъ гримасу, усмѣхнулся. Петръ сильно втянулъ воздухъ черезъ ноздри и сталъ набивать канюперъ въ почернѣвшую трубочку. Деньщикъ подалъ фитиль. Захрипѣвъ чубукомъ, Петръ сказалъ:

— Поди, разбуди, выпусти, — и подалъ ключикъ отъ шкафовъ, куда запирались на ночь остальные три деньщика. Шкафы эти устроены были недавно, послѣ того какъ обнаружилось, что, несмотря на угрозы и битье, деньщики удираютъ черезъ слуховое окошко къ дѣвкамъ сверху — фрейлинамъ.

Затѣмъ царь прищурился, сморщился и съ гримасой проговорилъ:

— Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, чай со вчерашняго дебоширства, да поминанія Ивашки Хмѣльницкаго—головой гораздо оглубѣлъ. Поди, поди. Послушаемъ, какъ ты врешь съ перепоею.

Потянувъ со стола листы съ цифрами, онъ выпустилъ густой клубъ дыма въ длинное, перекошенное страхомъ, лицо свѣтлѣйшаго. Но улыбка обманула. Крупный потъ выступилъ на высокомъ, побагровѣвшемъ отъ гнѣва, лбу Петра. Присутствующіе опустили глаза. Не дышали. Господи прониеси!

— Селитры на сорокъ рублевъ, шесть алтынъ и двѣ деньги. Гдѣ селитра? — спрашивалъ Петръ. — Овесъ, по алтынѣ, четыре деньги, двѣнадцать тысячъ мѣръ. Гдѣ овесъ? Деньги здѣсь, а овесъ гдѣ?

— Во Исковѣ, на боярскомъ подворьи, въ куляхъ по сей день, — бормоталъ свѣтлѣйшій.

— Врешь.

Храни Никола кого-нибудь пошевелинуться. Голову Петра пригнуло къ плечу. Ротъ, щеку, даже глазъ перекосило. Князь, неосмотрительно, охраняя холодное свое лицо,

поровиль повернуться спиной, хоть плечикомъ, но не успѣлъ: сорвавшись со стола огромный царскій кулакъ ударилъ ему въ ротъ, разбилъ губы, и изъ сладкихъ глазъ свѣтлѣйшаго брызнувши слезы смѣшались съ кровью. Онъ дрожалъ, не вытираясь. И у всѣхъ отлегло отъ сердца; Толстой завертѣлъ даже табакерку въ костлявыхъ пальцахъ. Шаховской издалъ нѣкій звукъ губами. Грозу пропесло пустякомъ.

Такъ началось утро, обычный, буднишній петербургскій денекъ.

А дѣла было много. Покончить съ воровскими счетами князя Меньшикова; написать въ Москву его величеству князю—кесарю Ромодановскому, чтобы гналъ изъ Орла, Тулы и Галича въ Петербургъ плотниковъ и дроворубовъ, понеже прибывшіе въ февралѣ людишки всѣ перемерли, а гнать паче всего молодыхъ, чтобы на животь и ноги не ссылались, не мерли напрасно; да написать въ Лодійное Поле, что на недѣли самъ буду на верфи; да написать въ Варшаву Долгорукому, да въ Ревель купцу Якову Дилю, чтобы прислалъ полпива добраго дюжины три, да чесноку связку, да сала. Окончивъ занятія, письма, приказы, регламентъ—ѣхать надо на новую верфь, гдѣ строится двухпалубный линейный фрегатъ, побывать на пушечномъ заводѣ и на канатномъ, завернуть по пути къ сапожнику Матеусу, окрестить дочь, выпить чарку перцовой, закусивъ пирогомъ съ морковью, сунуть подъ подушку роженицѣ - кумѣ рубль серебромъ; избить до смерти дьяка - вора на соляной заставѣ, походить по постройкамъ на набережныхъ и на островѣ; въ двѣнадцать часовъ обѣдъ и сонъ до трехъ; отдохнуть, ѣхать въ тайную канцелярію, гдѣ Толстой, Петръ Андреевичъ, Ушаковъ, да Писаревъ допытываютъ съ пристрастіемъ слово и дѣло государево. А вечеромъ ассамблея по царскому приказу, быть всѣмъ, скакать подъ музыку вольно, пить и курить табакъ, а будучи кто не явится — царскій гнѣвъ лютый.

Словомъ дѣла было много.

Сырой вѣтеръ гналъ сильный туманъ съ моря; шумѣлъ морѣдѣвшій ельникъ на Васильевскихъ болотахъ; гнулись высокія сосны, кое гдѣ еще торчавшія по городу; сдувало гнилую солому съ избъ и клѣтѣй, завывало въ холодныхъ печныхъ трубахъ, хлопало дверями: много въ то время пустѣло домовъ, потому, что народъ меръ до послѣдней степени отъ язвы, тумановъ и голода. Лихое, невеселое было житье въ Петербурхѣ.

Вздувавшаяся рѣка била въ бревенчатыя набережныя; ка-чались, трещали крутобокія барки; снѣгъ и косой дождь на-плюхивалъ цѣлыя озера на площадяхъ и улицахъ, гдѣ для проѣзда брошены были поперекъ бревна, доски, чурбаны.

На черномъ пожарницѣ, выгорѣвшаго въ прошлый чет-вергъ гостинаго двора, что на Петербурхской, торчали четыре висѣлицы, и вѣтеръ раскачивалъ въ туманѣ четы-рехъ воровъ, повѣшенныхъ здѣсь на боязнь и великое стра-хованіе впредь. По берегамъ рѣки, вдоль Невской Перспе-ктивы, уже обсаженной съ обѣихъ сторонъ чахлыми дерев-цами, да вокругъ всей Троицкой площади стучали топоры, тянулись тачки съ пескомъ, телѣжки съ известью, булыж-никомъ, кирпичами. Въ грязи, въ желтомъ туманѣ, на за-биваемыхъ въ болотный илъ сваяхъ возникали каждый день все новые амбары, длинные бараки, госпитали, частные дома переселяемыхъ бояръ. Понемногу все меньше станови-лось мазаныхъ, изъ ивняка и глины, избенокъ, гдѣ еще недавно жили Головинъ, Остерманъ, Шафировъ. Только проворный свѣтлѣйшій уже давно усиѣлъ выкатить себѣ деревянныя палаты, съ башней, какъ у кирпичи, и присма-тривалъ мѣстечко для каменнаго дворца.

Многія тысячи народа, со всѣхъ концовъ Россіи, всѣ языки трудились день и ночь надъ постройкой города. Наводненія смывали работу, опустошала ее пожаръ, го-лодь и язвы косили народъ, и снова тянулись по топ-кимъ дорогамъ, по лѣснымъ тропамъ партіи каменщиковъ, дроворубовъ, бочкарей, кожемякъ. Иныхъ ковали въ желѣзо, чтобы не разбѣжались, иныхъ засѣвали на смерть у версто-

выхъ столбовъ, у тѣпской избы: пощады не знали конвоиры-драгуны, бритые, какъ коты, въ заморскихъ зеленыхъ кафтанахъ,

Строился царскій городъ на краю земли, въ болотахъ, у самой иѣметчины. Кому онъ былъ пужень, для какой муки, еще новой, надо было обливаться потомъ и кровью, и гибнуть тысячами—народъ не зналъ. Но отъ податей, оброковъ, дорожныхъ и войсковыхъ повинностей стономъ стонала земля. А если кто и занкался отъ накинѣвшаго сердца:—„нынѣ де спрашиваютъ съ крестьянъ нашихъ подводы, а такъ мы отъ подводъ, отъ поборовъ и отъ податей раззорились, а нынѣ еще и сухарей спрашиваютъ; государь свою землю раззорилъ и выпустопилъ; только моиъ сухаремъ опъ, государь, подавится“,—тѣхъ, неосторожныхъ, заковавъ руки и ноги въ желѣзо, везли въ Тайную Канцелярiю, или въ Преображенскiй Приказъ, и, счастье было кому просто рубили голову: иныхъ терзали зубьями, или протыкали коломъ желѣзнымъ насквозь, или контили живьемъ. Страшныя казни грозили всякому, кто хоть тайно, хоть наединѣ, или во хмѣлю задумался бы: къ добру ли ведеть насъ царь, и не напрасны ли всѣ эти муки, не приведуть ли они къ мукамъ злѣйшимъ, на многія сотни лѣтъ.

Но ни думать, ни даже чувствовать что-либо громѣ покорности, было воспрещено. Такъ царь Петръ, сидя на пустошахъ и болотахъ, одной своей страшной волей укрупляя государство, перестраивая землю. Епископъ или бояринъ, тяглый человекъ, школяръ или родства непомнящiй бродяга слова не могъ сказать противъ этой воли: услышитъ чье-нибудь вострое ухо, добѣжить до приказной избы и крикнетъ за собой:—„слово и дѣло“. Повсюду сповали комиссары, фискалы, доносчики; летѣли съ грохотомъ по дорогамъ телѣги съ колодниками, робостью и ужасомъ охвачено было все государство.

Пустѣли города и села, разбѣгался народъ на Донъ, на Волгу, въ Брянскiе, Муромскiе, Пермскiе лѣса. Кого перехватывали драгуны, кого воры забивали дубинками на дорогахъ, кого рѣзали волки, драли медвѣди. Поростали бурьяномъ поля, дичало, пустѣло крестьянство, грабили воеводы и комиссары.

Да полно — хотѣлъ ли добра Россiи царь Петръ? Что

была Россія ему, хозяину, загорѣвшемуся досадою и ревностью: какъ это, дворъ его и скоть, батраки и все хозяйство—хуже, глупѣе сосѣдскаго. О добрѣ ли думалъ хозяинъ, когда съ перекошеннымъ отъ гнѣва и нетерпѣнія лицомъ, прискакалъ изъ Голландіи въ Москву, въ старый, лѣнивый, православный городъ, съ колокольнымъ тихимъ звономъ, съ повалившимися заборами, съ калинами и дѣвками у воротъ, съ китайскими, индѣйскими, персидскими купцами, у кремлевской стѣны, съ коровами и драными попами на площадяхъ, съ премудрыми боярами, со стрѣлковой вольницей.

Развѣ милой была ему, родиной Россія? Съ любовью и скорбью пришелъ онъ? Налетѣлъ досадный, какъ ястребъ: ишь угодье какое досталось въ удѣлъ, не то, что у курфюрста бранденбургскаго, у голландскаго штатгальтера. Сейчасъ же въ этотъ же день, все перевернуть, перекроить, обстричь бороды, надѣть всѣмъ голландскій кафтанъ, поумнѣть, думать начать по иному. Чтобы духу не было противнаго русскаго.

И при маломъ сопротивленіи—лишь заикнулись только, что моль не голландскіе мы, а русскіе, избыли, моль, и хозарское иго и половецкое, и татарское, не разъ кровью и боками своими восстанавливали родную землю, не можемъ голландцами быть, смилуйся.—Куда тутъ. Разъярилась царская душа на такую самобытность и полетѣли стрѣлочки головы.

Днемъ и ночью, при свѣтѣ горящаго смоля, на брошенныхъ въ грязь бревнахъ, рубили головы. Самъ свѣтлѣйшій, тогда еще Алексашка, лихо, не кладя на земь челоуѣка, съ налету саблей смахивалъ голову, хвалился. Пили много въ тѣ дни крѣпкой водки, до черна настоенной на султанскомъ перцѣ. Самъ царь слѣзъ съ коня у Лубянскихъ воротъ, отпихнулъ палача, за волосы пригнулъ къ бревну стрѣлцаго сотника, и съ такой силой ударилъ по его шеѣ, что топоръ, зазвенѣвъ, до половины ушелъ въ дерево. Выругался царь матерно, вскочилъ на коня, поскакалъ въ Кремль.

Спать не могли въ тѣ ночи. Пили, курили голландскія трубки. Помѣщику одному, Лаптеву, засунули концомъ во внутрь свѣчу, положили его на столъ, зажгли свѣчу, смѣялись гораздо много.

Въ нагольномъ полушубкѣ, въ оленьемъ надвинутомъ на уши колпакѣ, обмотавъ горло вязанымъ шарфомъ, Петръ влѣзъ на двухколесную таратайку, взялъ возжи, и затѣснивъ локтемъ рябого солдата, жавшагося сбочку, выѣхалъ со двора.

Смирный карій меринъ, привыкшій къ любой непогодѣ, не спѣша зачмокалъ копытами; скоро ѣхать было нельзя: таратайку сильно подбрасывало на бревенчатой, уже развѣженной, мостовой, валило въ рытвины, полныя грязи.

Сильный вѣтеръ дулъ въ лицо, гоня нескончаемыя, разорванныя въ клочья, облака. Солнце висѣло низко, и то заслонялось сѣрыми пеленами, то выплывало изъ нихъ, багровое, не свѣтлое, сѣверное, и клубился, клубился повсюду, па землѣ и межъ облаками, желтоватый, душный туманъ.

Вотъ такъ погода! Хороша погода! Морская, крѣпкая, сквознякъ. Съ удовольствіемъ, раздувая поздри, вдыхалъ Петръ, соленый, сырой вѣтеръ, гнавшій гдѣ-то по морю торговля, полныя товаровъ, суда, грозные линейные корабли, выдувавшій изъ всѣхъ закоулковъ постылый духъ російскій.

И пусть топоръ царя прорубалъ окно въ самыхъ костяхъ и мясѣ народномъ, пусть гибли въ великомъ сквознякѣ смирные мужики, не знавшіе даже зачѣмъ и кому пужна ихъ жизнь, пусть треснула сверху до низу вся самобытность—окно все же было прорублено и свѣжій вѣтеръ ворвался въ ветхіе терема, согналъ съ теплыхъ печурокъ заспавшихъ обывателей, и законопчили, поползли къ раздвинутымъ границамъ русскіе люди—дѣлать общее государственное дѣло.

Но все же случилось не то, чего хотѣлъ гордый Петръ; Россія не вошла, нарядная и сильная, въ семью великихъ державъ. А, подтянутая имъ за волосы, окровавленная и обезумѣвшая отъ ужаса и отчаянія, предстала новымъ родственникамъ въ жалкомъ и не равномъ видѣ—рабою. И сколько бы ни гремѣли грозно русскія пушки, повелось, что рабской и униженной была передъ всѣмъ міромъ великая страна, раскинутая отъ Вислы до китайской стѣны.

Черезъ Троицкую площадь шли Семеновцы съ мѣдными

кигами на головахъ, въ промокшихъ кафтанахъ. Солдаты лихо мѣсели по грязи и разомъ взяли на караулъ, выкатывая глаза въ сторону государя. Чиновники, сгѣшвившіе по своимъ дѣламъ, пробирался по насланнымъ вдоль лавокъ и домишекъ мосткамъ, низко снимали шляпы, и вѣтеръ трепалъ букли ихъ париковъ. Простой народъ, въ зипунахъ и овчинахъ, иныя совсѣмъ босые, валились на колѣни прямо въ лужи, хотя и былъ приказъ: „шицъ передъ государемъ, идя по его, государевой надобности, не падать, а снять шляпу и, стоя, гдѣ остановился, быть въ пристойномъ видѣ, покуда онъ, государь, пройти не изволить“.

Одинъ только толстый булочникъ, ганноверецъ, въ полосатыхъ штанахъ, въ чистомъ фартукѣ, стоя у дверцы булочной, гдѣ на ставняхъ были нарисованы какіе-то смѣшныя, носатые старички, весело усмѣхнулся и крикнулъ, махнувъ трубкой:

— Гутъ моргенъ, герръ Питеръ.

И Петръ, повернувъ къ нему багровое, круглое лицо, отвѣтилъ хрипло:

— Гутъ моргенъ, герръ Мюллеръ.

На набережной между бунтами досокъ, бревенъ и бочегъ съ известью толпились рабочіе. Туда же бѣжалъ въ большихъ сапогахъ, съ лоткомъ пирожковъ, мальчишка, покрытый рогожей. А съ того берега на веслахъ и парусѣ подходилъ полицейскій баркасъ, кренился, зарывался въ волны носомъ, и на носу его ругательски ругался оберъ-полицеймейстеръ. Все это обличало явный непорядокъ.

А непорядокъ былъ вотъ въ чемъ: посреди народа, въ страхъ великомъ, обступившаго бочку съ известью, на бочкѣ стоялъ тощій, сутулый челоуѣкъ, безъ шапки. Волосы спутанные, какъ войлокъ, падали косицами на плечи; горбоносое, изможденное лицо было темно и въ глубокихъ морщинахъ; глаза провалились и горѣли люто; узкая бороденка металась по голой груди; ребра обтянутыя, собачьи, сквозили черезъ дыры подноясаиного лыкомъ армяка. Вытягивая руку въ древнемъ двуперстномъ знаменіи, онъ кричалъ пропитательно дурнымъ голосомъ:

— Православные, нынѣ привезли знаки на трехъ корабляхъ. А тѣ знаки, чѣмъ людей клеймить, и самъ государь по нихъ ѣздилъ, и привезены на Котлинъ островъ, но тогмо

никому не кажутъ и за крѣпкимъ карауломъ содержать, и солдаты стоятъ при нихъ безсмѣнно...

— Вѣрно... вѣрно... — зароптала толпа, — сами слышали... Клейма привезены... Вотъ такой же кричалъ памедни.

Сзади два усатыхъ сержанта уже принялись лаяться, расталкивать, гнать народъ. Иные отошли. Большинство тѣснѣе, какъ овцы, сдвинулось къ боченку... Рваный же человекъ растопыривъ руку и, суя въ нее палецъ, кричалъ:

— Вотъ здѣсь, между большимъ и среднимъ пальцемъ, царь будетъ пятнать, и стануть въ него вѣрвать. Слушайте, христіане, слушайте... Въ Москвѣ мясо всѣхъ ужъ заставили ѣсть въ Сырную недѣлю и въ Великій постъ. И на Соловки послали трехъ дяковъ, чтобы монаховъ учить мясо ѣсть. И весь народъ мужеска и женска пола будетъ государь печатать, а у помѣщиковъ и у крестьянъ всякій хлѣбъ описывать, и каждому будутъ давать хлѣба самое малое число, а изъ остального отписного хлѣба будутъ давать только тѣмъ людямъ, которые запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ, — тѣмъ хлѣба давать не стануть. Бойтесь этихъ печатей, православные. Бѣгите, скрывайтесь. Последнее время настаетъ. Антихристъ пришелъ. Антихристъ...

Крестясь, отплеываясь, явились мужики. Иные побѣжали. Закликали бабы... Смяли мальчишку въ рогожѣ, опрокинули съ пирожками лотокъ. Человекъ двадцать солдатъ лупили палками по головамъ и спинамъ. Рваный слѣзъ съ бочки и пошелъ, наклонивъ голову. Передъ нимъ разступились, и онъ скрылся за бунтами лѣса.

Когда Петръ, широко шагая черезъ лужи, подошелъ къ мѣсту происшествія — солдаты уже разогнали рабочихъ, и только оберъ-полицмейстеръ Иващинъ таскалъ за волосы вятскаго какого-то хилаго мужичка, послѣдняго, кто подвернулся подъ руку. Вятскій, растопыривъ руки и согнувшись, покорно вертѣлъ головой по всѣмъ направленіямъ, куда таскало его начальство; Иващинъ-же съ ужасомъ косился на подходившаго царя: дѣло было не шуточное — бунтъ и его, полицмейстера недоглядка.

„Пропалъ, пропалъ, пришибетъ на мѣстѣ“, торопливо думалъ онъ, крутя за виски покорную голову.

— Что? Кто? Почему? — отрывисто дергая щекой, спросилъ Петръ, и самъ, схвативъ сзади за полушубокъ-

вятскаго мужичка, приблизили его тощее, съ провалившимися щеками, смиренное готовое къ неминуемой смерти лицо къ безумнымъ своимъ глазамъ. Приблизили, впили и проникъ, точно выпили всю его нехитрую мужицкую правду.

„Господи Иисусе“, — посинѣвшими губами пролепеталъ вятскій. Но Петръ уже отшвырнулъ его, съѣвшаго точно безъ костей въ грязь, и обратился къ Ивашину!

— Причину нарушенія работъ, господинъ оберъ-полицмейстеръ, извольте рапортовать.

Бритое рябое лицо Ивашина подернулось сѣрымъ налетомъ. Вытянувшись до послѣдней жилы, онъ отрапортовалъ:

— Пирожникъ пироги принесъ, народишко началъ хватать безобразно, началась драка и безобразіе, пирожника едва не задавили, пироги всё потоптали.

Совралъ, совралъ Ивашинъ и самъ потомъ много удивлялся, какъ онъ такъ ловко вывернулся изъ скверной исторіи, гораздо хорошо совралъ, глядя честно и прямо въ царскіе глаза. Петръ спросилъ спокойнѣе:

— Съ чѣмъ пироги?

— Съ грибами, ваше величество.

Придерживая шпагу, Ивашинъ живо присѣлъ и, поднявъ изъ грязи, подаль царю пирожокъ. Петръ разломилъ, понюхалъ и бросилъ.

— А этотъ, ваше величество, — Ивашинъ сапогомъ шпхнулъ вятскаго мужичка въ ноги, — всёмъ имъ, ворами, зачищникамъ, крикунъ и воръ.

— Батоговъ! — Петръ повернулся и зашагалъ косолапой, но стремительной поступью вдоль набережной къ работамъ. Ивашинъ рысью, придерживая треугольную шляпу и шпагу, поспѣвалъ за нимъ.

Вдоль тонкаго берега, куда били, расплзаясь, черноледныя волны, копошилось до трехъ сотъ человѣческихъ фигуръ: орловцы и туляки въ войлочныхъ гречушникахъ, киргизы въ остроконечныхъ, какъ кибитки, шапкахъ, съ мѣховыми ушами, одѣтые въ оленьи кофты поморы, и сибиряки въ собачьихъ шубахъ, и иной бродячій людъ, кто обмотанный тряпками, кто просто прикрытъ рогожей.

— Оглядывайся... Оглядывайся.. Оглядывайся... — лошди негромкіе голоса по всему берегу. Не жалѣя ни

рукъ, ни спина, подгоняемые десятниками и, еще болѣе, зоркимъ взглядомъ царя, всѣ эти изпуренные, цынготные, покрытые лишаями и сыпью строители великаго города, „бодро и весело“, какъ сказано въ регламентѣ работъ, били въ сваи, рысью тащили бревна, съ грохотомъ сбрасывали ихъ, пилили, пакатывали; человекъ пятьдесятъ, стоя поносясь въ водѣ, обтесывали торцы. Тѣло пахло мокрымъ деревомъ, дегтемъ и дымомъ отъ обжигаемыхъ свай.

Всѣ эти люди были, какъ гномы, какъ духи земли, вызваны изъ небытія, чтобы, не ропща и не уставая, строить стѣны, укрѣпленія, дворцы, овладѣвать разливомъ рѣкъ, ловить вѣтеръ въ широкіе паруса, бороться съ огнемъ.

Одного слова, движенія бровей было достаточно, чтобы поднять на сажень берегъ Невы, оковать его грапитомъ, ввинтить бронзовыя кольца, воздвигнуть вонъ тамъ, поправѣ трехъ оципаннхъ елей, огромное зданіе съ каналами, арками, пушками у воротъ и высокимъ шпилемъ, на золотѣ котораго загорится сѣверное солнце.

Грызая ноготь, Петръ исподлобья поглядывалъ на то мѣсто, гдѣ назначалось быть адмиралтейству. Тамъ, на низкомъ берегу стояли длинные бараки съ дегтемъ, пенькой, чугунными отливками; кругомъ строились лѣса, тянулись телѣжки по гребнямъ выкидываемой изъ каналовъ зеленоватой земли, и сколько еще пужно было гнѣва и нетерпѣнія, чтобы поднялся изъ болотъ и тумана дивный городъ!

А тутъ еще пирожки какіе-то помѣшали!..

— Эй, сколько было прогудяно съ этими твоими широгамъ?—не оборачиваясь, быстро спросилъ Петръ, зная, что, какъ гномъ, въ ту же минуту передъ глазами появится тотъ, кого спрашиваютъ. Ивашинъ выскочилъ передъ царское лицо и отрапортовалъ:

— Не бслѣ получаса, ваше величество.

— Послѣ работъ пороть черезъ десятаго.

Въ концѣ стройки Петръ свернулъ на мостки, сквозь доски которыхъ подъ его шагами замогала вода. Здѣсь онъ вынулъ часы, отколупнулъ чернымъ ногтемъ крышку— было ровно половина одиннадцатаго—и шагнулъ въ качавшійся и скрипѣвшій о сваи одномачтовый ботъ.

Скуластый матросъ, въ короткой стеганой курткѣ и въ падающихъ изъ-подъ нея складками широкихъ коричневыхъ

штапахъ, весело взглянулъ на Петра Алексѣевича, сунулъ въ карманъ фарфоровую трубочку и, живо перебирая руками, поднялъ парусъ. Тотчасъ лодка, безсильно до этого качавшаяся, точно напрягла мускулы, накренилась, мачта заскрипѣвъ согнулась подъ крѣпкимъ вѣтромъ. Петръ снялъ руку съ поручни мостковъ, положилъ руль, и лодка скользнула, взлетѣла на гребень, и пошла черезъ Цеву.

Петръ проговорилъ сквозь зубы:

— Вѣтерокъ, Степанъ, а?

Осклабясь матросъ прищурился на вѣтеръ, сплюнулъ.

— Былъ пордъ на развѣтѣ, ободпяло—ниш на пордъ-вестъ повернулъ.

— Врешъ, пордъ-вестъ-вестъ.

На это Степанъ усмѣхнулся, качнулъ головой, но не отвѣтилъ: хотя съ Петромъ Алексѣевичемъ были они и давнишними пріятелями-мореходами, все-таки много спорить съ нимъ не приходилось.

У строящагося адмиралтейства, гдѣ была уже вытянута сажень на полтораста высокая, изъ крѣпкихъ бревень, пахнувшая смолой, набережная, Петръ выскочилъ изъ лодки и, все такъ-же, снѣша и на ходу махая руками, пошелъ къ пеньковымъ складамъ.

Матросы, чиновники, рабочіе и солдаты издали слышали косолапые и тяжелые шаги царя и, заслышавъ, низко нагнулись надъ бумагами и книгами, засуетились каждый у своихъ работъ.

Не яркое, какъ пузырь, солнце повисѣло полъ дня за еловой пусторослью и закатилось. Темно-красный свѣтъ разлился на все небо; какъ уголья пылали края свинцовыхъ тучъ, завалившихъ закатъ на тысячу верстъ, въ вышину поднялись оттуда влуды черно-краснаго тумана; багровая, какъ кровь, текла Цева; лужи на площади, колени, слюдяныя окошки домиковъ и стволы сосенъ все отдавало багровымъ этимъ пылаемъ, и не яркими, блѣдными казались, сыплющіе искрами, большіе костры, разложенные на мѣстахъ работъ.

Но вотъ яркой иголкой блеснула пушка на крѣпостномъ

валу, ударилъ и далеко покотился выстрѣлъ, затрещали барабаны, и длинныя партіи рабочихъ потапулись къ баракамъ.

У бревенчатыхъ этихъ, длинныхъ и низкихъ строеній, съ высокими крышами, дымились котлы, охраняемые солдатами; въ подходившей толпѣ, не смотря на строгій приказъ, вертѣлись сбитеньщики съ крѣпкимъ сбитнемъ, воры, офени, и лихіе люди, предлагавшіе поиграть въ зернь, въ кости, покурить табачку; гнусили калѣки и бродяжки; толокся всякій людипко, наровившій пограбить, поживиться, погрѣться. Давали, конечно, по пеемъ, да всѣмъ не надаешь—пропускали.

Во второмъ васильевскомъ баракѣ, такъ же, какъ и повсюду усталые и продрогшіе рабочіе обступили котель, просовывая каждый свою чашку усатому унтеру, говорившему поминутно:

— Легче, ребята, осаживай!

Получавшій порцію брель въ баракѣ, садился на нары и ѣлъ, помалкивая: пищу де ханть нельзя — государева. Хлѣбъ покупали на свои деньги, говорили, что въ царскій подмѣшиваютъ нарочно конскій навозъ.

Съ двухъ концовъ горячія надъ парашами лучины едва освѣщали нары, тянущіеся въ три яруса, щелястыя, не тесаныя стѣны, и множества грязнаго тряпья, развѣшаннаго подъ потолкомъ на мочальныхъ веревкахъ. Набивъ брюхо, кряхтя и крестясь ползъ народъ на нары, паваливалъ на себя тулуны, рогожи, тряпье, и засыпалъ до утренняго барабана. У дверей всю ночь шагаль солдатъ, въ киверѣ съ перевязью, съ большой алебардой, покашливалъ для страха и отъ времени вставлялъ новую лучину. Строго было заказано—не баловать, а пуце всего зря языкомъ не трепать, чтобы грѣха было меньше.

Но безъ грѣха не проживешь, и солдату можно дать копѣйку, чтобы не слушалъ, чего не надо, и въ баракѣ пробирался лихой человекъ, Монтатонъ, не русскій, залѣзалъ подъ самую крышу и тамъ, разложивъ на платѣ все свое хозяйство: склянку съ виномъ, зернь, табакъ и кости, начищалъ скрести ногтемъ—скррръ, скррръ, здѣсь, молъ дождемся.

И каждую ночь сползались къ нему Семень Заяць, да

Митрофанъ тоже Заяцъ, да Семень Куцый, да Антопъ изъ черкасъ, шенотомъ вели бесѣду, кидали кости, звенѣли копѣйками, и осторожно, чтобы не было великаго шуму, заѣзжали за плутовство въ ухо Монтатону, проводили время.

Да и не все ли было равно—ну, застануть и, засѣвуть: на царевой работѣ никто еще больше трехъ лѣтъ не вытягиваль. Такъ было и сегодня. Собралась кумпанія, запалили огарочекъ салный, достали зернь, начали рѣзаться. Солдатъ шагаль у лучины, зѣваль отъ скуки. Вдругъ слышнть гдѣ-то внизу на парахъ шопоть:

— Отецъ Варлаамъ, а какъ же онъ насъ печатать станеть?

— Промежъ середняго и большого пальца, тебѣ говорить, дура.

— Постой ты — подь руку. Отецъ Варлаамъ, вѣрно это?

— Вѣрно, — отвѣчалъ давешнй вопленный голосъ, — клейма тѣ желѣзныя, раскалять и приложить, и на нихъ крестъ, только не нашъ, не христіанскій.

— Господи, что же дѣлать то? А если я не дамся?

— А допрежь зельемъ будутъ онаивать, табакомъ окуривать, для прелести скакать въ машкерахъ кругъ тебя, и на бочкахъ ѣздить, и бабъ безъ одежи будутъ казать, а тѣ бабы брюхатыя, кто змѣемъ, кто лягушкой.

— Вѣрно, вѣрно, ребята, на прошлую масляницу самъ видѣль — на бочкахъ ѣздили и бабы скакали.

— А что же я вамъ говорю.

Солдатъ видя, что не монтатонова эта кумпанія подаетъ голосъ, и разговоръ идетъ самый воровской, подошелъ, опустил алебарду и сказалъ, заглянувъ подъ темныя нары:

— Эй, кто тамъ бормочеть, черти. Не спите.

Голоса затихли сразу; кто то поги босья поджалъ. Солдатъ постояль, шохнулъ табачку и сказалъ еще:

— Сволочи, спать другимъ не даете. Развѣ не знаете государя нашего приказъ строгій: въ рабочихъ помѣщеніяхъ не разговаривать, только для ради пищу попросить, али иглу, али соли. Ницѣ строго.

И только онъ припоровилъ запустить вторую закладку табачную подъ усы въ обѣ ноздри, какъ вопленный голосъ закричалъ на все темное помѣщеніе:

— Врешь. Государя нашего у нѣмцевъ подмѣнили, а

этотъ не государь, давеча самъ видѣлъ — у него лица нѣтъ, а лицо у него не человѣческое, и онъ голову держаетъ и глазами вертитъ, и его земля не держитъ, гнется. Бѣда, бѣда всей землѣ русской. Обманули насъ, православные...

Но тутъ солдатъ, бросивъ рожокъ съ табакомъ и алебарду, закричалъ „караулъ“ и побѣжалъ къ выходу, расталкивая лѣзущій внизъ съ наръ перепуганный народъ. Зашумѣли голоса. Визгнула баба гдѣ то подъ рогожей, другая, выскочивъ кълучинѣ, забилась, заквакала. „Бейте его!“ кричали они. „Да кого бить то?“ „Давють, батюшки!“ Монтатонъ, побросавъ свой струментъ, ужомъ лѣзъ къ выходу; поймали его, вырвали полъ головы волосъ.

И ввалился, наконецъ, караулъ съ факелами и оружіемъ на голо. Все стихло. Рослый, крѣпколицый офицеръ, оглядывая мужиковъ, съ всклокоченными волосами, съ разинутыми ртами, двинулъ треугольную шляпу на лобъ и, полубернувшись къ командѣ, приказалъ четко и рѣзко:

— Арестовать всѣхъ. Въ тайную канцелярію.

Тайная канцелярія занимала довольно большую площадь, огороженную высокимъ частоколомъ. Главный корпусъ построенъ изъ кирпича, а всѣ пристройки—тюрьмы, клѣтки, казематы, казармы—бревенчатые, и все время пристраивались, такъ какъ не хватало мѣста для привозимыхъ отовсюду государственныхъ преступниковъ.

Въ главномъ корпусѣ, низкомъ, красномъ зданіи, крытомъ черепицей, съ толстыми стѣнами и небольшими, высоко отъ земли рѣшетчатыми окошками, помѣщались: прямо низкая комната съ дубовыми, вдоль стѣнъ, лавками для ожидающихся подъ карауломъ, направо комната дьяковъ, налѣво кабинетъ начальника тайной канцеляріи, и оттуда кованая желѣзомъ дверь вела въ застѣнокъ, сводчатое помѣщеніе съ коридорами и камерами. Сзади во дворикѣ валялись—разный инструментъ, нужный и пенужный: рогожи, связки прутьевъ, ржавыя кандалы, кожи, гробы, и стояли „синици“, самое страшное орудіе пытки, рѣдко принимаемое.

Всѣ комнаты были оштукатуренныя и уже грязныя отъ патенъ сырости, прикосновеніе рукъ и спинъ. Вездѣ камен-

мый, захоженный грязью, полъ, простые дубовые столы и табуреты.

Мѣсто было суровое, только въ кабинетѣ начальника день и ночь пылалъ каминъ, потому что Толстой былъ злобокъ, и часто, чиня допросъ, придвигалъ стулъ къ огню и закрывалъ глаза, слушая, какъ путается обвиняемый, да дьякъ скрипитъ гусиннымъ перомъ.

Въ восемь часовъ бухнула наружная дверь, и въ комнату, гдѣ у стѣнъ сидѣли попеременно колодники и солдаты, вошелъ Петръ; прищурился на то мѣсто, гдѣ въ густыхъ испареніяхъ плавалъ свѣтъ сальнаго огарка, неясно освѣщая лысину пагнувагося надъ бумагой дьяка и блѣдныя лица вскочившихъ въ испугѣ колодниковъ, приложилъ пальцы къ поздравьямъ, шумно выморкался, вытеръ носъ подою мокраго полшубка и, пагнувшись, шагнулъ въ кабинетъ предсѣдателя,

— Ну, ну, сиди,—проворчалъ царь въ сторону Толстого и, сѣвъ передъ каминомъ, протянулъ къ огню красныя въ жилахъ руки и огромныя подошвы сапогъ,—паршивый народъ не умѣютъ простой штуки—стропила связать, дурачье,—продолжалъ онъ, явно желая похвастаться,—Шафировъ инженера выписалъ себѣ изъ Риги, хвастуна и глупецъ къ тому же. Я на крышу влѣзъ и показалъ ему, какъ вяжутъ стропила. Запищалъ инженерикъ: „дасъ исть умеллихъ, герръ готъ“. А я сгрѣбъ его подъ парикомъ за виски: это, говорю, меглихъ, это тебѣ меглихъ...

Ухмыляясь онъ выпнулъ короткую, изгрызенную трубочку, пальцами схватилъ уголекъ изъ очага, покидалъ его на ладони и сунулъ въ трубку. Толстой сказалъ:

— Ваше величество, дѣло попомаря Гультяева, что въ прошедшемъ мѣсяцѣ у Троицы на колокольнѣ кикимору видѣлъ и говорилъ: „Питербурху быть пусту“, разобрало, свидѣтели всѣ допрошены, остается вашему величеству резолюцію положить.

— Знаю, помню, — отвѣтилъ Петръ, — пуская клубъ дыма,—Гультяева, глупыхъ чтобы словъ не болталъ, бить вкнутомъ и на каторгу на годъ.

— Слушаю, — нагнувшись надъ бумагами, проговорилъ Толстой, — а свидѣтели?

— Свидѣтели, Петръ широко зѣвнулъ, погрѣвшись у

огня,—выдай имъ начпорта, отошли по жительствоу подь росписку. Въ это время стукнули въ дверь. Толстой строго посмотрѣлъ черезъ очки и сказалъ, поджавъ губы:

— Войти.

Появился давшій крѣпколицый офицеръ; выкативъ грудь, держа руку у шпаги, другую у мокрой треуголки, отрантовалъ, что по государеву слову и дѣлу арестовано имъ 98 человекъ мужска и женска пола, приведено за часотокъ, прошу де дальнѣйшихъ распоряженій.

Толстой, прищурясь, пожевалъ губами, большой лобъ его, высоко поднятый буклями парика, покрылся морщинами,

— На кого же ты слово государево говоришь? На кого именно?—спросилъ онъ,—на всѣхъ девяносто восемь человекъ говоришь, такъ ли я понимаю? Что? Не слышу, туговать на ухо.

Рука офицера задрожала у шляпы, онъ молчалъ, стоя статуей. Царь, вытянувъ ноги, глядѣлъ круглыми глазами въ огонь, время отъ времени туда сплевывая. На цыпочкахъ вошелъ приказный дьякъ, поклонился царскому креслу и сейчасъ же, присѣвъ у своего столика, записалъ, водя бородой по бумагѣ. Толстой, выйдя на середину комнаты, съ наслажденіемъ нюхалъ изъ золотой табакерки, склонилъ къ плечу хитрое, лѣнивое лицо, оглядывая оторопѣлаго офицера и сказалъ въ носъ:

— Большое дѣло ты затѣялъ: 98 человекъ обвиняешь, а со свидѣтелями и вся тысяча наберется. Добрый полкъ. Сколько же я кожъ бычьихъ на кнуты изведу? Сколько бумаги исписать придется? И, Боже мой, вотъ задалъ работу.

Что же ты молчишь, другъ мой, али испужался?

И при этомъ съ улыбкой покосился на царя и захихалъ, отряхивая тонкими пальцами съ кафтана табакъ. Офицеръ срывающимся, взволнованнымъ голосомъ пробормоталъ:

— Ваше превосходительство, въ баракъ второмъ васильевскомъ поносныя слова на государя говорены, и говорилъ ихъ воръ и бродяга Варлаамъ съ товарищи...

И, не кончивъ, дрогнувъ и попытываясь офицеръ: съ такой силой отшвырнулъ Петръ тяжелое кресло отъ огня и, подивившись во весь ростъ, засопѣлъ, багровый и искаженный, сыпя горящій пепель изъ трубки.

Измѣнился въ лицѣ и Толстой, точно весь высохъ въ минуту, заговорилъ торопливо:

— Веди его, веди одного пока, да не сюда, а прямо въ застѣнокъ. Товарищей препроводить въ казарму, держать подъ карауломъ крѣпко... Головой отвѣчаешь,—пронзительно крикнулъ онъ, подскакивая къ офицеру, который, сдѣлавъ полный оборотъ, быстро вышелъ.

Петръ растегнулъ мѣдный крючекъ полунубка на шеѣ и сказалъ, криво усмѣхаясь:

— Говорилъ я вамъ, ваше превосходительство, — Варлаамъ въ Питербурхѣ, вы не вѣрили.

— Ваше Величество...

— Молчи. Дуракъ. Смотри, Толстой, какъ бы и твоя голова не слетѣла.

Петръ съ силой толкнулъ желѣзную дверь и, нагибаясь, пошелъ по узкому проходу въ правѣжную. Толстой же, постоялъ минуту въ неподвижности, затѣмъ, подвеса холодную, сухую ладонь ко лбу, потеръ его и, уже торопливо, захвативъ подмышки бумаги и сѣмечъ, вышелъ вслѣдъ за государемъ.

Такъ началось огромное и страшное дѣло о проповѣдникѣ антихриста, занявшее много мѣсяцевъ, и много людей сложило головы на немъ, и молва объ этомъ дѣлѣ далеко прокатилась по Россіи.

Варлаамъ уже сорокъ минутъ висѣлъ на дыбѣ. Вывернутыя въ лопаткахъ, связанные надъ головою, руки его были подтянуты къ перекладинѣ ремнемъ; голова опущена, спутанныя пряди закрывали все лицо, мѣшались съ длинной бородой; обнаженное съ выдающимися ребрами, вытянутое и грязное тѣло его было въ пятнахъ копоти, и съ боку стекалъ сгустокъ крови: Варлааму только что дали тридцать пять ударовъ кнутомъ, а спереди попалили вѣшниками. Грязныя ноги его, съ поджатыми судорожно пальцами, были охвачены хомутомъ и привязаны къ бревну, на которомъ, вытягивая все его тѣло, стоялъ дюжій мужикъ, въ короткомъ тулупчикѣ—палачъ.

Напротивъ у стола, при двухъ свѣчахъ, озаряющихъ кирпичные своды, сидѣли Петръ, развалясь и закинувъ го-

лову, съ падутой жилами шеей, посрединѣ Толстой, и направо отъ него—огромный, похожій краснымъ лицомъ на льва, угрюмый человекъ—Ушаковъ; онъ былъ безъ парика, въ лисей шали и бархатной, съ косматымъ воротникомъ, шубѣ.

— Не снять ли его, кабы не кончился,—проговорилъ Толстой, просматривая только что записанное показаніе. Ушаковъ, глядя неподвижно на висящаго и свистя заложеннымъ отъ табаку и простуды горломъ, сказалъ:

— Дать водки, очухается.

Толстой поднималъ глаза на царя. Петръ кивнулъ. Палачъ шопотомъ сказалъ въ темноту за столбы:

— Васъ, Васъ, по правѣ, въ уголышкѣ, тамъ склянка.

Изъ темноты вышелъ круглолицый, съ женственнымъ ртомъ, кудрявый парень, бережно неся четырехгранную склянку съ водкой. Вдвоемъ они запрокинули голову висящему, покопошились и отошли. Варлаамъ застоналъ не громко, почмокалъ, затѣмъ закрутилъ головой, и на Петра опять, какъ и давеча, уставились черные глаза его, блестящіе сквозь пряди волосъ. Толстой вслухъ сталъ читать записъ дознанія. Вдругъ Варлаамъ проговорилъ слабымъ, но яснымъ голосомъ:

— Бейте и мучайте меня, за Господа нашего Иисуса Христа готовъ отвѣчать передъ мучителями...

— Ну, ну,—цыкнулъ было Ушаковъ, но Петръ схватилъ его за руку, и нагнулся на стулъ, вслушиваясь.

— Отвѣчаю за весь народъ православный. Царь, и люте тебѣ царя были, не убоюсь лютости.—Съ передышками, какъ читая трудную книгу, продолжалъ Варлаамъ.— Тѣло мое возьмешь, а я уйду отъ тебя, царь. На лапахъ на четырехъ заставишь ходить, въ ротъ мнѣ удила вложишь, и языкъ мой отнимешь, и землю мою не моею землею назовешь, а я уйду отъ тебя. Высоко сядишь, и корона твоя, какъ солнце, и не прельстишь. Я знаю тебя. Вѣкъ твой не долгій. Корону твою сорву, и вся прелесть твоя обьявится дымомъ смраднымъ. Вижу тебя. Гляжу во имя Отца и Сына и Духа.

Петръ проговорилъ, разлѣпивъ губы:

— Товарищей, товарищей назови.

— Идѣтъ у меня товарищей ни пособниковъ, токмо вся Рассея товарищи мои.

Страшно перекосило ротъ у царя, запрыгала щека и голову пригнуло; съ шумнымъ дыханіемъ, стиснувъ зубы, онъ сдерживалъ и поборолъ судорогу. Ушаковъ и Толстой не шевелились въ креслахъ. Палачъ всей силой навалился на бревно и Варлаамъ закинулъ голову. Слышно было, какъ трещали свѣчи. Петръ поднялся, наконецъ, подошелъ къ висящему, и долго стоялъ передъ нимъ, точно въ раздумьи.

— Варлаамъ, — проговорилъ онъ, и всѣ вздрогнули. Парень съ женскимъ ртомъ, вытянувъ шею, глядѣлъ изъ-за столба нѣжными голубыми глазами на царя. — Варлаамъ, — повторилъ Петръ. Висящій не шевелился. Царь положилъ ладонь ему на грудь у сердца:

— Снять, — сказалъ онъ, — вернуть руки. На завтра приготовить спицы.

У свѣтлѣйшаго въ только что сдѣлчанной пріемной залѣ, съ еще волглыми стѣнами, высокими, не виданными окнами, при свѣтѣ двухсотъ свѣчей, танцовали гротъ-фатеръ. Четыре музыканта — скрипка, флейга, фонфара и контръбасъ — дудѣли и пилили на своихъ инструментахъ, обливаясь потомъ.

Бояриши и бояришни, хотя и въ нѣмецкихъ, но по русскому тяжелыхъ — до пуда вѣсомъ — платьяхъ безъ украшеній — драгоцѣнности въ то время были запрещены — по парумяненныя, какъ яблоки, и съ густо насурмленными въ одну линію черными бровями, целовко держась за своихъ кавалеровъ, скакали и высоко подпрыгивали по воценому полу, въ общемъ кругу танцующихъ.

Посреди кругъ стоялъ герой модъ и кутежей — Францъ Лефортъ, де бошапъ французскій. Бритое, тонкое лицо его, съ пьяными глазами, было обрамлено огромнымъ рыжимъ парикомъ, бубли его доходили почти до пояса. Золотой кафтанъ горой поднимался на бедрахъ. Помахивая рукой, съ падающими на обшлагъ кружевами, онъ напѣвалъ въ тактъ, топалъ краснымъ башмачкомъ.

Мимо него проносились, подпрыгивая, и перепуганный, потный прапорщикъ гвардіи, съ дворянскими мясами, натуго

перетянутыми суконнымъ стуртукомъ, и долговязый, презрительный остзеецъ, съ рыбимъ взоромъ, вналой грудью и въ огромныхъ ботфоргахъ, и пьяный съ утра наглый государевъ деньщикъ, и бояринъ древяго рода, не знающій хорошо — гдѣ онъ: въ пьяномъ кружалѣ, въ аду или только дурной это сонъ...

Струи дыма ползли въ залу изъ низкой комнаты, гдѣ за длинными столами играли въ шахматы, курили трубки, пили вино и хлопали другъ друга по дюжимъ спинамъ птенцы Петровы.

И повсюду межъ тапцующими и пьяными похаживалъ съ козлиною бородкой сухонькій человекъ, одѣтый въ дякопскій парчевый стихарь и съ кардонной, золотой митрой на лысой головѣ — князь Шаховской, ума не малаго и читатель книгъ, токмо самый злой сосудъ и пьяный, второй архидьяконъ всепьянѣйшаго собора и царскій шутъ.

Веселье было великое. Музыка и взрывы смѣха и топотъ ногъ по вощеному полу. Въ залу вошелъ Петръ. Онъ былъ головою выше всѣхъ. Короткимъ кивкомъ отвѣчая на низкіе поклоны, прямо прошелъ къ столамъ, сѣлъ съ краю и на парчевую скатерть положилъ стиснутые, грязные кулаки. Лицо его было блѣдно и презрительно, волосы прилипли ко лбу.

Косясь на царя гости продолжали веселиться, чтобы не нажить пущей бѣды. Одинъ Шаховской смѣло подошелъ къ нему со спины и, выпятивъ губу, проговорилъ гнусаво:

— Ну, какъ братъ, Пахомъ-Пихай, что пить то будемъ?

Вздрогнувъ Петръ, оскалась быстро обернулся и уже съ лѣнливой, дѣланной усмѣшкой сказалъ:

— Тройной перцовой, ваше святѣйшество.

Не шутка, варево адское была тройная перцовая, чело-вѣка валила въ пятнадцать минутъ, будь онъ хоть каменный, и его святѣйшество сразу понялъ, что не для шутки потребовалъ Петръ этого зелья, а со зла. И, понявъ, немедля опредѣлилъ и свое поведеніе: подобралъ высоко стихарь, на затылокъ сдвинулъ митру и побѣжалъ по гостямъ, крича въ лицо каждому:

— Слюньи распустилъ, венгерское попиваешь? Самъ за себя, противникъ — чортъ боишься. Сычь, сычь, надуился, о чемъ думаешь, а я не знаю. А можетъ ты Хмѣльницкимъ гнушаешься, въ соборъ къ намъ ходить не хочешь, отъ питья морду воротить. А можетъ у тебя противныя мысли.

И, отскочивъ, тыкала распухшимъ въ суставахъ, старческимъ пальцемъ въ поблѣднѣвшее отъ такихъ намековъ лицо придворнаго, и смѣялся визгливо, и бѣжалъ къ другимъ, присѣдая, кривляясь, и пѣтъ—пѣтъ да закидывая глазокъ въ сторону государя.

Передъ царемъ поставили жбанъ, полный бурога зелья. Свѣтлѣйшій, съ припухшимъ ртомъ, но улыбающійся сладко, надушенный, въ кружевахъ, въ шелковомъ парикѣ, обсыпанномъ золотыми блестками, наливалъ тройную перцовую въ чарки, изрядной вмѣстимости и посылалъ гостямъ, спѣшившимъ, хоть притворно да поскорѣе, освинѣть во хмѣлю на потѣху государю.

Петръ, щурясь сквозь табачный дымъ, загребалъ пальцами съ блюда то, что ему подкладывали, громко жевалъ, суя въ ротъ большіе куски хлѣба и въ промежутки глоталъ водку, съ трудомъ насыщаясь и съ большимъ еще трудомъ хмѣля. Ъсть онъ могъ много, всегда, было бы что подъ рукой.

Гости ожидали, когда царь, откушавъ, начнетъ шутить, что бывало иной разъ покрѣпче перцовой. Но красное его, съ толстыми, круглыми щеками, лицо не проясилось. Онъ уже отсунулъ блюдо и, положивъ локти на столъ, грызъ янтарный чубукъ—попрежнему выпуклые глаза царя были точно стеклянные, не видящіе. И страхъ сталъ одолевать гостей: ужъ не прискакалъ ли курьеръ изъ Варшавы съ недобрыми вѣстями? Или въ Москвѣ опять неспокойно? Или кто-нибудь здѣсь изъ сидящихъ провинился?

Вынувъ изо рта чубукъ, Петръ сплюнулъ подъ столъ и, проговорилъ, морщась отъ подперевшей отдышки:

— Ну-ка, архидьяконъ, подь сюда.

Князь Шаховской, надувшись индюкомъ, отставляя посохъ, приблизился:

— Во имя отца моего, Бахуса и Венерки, шленды, дѣвки греческой, вопіющій ко мнѣ насытится и зовущій

меня ухнется,—загнусли онъ, закрывая голые, желтоватые глаза.

— Я съ тобой не шучу,—перебилъ Петръ, и внезапно вздулась жила у него поперекъ лба, остеклянѣвшими глазами онъ оглядѣлъ гостей, чуть подольше задержавшись на столѣ, гдѣ сидѣли прусскіе офицеры.—Я тебя въ шуты не принималъ, самъ просился.—Онъ фыркнулъ носомъ и сталъ совать палецъ въ трубку.—Что-то черезчуръ стараешься. Перестарался, перестарался. Вотъ что. Боюсь про насъ съ тобой говорить станутъ лишнее. Скажутъ, пожалуй—царскій шутъ...—онъ не окончилъ, какъ часто бывало, свою мысль и забрызгалъ слюной, сдерживая гримасу.—Боюсь твоимъ стараньемъ, да, да... стараньемъ черемѣрнымъ, какъ бы на меня твой колпакъ не надѣли бы, часомъ... Съ рогами... Собираются... Знаю... Вѣдь говорить, говорить, слышалъ небось... Бѣгалъ самъ, небось, слушать съ товарищами... Колпакъ, небось, пригожѣ мнѣ, чѣмъ корона...—И опять, какъ филинъ, повернулъ голову направо, налево, пронзительно всматриваясь. Его несвязныя, пьяныя слова, темный ихъ смыслъ усугубили страхъ между гостями. Похоже было на то, что царь опять напалъ на какой-то заговоръ, и каждый испуганно оглянулся, отодвинулся отъ пріятеля. Меньше другихъ смутились свѣтлѣйшій, привыкшій ко всячинѣ, да Шаховской. Его притворно пьяные, теперь умные—щелками, глаза напряженно слѣдили за каждымъ изъ порывистыхъ движеній царя. Онъ понималъ, какія тайныя мысли жгли государя, и внезапно, пододвинувшись, сказалъ съ растяжкой, по-мужицки:

— Брось, Пахомъ, вотъ осерчалъ изъ-за какой дряни. На, возьми, не жалко,—и съ громкимъ, слезливымъ вздохомъ снялъ съ себя митру и подалъ царю.

Петръ усмѣхнулся дико, и вдругъ съ короткимъ, какъ кашель, хохотомъ надвинулъ на голову кардонный колпакъ.

— Архидьяконъ,—закричалъ онъ,—князю земли кланяйся, поклонись, аминь.

Взявъ за бороду Шаховского у самого подбородка, нагнувъ три раза къ себѣ, запрокинулъ его лицо, схватилъ со стола жбанъ съ водкой и сталъ лить ее князю въ разинутый ротъ.

Шаховской, булькая, пилъ. Оторвался, собачьими, стра-

дающими глазами взглянул на государя и снова прильнул. Наконецъ, колѣнки его начали дрожать часто, мелко, руки въ широкихъ рукавахъ поднялись, бессильно шевеля пальцами; тройная перцовая лилась мимо рта по стихарю.

— Будя,—прошепталъ онъ, и зашатался. Видно было, что и царю сильно ударилъ хмѣль. Бросивъ Шаховского, онъ вышелъ въ залу и крикнулъ музыкантамъ:

— Чаше, чаше.—Подхватилъ боярыню какую-то, обнялъ ее спину, притиснулъ полную, голую грудь къ грязному своему кафтану, и принялся отбивать дробь тяжелыми ботфорами, кружиться и сигать по всей залѣ, увлекая и кружа едва поспѣвающую за нимъ взмокнушую боярыню — княгиню Троекурову.

Свѣтлѣйшій, тѣмъ временемъ, быстро пораскинувъ умомъ и два раза для совѣта добѣжавъ до княгинюшки, приготовилъ все, что на потребу Купидону, и ждалъ только минутки. Когда Петръ утомился, прислонясь къ колоннѣ и вытираясь рукавомъ, Меньшиковъ подбѣжалъ на ципочкахъ и шепнулъ ему что то. Слышали, какъ Петръ воскликнулъ съ пьянымъ весельемъ:

— Ну, ну, идемъ,—и широко шагая и махая руками, прослѣдовалъ впереди свѣтлѣйшаго въ внутренніе покои.

— Свѣтлѣйшій, въ одномъ камзолѣ, придерживая руку у горла и кланаясь, провожалъ государя на крыльцѣ, благодарилъ за милость.

— Иди, иди къ гостямъ, безъ тебя уѣду,—закашлявшись отъ вѣтра проворчалъ Петръ и обсунилъ на полушубкѣ ременный поясъ. Ночь была темная, сѣкло косою изморосью. Передъ крыльцомъ надъ замерзшими колеями грязи покачивались фонари въ рукахъ конюховъ. Вдалекѣ, съ фонаремъ же, проходили челоуѣкъ семь въ тулупахъ—ночной караулъ, тускло поблескивая торчащими во все стороны алебардами.

Свѣтлѣйшаго пришлось силой втолкнуть въ дверь, дабы притворнымъ своимъ ласканьемъ не надоѣдалъ чрезмѣрно; за окнами все еще играла музыка; свистѣлъ вѣтеръ въ обглоданной соснѣ близъ дома; роптала и билась о свая ледяная, невидимая сейчасъ, Нева; только желтѣли на ней и качались корабельные фонари; фыркали, смутно сѣрѣя побли-

вошти, выѣздныя и верховыя лошади; а Петръ все еще стоялъ на крыльцѣ, надвинувъ до бровей шапку.

Сытый и пьяный и угѣшенный всѣмъ человѣческимъ, царь точно прислушивался, какъ изъ этой сытости снова, не во время, когда спать просто надо, поднимается жадная, лихая душа, не успокоенная, голодная.

Ни какимъ виномъ не оглушить ее, ни ѣдой, ни весельемъ, ни бабьей сыростью. Ни покоя, ни отдыха. И не отъ этого ли окаянства, зиму и лѣто, скачетъ Петръ въ телѣгахъ и дилижансахъ, верхомъ и въ рогожныхъ кибиткахъ съ Азова въ Архангельскъ, съ Демидовскихъ чугуно-литейныхъ заводовъ подъ Выборгъ, въ Берлинъ, на Олонекія цѣлебныя воды. И строить, приказываетъ, судить, казнить, водить полки, и крутится, крутится по землѣ, не насыщая голодную душу.

— Лошадь,—сказалъ Петръ. Конюха съ фонарями шарахнулись. Подѣхала давешняя двуколка, съ рябымъ скрюченнымъ отъ холода солдатомъ... Петръ грузно влѣзъ въ сидѣнье. Застоявшійся вороной жеребецъ, смѣнившій давешняго старичка караковаго, перебирая ногами, началъ было присѣдать, подкидывать передомъ.

— Шалишь,—крикнулъ Петръ, рвануль возжами, и стегнулъ жеребца, махнувшаго раза три въ оглобляхъ и затѣмъ размахистой, легкой рысью понесшаго валкую двуколку въ темноту. На дорогѣ испуганно посторонился ночной карауль, и далеко въ догонку крикнулъ: „Смирно“. А потомъ солдатики шопотомъ рассказывали въ шинкѣ:

„Вотъ было страха ночью, идемъ мы—Митрай, да еще Митрай, да унтеръ Лыковъ, всего значить въ сеяромъ, а онъ на вороной лошадици, какъ дунетъ мимо насъ вихремъ, лошадица огромная, а самъ сидитъ, какъ конна. Развѣ человѣку мыслимо въ такомъ видѣ ѣздить, ужъ больно великъ, темень“.

У тайной канцеляріи Петръ бросилъ возки, скользи и спотыкаясь, подошелъ къ воротамъ, цыкнулъ на караульныхъ: „Глаза то протри, не видишь кто...“ и, перебѣжавъ дворикъ, сильно хлопнулъ наружной дверью.

Варлаама привели и оставили съ глазу на глазъ съ государемъ. На углу стола плавалъ въ плошкѣ огонекъ. Шипѣли, съ трудомъ разгораясь, дрова въ очагѣ. Петръ, въ

шубѣ и шапкѣ, сидѣлъ глубоко въ креслѣ, облокотясь о поручни, подперевъ обѣими руками голову, словно вдругъ и смертельно уставшій. Варлаамъ, выставивъ бороду, глядѣлъ на царя.

— Кто тебѣ велѣлъ слова про меня говорить? — спросилъ Петръ не громко, почти спокойно. Варлаамъ вздохнулъ, переступилъ босыми ногами. Царь протянулъ ему раскрытую ладонь:

— На, возьми руку, пощупай, человѣкъ, не чортъ.

Варлаамъ пододвинулся, но ладони не коснулся.

— Рукъ не могу поднять, свернуты, — сказалъ онъ.

Много васъ, Варлаамъ? Скажи, пытать сейчасъ не стану, скажи такъ.

— Много.

Петръ опять помолчалъ.

— Старинныя книги читаете, дуперстнымъ крестомъ спаситесь хотите. Что же въ книгахъ у васъ написано? Скажи.

Варлаамъ еще пододвинулся. Запекшійся ротъ его подъ спутанными усами раскрылся нѣсколько разъ, какъ у рыбы. Онъ смолчалъ. Петръ повторилъ:

— Говори, что же ты.

И Варлаамъ, кашлянувъ, какъ передъ чтеніемъ и прикрывъ воспаленными вѣками глаза, началъ говорить о томъ, что въ книгѣ Кирилла сказано; что „во имя Симона Петра имѣеть быть гордый князь міра сего—антихристъ“, и что на генеральномъ дворѣ у Спасителя ненарисована рука благословляющая, и у образа Пресвятыя Богородицы Младенца не написано, и что попомъ де служить на пяти профессорахъ больше не велѣно, и что скорописные новыя требники, гдѣ пропущено „и Духа Святаго“, тѣ полы рвутъ и топчутъ ногами, и въ мирянахъ великая смута и прелесть, и что у графа Головкина у сына красная щека, да у Федора Чемоданова у сына жъ его пятно черное на щекѣ и на томъ пятихъ волосы, и что такіе люди, сказано, будутъ во время антихристово.

Петръ, казалось, не слушалъ, подперевъ кулакомъ щеку. Когда Варлаамъ кончилъ и замолкъ, онъ повторилъ, нѣсколько разъ въ раздумьи:

— Не пойму, не пойму. Лихая бѣда, дѣйствительно.—

И потомъ дрогнувшимъ внезапно, ласковымъ почти голосомъ сказалъ:—такъ и ужъ антихристъ передъ тобой, Варлаамъ.

И долго глядѣлъ на разгорѣвшіяся полѣнья. Затѣмъ поднялся и стоялъ, огромный и добрый передъ Варлаамомъ, который вдругъ зашепталъ, точно смѣясь всемъ сморщеннымъ обтянутымъ лицомъ своимъ:

— Эхъ, ты, батюшка мой...

Тогда царь стремительно нагнулся къ нему, взявъ за уши и, словно поцѣловать желая, обдалъ жаркимъ табачнымъ и виннымъ дыханіемъ, глубоко заглянулъ въ глаза, проворчалъ что-то, отвернулся, глубоко надвинулъ шапку, кашлянулъ:

— Ну, Варлаамъ, видно мы не договорились до хорошаго. Завтра мучить приду. Прощай.

— Прощай, батюшка,—Варлаамъ потянулся, какъ къ родному, какъ отцу обретенному, какъ къ обреченному на еще большія муки брату своему, но Петръ, уже не оборачиваясь, пошелъ къ двери, почти заслонивъ ее всю широкой и костлявой спиной.

За воротами, взявшись за скобу двуколки и на минуту замедливъ садиться, онъ подумалъ, что день конченъ трудовой, трудный, хмѣльной, и бремя этого дня и всѣхъ дней прошедшихъ и грядущихъ свинцовой тягой легло на плечи ему, взявшему непосильную человѣку тяжесть:—одного за всѣхъ.

Алексѣй Толстой.

И КРАДІЕВСКАЯ

I.

Грѣхи—поводыри слѣпыхъ,
А я недвижная, но зрячая,
И не туманить кровь горячая
Раздуміи медленныхъ моихъ.

Что дѣлать тѣмъ, кто тишь на днѣ
Хранить, какъ влагу первородную,
Для грубой нравы непригодную,
Кого баюкаютъ во снѣ.

Не руки душные любовника,
А дикая звѣзда Арктуръ,
Чей ротъ для поцѣлуя хмуръ
И горче ягоды терновника?

Прости, что я тебѣ—жена,
Что расплескала, неспусная,
Усладу, не испивъ до дна.
Что жизнь моя, такая грустная.

Просторна слишкомъ для любви...
Забудь. Не мучай. Не зови.

II.

Морозъ оледенилъ дорогу
Ты мнѣ сказалъ,—не упади,—
И шель заботливый и строгій,
Держа мой локоть у груди.
Собаки лаяли за рѣчкой,
И надъ деревней стылъ дымокъ,
Растянуть въ синее колечко.
Со мною въ ногу ты не могъ
Попасть, и мы смѣялись оба.
Остановились, обнялись...
И буду помнить я до гроба,
Какъ два дыханья поднялись,
Свились и на морозѣ ровно
Теплѣло облачко двухъ дунѣй.
И я подумала любовно:
— И тамъ мы вмѣстѣ, милый мужъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
И. Бунинъ. Конецъ. Разсказъ	5
Анна Ахматова. Послѣднее письмо. Стихи	15
К. Бальмонтъ. Оконце. Тропинки огня. Стихи	19
Ал. Вознесенскій. <i>Ius primaе noctis</i> . Драма	27
Александръ Блокъ. Возмездіе. Стихи	47
Андрей Бѣлый. Къ Антропософи. Стихи	53
М. Горькій. Все тоже. Повѣсть	59
В. Брюсовъ. Вѣнокъ сонетовъ. Стихи	131
Вл. Лидинъ. Звѣздная буря. Разсказъ	149
В. Ивановъ. Стихи	177
Вѣра Инберъ. Стихи	181
Ал. Толстой. День Петра. Разсказъ	185
Н. Крандіевская. Стихи	215

Обложка работы С. ЧЕХОНИНА.

Редакторъ Д. МАРЬЯНОВЪ.